

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2018. Том 16, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистика и языковая деятельность

- Казарина В. И.* Модус 'возможность' в дневниковых записях Т. Л. Сухотиной-Толстой: субмодусы, условия жанровой реализации 5
- Кондакова Е. А., Морозова Е. В.* Языковая динамика в зеркале двуязычной лексикографии (на примере академического немецко-русского словаря) 19

Психолингвистика и лингвокультурология

- Яковлев А. А.* Значения терминов как отражение научной и обыденной картин мира в сознании студента 30
- Палкин А. Д.* Образ вечности в русской и японской лингвокультурах 41
- Янь Кай.* Категоризация концепта РАДОСТЬ в художественных текстах И. А. Бунина: лингвокогнитивный аспект (по данным компьютерного анализа) 49
- Алексеев А. Б.* Языковая игра в политическом дискурсе 57

Переводоведение

- Соломоновская А. Л.* Переводческие предисловия в славянском и германском мире IX века: традиционные топосы и новые элементы 63
- Бобылева Т. В.* Анализ переводов названия романа Джейн Остин «Sense and Sensibility» на французский язык 76
- Калашиников А. В.* Пародии на нравоучительные стихотворения в «Приключениях Алисы в Стране Чудес» в русских переводах начала XX века 96
- Сведения об авторах 108
- Информация для авторов 109

VESTNIK

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2018. Volume 16, № 1

CONTENTS

Linguistics and Language

- Kazarina V. I.* The Modus of ‘Possibility’ in the Diary Notes by L. T. Sukhotina-Tolstaya:
Sub-modi and the Conditions of Genre Realization 5
- Kondakova E. A., Morozova E. V.* Language Dynamics in the Mirror of Bilingual Lexicography (On the Example of the Academic German-Russian Dictionary) 19

Psycholinguistics and Cultural Linguistics

- Yakovlev A. A.* Terms Meanings as the Reflections of the Scientific and Everyday Worldviews in the Student’s Mind 30
- Palkin A. D.* Image of Eternity in Russian and Japanese Linguocultures 41
- Yan Kai.* Categorization of the Concept of *JOY* in I. A. Bunin’s Short Stories: Lingvocognitive Aspect (Corpus-Based Computer Analysis) 49
- Alexeev A. B.* The Use of Language Play in Political Discourse 57

Translation Studies

- Solomonovskaya A. L.* Translators’ Prefaces in Germanic and Slavic Domains of the Ninth Century: Traditional Topoi and New Elements 63
- Bobyleva T. V.* Analysis of French Translations of Jane Austen’s Novel Title *Sense and Sensibility* 76
- Kalashnikov A. V.* Parodied Moralistic Poems in *Alice’s Adventures in Wonderland* Translated into Russian in the Early 20th Century 96
- Our Contributors 108
- Instructions to Contributors 109

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov
Secretary Daria V. Ilyina

Foreign Text Editor
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina

Members of the Editorial Board
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk) Dr. Sc. (Philology),
Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk), Cand. Sc. (Linguistics),
Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan), Dr. Sc. (Linguistics),
Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk), Dr. Sc. (Linguistics),
Prof. Z. G. Proshina (Moscow), Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Claude Fray (Paris, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. Iliana Chekhova (Sofia, Bulgaria), Dr. Sc. (Linguistics),
Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. N. Shirobokova (Novosibirsk)

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson),
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. S. Kurcheev, V. I. Molodin,
G. M. Mkrtchyan, O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence
Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23
E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru
On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 81'367

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-1-5-18

В. И. Казарина

*Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
ул. Коммунаров, 28, Елец, 399770, Россия*

cazarina.valentina2015@yandex.ru

**МОДУС 'ВОЗМОЖНОСТЬ'
В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ Т. Л. СУХОТИНОЙ-ТОЛСТОЙ:
СУБМОДУСЫ, УСЛОВИЯ ЖАНРОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ**

Статья посвящена выявлению субмодусов модуса 'возможность', маркированных модальными модификаторами возможности, в дневниковых записях Т. Л. Сухотиной-Толстой и условий их реализации. В исследовании учтены словарные данные модификаторов и контекст их функционирования. В качестве составляющих модуса были вычленены субмодусы 'способность', 'готовность', 'разрешение', 'умение', 'успевание'. Выявлены лексические маркеры субмодусов; условия их реализации дифференцированы как внутренние, определяемые специфическими признаками пропозиционального субъекта, и внешние, не соотносимые с характеризующими субъекта признаками. Выявлено значительное преобладание отрицательных форм модификаторов и совпадение модально-го и пропозиционального субъектов, что является специфическими чертами дневникового жанра и одним из аспектов идиостиля Т. Л. Сухотиной-Толстой.

Ключевые слова: субмодус, внутренние условия реализации, внешние условия реализации, способность, готовность, допущение, умение, успевание, личный дневник.

Введение

В лингвистику термин «модус» как один из компонентов семантики предложения (высказывания) был введен Ш. Балли. Под модусом он понимал сочетание модального глагола (типа *думать, радоваться, желать*), служащего «логическим и аналитическим выражением модальности», с модальным субъектом, представляющее модальность предложения как коррелятивную операцию, производимую мыслящим субъектом, и дополняющее диктум [Балли, 2001. С. 44].

Термины «модальность» и «модус» соотносятся: они «связаны между собой с точки зрения объекта и того, что составляет содержание объекта» [Ярыгина, 2012. С. 33]. Исходным признается термин «модус», от которого образовался термин «модальность»: модальность – от лат. *modus* – мера, способ [Ляпон, 1990. С. 303]. В отечественной лингвистике термин «модальность» и понятие, подводимое под этот термин, оказались более востребованными. Термин же *модус* однозначного толкования в лингвистике не имеет [Мёдова, 2012]. В одном из подходов модус – это «как бы легкая “пелена” на лексеме, которая создает модальную рамку высказывания», некоторая окрашенность высказывания целиком, «связанная прежде всего с лексическими компонентами» [Ярыгина, 2012. С. 37].

Казарина В. И. Модус 'возможность' в дневниковых записях Т. Л. Сухотиной-Толстой: субмодусы, условия жанровой реализации // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 5–18.

Подход к модальности как к «функционально-семантической категории, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности и разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [Ляпон, 1990. С. 303], позволяет ставить вопрос о двух уровнях или разновидностях модальной семантики. Модальность высказывания традиционно дифференцируется как объективная, или грамматическая, – первый уровень модальности [Бондарко, 1990. С. 60], и субъективная, или лексическая, – второй уровень модальности предложения, который представляет собой «мысль» [Колшанский, 1961. С. 95–96] о сообщаемом, его оценку. За модальной оценкой второго уровня мы закрепляем термин *модус*. Это возможность / невозможность, желание, необходимость, достоверность / недостоверность и т. п., объективируемые лексическими средствами: глагольными и именными модификаторами и модальными вводными конструкциями.

Понятийно и деривационно с термином *модус* соотносится используемый нами термин *субмодус*, образованный от лексемы *модус* при помощи латинской приставки *суб-*, вносящий в дериват сему ‘вторичность, подчиненность’ [Ожегов, Шведова, 2009. С. 777; СРЯ, 1984. С. 298]. Введение данного термина обусловлено тем, что лексически маркируемые модусы не являются семантически однородными, представляя собой совокупность таких разновидностей модальной оценки, которую мы называем *субмодусом*, учитывая значение элемента *суб-*: от лат. *sub* – под [СРЯ, 1984. С. 298].

Предметом данного исследования является модус ‘возможность’, реализуемый в дневниковых записях Т. Л. Сухотиной-Толстой, позволяющих выявить специфику индивидуально-авторской картины объективного мира в субъективном восприятии как один из аспектов идиостиля автора специфического жанра.

Возможность – это категория, направляющая развитие мира, то, что объясняет и допускает превращение потенциального в действительное, предстоит действительности. В этой функции она представляет модальную оценку, модус потенциальной ситуации, способной быть реализованной.

Как семантическое поле модус ‘возможность’ описан в работах Е. И. Беляевой и С. Н. Цейтлин [Беляева, 1990; Беляева, Цейтлин, 1990], модальные операторы возможности в роли объективаторов альтернативных путей развития отмечены И. М. Кобозевой [2000], употреблению языковых выражений и языковых показателей возможности с учетом прагматического фактора, проблемам эпистемической и онтологической возможностей посвящена работа Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [1990], о способностях семантического оператора *мочь* с учетом его объективной, пермиссивной и эпистемической природы говорят Анна А. Зализняк и Е. В. Падучева [1989]. Модальность возможности (и необходимости) представлена авторами Корпусной грамматики русского языка¹.

Описывая грамматическую категорию модальности и ее роль в формировании модальной парадигмы предложения, Т. П. Ломтев акцентировал внимание на «втором виде модальности», представляющей предикативные отношения «как возможные в действительном или гипотетическом бытии в одном из существующих времен», и ее возможности быть выраженной «моделями предложений» [2007. С. 95–97]. «Модальными связками» назвал лексемы со значением возможности, невозможности, необходимости И. Б. Шатуновский, «модальные предложения», ими «организуемые», описаны в шестой главе его монографии «Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика)» [1996].

Несмотря на активный исследовательский интерес к модальным операторам, многие вопросы, касающиеся проблем их функционирования, и их «денотативное пространство» [Булыгина, Шмелев, 1990. С. 139] не являются достаточно изученными.

Наш интерес к модусу «возможность» определен неоднородностью его содержательной структуры, «детальное расчленение» [Колшанский, 1961. С. 98] которой способствует выявлению разнообразия модальных оценок потенциальной ситуации – источника развития объективного мира, способов лексической объективации этих оценок и условий функционирования.

¹ Русская корпусная грамматика // rusgram | Модальность (дата обращения 06.04.2013).

Исследование выполнено, как сказано выше, на материале дневниковых записей – бесценного проводника «человеческой памяти, ее углубления и совершенствования» [Лихачев, 1985. С. 64]; модальная специфика дневников также представляет интерес для лингвистики. В анализируемой выборке «Дневника» Т. Л. Сухотиной-Толстой содержится более 1 000 высказываний, включающих модальные операторы возможности.

В исследовании учтен компонентный состав пропозиции возможности, определяемый участниками номинируемой ситуации, словарное значение модификаторов [Ожегов, Шведова, 2009; СРЯ, 1984; Ушаков, 2009; ТСЖВЯ, 1909], условия их реализации, в числе которых данные контекста, владение ситуацией, характеризующие участников ситуации признаки, лингвистическое чутье исследователя и пр.; учтена и прагматическая направленность текста.

В состав пропозиции, компонентом которой является модус 'возможность', входит ситуация, включающая: оцениваемый пропозициональным субъектом объект, который может быть им реализованным; модальный модификатор (оператор) различного семного состава, объективируемый лексически неполнозначными модальными лексемами; а также субъект пропозиции различной лексико-грамматического природы, грамматическую форму которого определяет грамматическая природа модификатора. Лексическое значение модификаторов и условия их функционирования являются источником формирования субмодусов модуса 'возможность'.

Маркеры субмодусов располагаются на предикативной оси между субъективом и предикативом, передавая необходимый по условиям коммуникации «тот или иной модальный смысл» [Колшанский, 1961. С. 98], осложняя и обогащая грамматическую модальность [Виноградов, 1975. С. 71], не оказывая влияния на структуру высказывания. В сочетании с грамматической модальностью субмодусы формируют внутреннюю модальную рамку высказывания [Касевич, 1988].

Субмодусы модуса 'возможность'

Возможность – это одно из условий, обеспечивающих развитие реального мира, превращение потенциального в реальное, быть не тем, что есть в действительности, перейти из одного состояния в другое, потенциальное превратить в действительное. В этой функции возможность есть модальная оценка, модус способной быть реализованной потенциальной ситуации, представленной в дневниковых записях совокупностью следующих субмодусов: 'способность', 'готовность', 'разрешение', 'умение', 'успевание' с доминантой 'способность', которая функционирует примерно в 40 % выборки, высказывания которой обогащены модусом 'возможность'.

Субмодус 'способность'

Субмодус 'способность' включает в себе оценку как присущий субъекту дар создать некую отсутствующую в реальном мире ситуацию, превратить ее из возможной в действительную.

Маркером субмодуса является оператор *мочь*, функционирующий в положительной и отрицательной формах. Положительная форма – знак наличия возможности реализовать ситуацию, отрицательная – знак отсутствия, отрицание способности субъекта осуществить заданное: *Он обрадовался и переспросил и потом сказал, что мы, девушки, недостаточно ценим своей чистоты, что мы представить себе не можем, какое это падение и для мужчины и для женщины это физическое отношение...* – 283². Отрицательная форма модификатора превалирует (более 80 %).

В подавляющем большинстве примеров модальным субъектом является сама героиня дневника, пишущая «о себе и для себя»; в надежде, что никто и никогда не прочтет ее дневника, она предельно честна, искренна и непосредственна в оценке своих невысоких возмож-

² Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М.: Правда, 1987. 575 с. Цифрами после примера обозначен номер страницы источника высказывания.

ностей изменить ситуацию, своего физического и эмоционального состояния, отношения к окружающим. В положении частицы *не* перед инфинитивом отрицается наличие потенциальной ситуации при утвердительном характере ее оценки: *Всякий раз, как я об этом думаю, во мне поднимается возмущение и стыд за нее и досада за то, что ей (Маше) не стыдно. Хотя я этого могу и не знать, да я и думаю, что она (Маша) за это много страдала.* – 293. При наличии двойного отрицания (перед модификатором и инфинитивом) модификатор является маркером модуса ‘долженствование’, обогащенного семой ‘бытие’, но не модуса ‘возможность’: *Не могу не думать о Жене.* – 348 = ‘думаю, должна думать’.

Устанавливая отношение пропозиционального субъекта к ситуации, модификатор занимает в высказывании пре- и постпозитивное положение по отношению к предикативу, при постпозиции значимость оценки предиката повышается. Ср.: *И, главное, что я сама не могу удержаться от него, а в людях близких и которых любишь это так тяжело видеть!* – 57. *Это его больное место, и он никогда об этом равнодушно говорить не может.* – 70.

В форме сослагательного наклонения модификатор реализует семему ‘гипотетическая возможность’: *А все-таки, даже не любя его, мне больно сердцу каждый раз, как я думаю, что я могла бы быть на месте Анны Константиновны.* – 136; *Он пишет мне, чтобы я часто не ждала от него писем, а сама чтобы писала. Как он не понимает, что я и так боюсь быть Павлой. Мог бы пощадить мое самолюбие!* – 324.

Потенциальная ситуация представлена полнозначным инфинитивом или, реже, именной словоформой – маркером характеризующей субъекта семемы в сочетании с бытийным глаголом в форме инфинитива: *Видя все это (работающих на господ. – В. К.), я не могу оставаться спокойной, но делаю только хуже...* – 149. Ситуация может быть эллиптированной, но легко восстанавливаемой из контекста: *Я понимаю, что он хочет жить среди голодающих, но мне кажется, что его дело было бы только то, которое он и делает: это – увидеть и узнать все, что он может <увидать, узнать>, писать и говорить об этом, общаться с народом, насколько можно.* – 232.

Субъект пропозиции в записях передан как конкретное, неопределенное или обобщенное лицо. Конкретный субъект представлен, как правило, личным местоимением 1-го л. (что соответствует жанру дневниковых записей, значительная часть которых написана автором о себе и для себя³), личным местоимением 3-го л., личными именами или его субституентом: *У Миши большие неприятности с Дашей Петровской. Я никак не могла ожидать от нее (Даши), что она может дойти до такой степени, до которой она дошла.* – 449; *Все знают, что ты всю жизнь желал этого, и те, которые хотят и могут, пусть сделают это добровольно.* – 455.

Неопределенный субъект представлен грамматически: *Мне это бывало обидно, и я стала приглядываться к дурным сторонам людей, негодовала на них и думала: как могут любить людей, у которых такие недостатки...* – 367.

Обобщенный субъект номинирован личным именем общей семантики: *Художник не может быть критиком искусства, потому что он не может не восхищаться формой, зная, каким трудом она достигается.* – 409, или личными местоимениями мн. ч. с семой обобщения: *Она осталась с тремя детьми, беременная четвертым, совершенно одинокая. Какие мы холодные и равнодушные и эгоистичные, что мы <члены социума> можем спокойно жить, слыша про такие несчастья.* – 385.

При отрицательном модификаторе в форме 3-го л. субъект (оцениваемая ситуация) объективирован род. п. не зависимо от его морфологической природы: *Я об этом много думаю и не могу не видеть, что и в доме, и, если бы выйти замуж, у мужа пользы от меня никакой быть не может.* – 168. При предикативе состояния в сочетании со связочным компонентом в форме инфинитива субъект маркирован дат. п.: *В Москве я еще раз убедилась в том, что мне больше не может быть весело.* – 221.

³ В 14 лет она писала: «Если кто-нибудь когда-нибудь прочтет мой дневник, то не осуждайте меня, что я пишу такой вздор и так несвязно. Я пишу все то, что мне только в голову приходит, и искренно надеюсь, что никому и никогда его не прочтет. Было бы гораздо приятнее писать его для себя одной, чем для кого-нибудь другого» – 29.

Наличие в модальной рамке высказывания субмодуса 'способность' определяют внутренние характеризующие субъекта предикации признаки:

- значительно преобладающее в тексте эмоционально-психическое состояние субъекта (более 35 %), что вполне обоснованно: эмоциональная направленность создает «важную линию *ценностных ориентаций* личности» [Додонов, 1978] в ее активной, мировоззренчески и эмоционально направленной деятельности. Как уже говорилось, «Дневнике» Т. Л. Сухотиной-Толстой эмоционально-психическое состояние представлено в положительной и отрицательной формах модификатора при превалировании последней ($\approx 80\%$), что чаще обусловлено отрицательной оценкой субъекта предикации (он же модальный субъект) своего эмоционально-психического состояния повлиять на возможность внести изменения как в окружающее, так и в свой внутренний мир. Ср.: *Я чувствовала, что каждую минуту могла плакать.* – 274; *И, главное, что я сама не могу удержаться от него (от зла), а в людях близких и которых любишь это так тяжело видеть!* – 57;
- морально-этическое качество ($\approx 35\%$): *Мне часто страшно, что я могу на себя умиляться и считать, что я делаю что-нибудь хорошее.* – 330; *Я понимаю его точку зрения, но не могу согласиться с ней.* – 133;
- интеллект, определяющий развитие мира, в том числе и творение самого себя: *Все мне открыто: я могу слышать хорошую музыку, видеть хорошие картины, могу знать художников, могу сама сделаться художницей, потому что мало того, что мне дана возможность видеть и слушать, говорят (но справедливо ли), что мне даны средства самой творить.* – 179;
- физиологическое состояние: *Я во всякий час дня и ночи могу заснуть...* – 121; *Миша Кузминский болен горлом, и все боятся за дифтерит. ... Я сегодня ходила к нему и думала о том, что я могу заразиться и умереть, и сегодня совсем это не было страшно.* – 229;
- специфика характера: *Во время этого разговора мне мелькнуло в голове, как я могла быть так неразумна, чтобы допустить возможность замужества со Стаховичем?* – 230; *С тех пор, как я чувствую свое душевное расслабление, я стала гораздо откровеннее, гораздо уступчивее, не могу долго сердиться на кого-нибудь, жалостливее.* – 356;
- умения и навыки, профессионализм: *Мне это очень приятно, и меня мучает то, что я не могу сделать их уроки более интересными для них.* – 34; *Я не могу сразу лошади обновить, а он все пищит: «Что мне делать? Я на шее сижу!»* – 142;
- владение информацией: *Опять я спокойна и тверда, но знаю, что она может вернуться.* – 336; *По утрам я пишу «Князя Блохина», но без большого увлечения. Выходит средне, но папа хвалит и удивляется, как я могу схватить позу, и говорит, что я могу писать жанровые картинки.* – 224;
- жизненный опыт, позволяющий прийти к правильному выводу: *Они явно имеют что-то против меня, и как я ни силюсь угадать, что это может быть, я ни до чего не могу додуматься.* – 221; *Но я себе дам обещание никому его (дневник) не давать, и тогда я опять могу свободно писать, ни о ком не думая, тем более что мне часто это хочется.* – 163;
- социальное положение: *Это его больное место, и он никогда об этом равнодушно говорить не может.* – 70;
- внешность: *На днях с папá разговаривали. Он видел, что я скучаю, и утешал меня. Говорил мне, чтобы я не унывала, что я еще настолько привлекательна, что могу еще не отчаиваться.* – 358.

Субмодус 'разрешение'

Под субмодус 'разрешение' подводится оценка потенциальной ситуации, способной стать реальностью при наличии «позволяющих» условий внутреннего и внешнего характера, в определении которых решающими являются знание ситуации, логика рассуждения, контекст. В дневниковых записях Сухотиной-Толстой он представлен 195 высказываниями.

Маркерами этого субмодуса являются лексемы *мочь*, *можно*, *возможно*, соответственно 80, 78 и 17 примеров. Модификаторы *мочь* и *возможно* представлены положительной и отрицательной формами при превалировании последней. Модификатор *можно* отрицательной формы не имеет, его антонимом является оператор *нельзя*, на котором в данной работе вни-

мание не акцентируется. *Невозможно* – маркер категоричного отрицания возможности реализовать ситуацию. Ср.: *Дом нам показался сырым и холодным, но вскоре натопили, и стало **возможно** жить.* – 431; *По-моему, все так ясно, что он говорит, и так разумно и логично, что не согласиться с ним **невозможно**.* – 92.

Гипотетическая допустимость наличия ситуации спорадическая, представлена сослагательным наклонением модификатора: *В Москве я еще раз убедилась в том, что мне больше не может быть весело, и мне представляется, что единственное место, где это **было бы** еще **возможно**, это в Никольском.* – 221.

Пропозициональный субъект может совпадать и не совпадать с модальным субъектом. Ср.: *Мне сейчас же пришло в голову, что папá поедет и я с ним, потом подумала, что если Маша захочет ехать, то я уступлю ей, а потом подумала, что **мы можем** и обе ехать.* – 301; *Но зато мне сегодня Лева сказал, что он (Сухотин) **может** приехать, потому что, по словам Левы, он говорил, что на 3-й неделе будут выборы и Лева его приглашал к себе...* – 402.

При модификаторе *мочь* субъект активный конкретный, объективирован личным именем, его заместителем, или пассивный, обозначен собственно предметным или отвлеченным именем, который является маркером оцениваемой ситуации: Ср.: *Тогда я решила телефонировать и спросить, когда **могу** застать Победоносцева.* – 415; *Сегодня, более чем когда-либо, я убедилась в том, что, **талант** не может развиваться без врожденной способности к усиленной и напряженной работе.* – 261.

При модификаторах *можно* и *возможно* субъект пассивен. Он может быть конкретным и обобщенным. Конкретный личный при экспликации представлен дат. п. (в дневниковых записях единичен). В противном случае решение вопроса о характере субъекта зависит от знания и понимания ситуации, выявляется путем рассуждения или специфики контекста: *От нее пошли мы домой и только зашли к старосте спросить, где, по его мнению, **можно** устроить еще «призрение».* – 240 = ‘устроителям бесплатных столовых; они же говорящие’; *Выходит, что это почти незаметно, потому что **мы** встаем гораздо раньше, а рисование, переводы – все это **можно** и делать, а **можно** и не делать, и это последнее время меня не увлекает.* – 296 = ‘нам’. Обобщенный субъект чаще имплицитный, при объективации представлен именем общей семантики. Ср.: *Другая баба по моей просьбе принесла показать ломоть хлеба с лебедой. Хлеб черен, но не очень горек, есть **можно**.* – 236; *Есть же счастливые **люди**, которые полюбят, которых полюбят, и **которые** могут выйти замуж за того, кого любят.* – 161.

В позиции предикатива, как правило, инфинитив полнознаменательного глагола, спорадически отмечены именные предикативы: *В ней (в любви к женатому. – В. К.) нет ничего постыдного, и поэтому я **могу** продолжать **любить** его.* – 399; *Я туда не ходила, пока у меня было это отвратительное чувство, и теперь вспоминаю о нем со стыдом, хотя и **не могу быть уверенной** в том, что оно не вернется.* – 271. При эллипсисе предикативов легко восстанавливается из контекста: *Миша Олсуфьев сострил, что он, если бы **мог** <посоветовать>, с удовольствием и мне посоветовал бы не проживаться в Петербурге...* – 418; *И Тане я обещала, что как только **можно будет** <ее взять>, я возьму ее к себе и никогда не расстанусь с ней, если она этого не захочет.* – 453.

Модальная оценка ‘разрешение’, маркируемая модификатором *мочь*, характеризуется внешними по отношению к субъекту признаками:

- особыми жизненными ситуациями: *Я со слезами любви и благодарности поцеловала бы его (умершего мужа, Сухотина) руку, если бы она **могла** теперь погладить мою седую голову...* – 500; *Обещайте мне одно – позвать меня, если я вам **могу** когда-нибудь быть нужной.* – 274;
- характеризующими признаками объекта, соотносимого с субъектом: ... *На днях с папá разговаривали... Говорил, что ничего нет в Евгении Ивановиче, что **бы** я **могла** любить.* – 358; *Вот Чехов – это человек, к которому я **могла бы** дико привязаться.* – 382.

В «Дневнике» Т. Л. Сухотиной-Толстой единичны высказывания, где на решение возможности реализовать ситуацию оказывают влияние отношение окружающих к субъекту предикации: *Мать, очевидно, имеет большое влияние на сына и, очевидно, хочет расстроить эту свадьбу, а он слабый и молодой и **может** подчиниться ее влиянию.* – 215; *А что если бы он*

вызывал влюбление, то и оно **могло** всегда пробудиться, но тогда явилось бы (и являлось) со всеми своими отвратительными спутниками. – 264; и отношение социума к ситуации: А когда человек сердится, то говорит не то, что думает, или, скорее, не то, что хотел бы сказать, и потому никогда влияния **не может** иметь на ребенка, который теряет уже всякое уважение к словам родителя. – 117; Ведь что **может** быть важнее и радостнее произвести на свет человека, не только физически произвести его, но и морально сделать его воспитание и чувствовать, что он весь – свое собственное произведение? – 136.

Разрешение, маркируемое модификатором **можно**, определяют внешние по отношению к субъекту признаки:

- как правило, морально-этическое качество социума при обобщенном субъекте: Эта привычка (привычка бранить прислугу. – В. К.) ужасно легко приобретает, и много зависит от того, чтобы переломить себя, тогда ее **можно** побороть. – 151; Очень в самой себе ковырять нехорошо, а не воспитывая себя, **можно** ужасно запуститься. – 151;

- опытные данные социума: Странное сочетание этих двух людей! Редко **можно** встретить таких различных и вместе с тем так крепко привязанных друг к другу. – 395; На мандолине **можно** играть не в совершенстве. – 375;

- философское размышление: Сам он (Репин) такой нерешительный, даже **можно** подумать, что слабохарактерный, и вдруг такие сильные, смелые и оригинальные вещи. – 244; Еще **можно** к этому прибавить, что при первом роде любви почти все равно, здесь ли этот человек или нет и разлука – внешняя – с ним не пугает, а при втором роде хочется не расставаться, видеть и слышать его. – 300;

- принятое в определенной среде: Впрочем, про него я решила ничего не писать, чтобы **можно было** показать свой дневник папá... – 33; Лили Гельбиг играет на фортепиано, на скрипке, рисует, пишет масляными и всякими красками, прочла все, что только **можно** прочесть... – 156;

- требования социума к интеллекту объекта: Степа за эти 9 лет, как мы его не видали, совсем вперед не подвинулся: не читал, не думал и только в том изменился, что мальчиком он не был самоуверен, в нем была критика к самому себе, и **можно было** ожидать, что с его отзывчивой горячей натурой из него выйдет хороший серьезный человек. – 159; Мне только ее (Веры) жизнь и обстановка не нравятся: из такой богатой натуры многое **бы можно** сделать, а она даже образования порядочного не получила. – 85;

- состояние природы и окружающей среды: Ночь такая, как редко бывает. Светло от луны так, что читать **можно**, морозно, визжат сани, кобылка бежит весело, мы все молчим и каждый думает о своем. – 296; Вообще нынче такой день, что просто **можно** с ума сойти от уныния и отчаяния. – 32;

- географическое расположение объекта: Папá очень одобрил мой план о том, чтобы пускаться в столовую без разбору, а Иван Иванович боится, что будет беспорядок, но тем не менее я это попробую. Выберу для этого Горки, так как они близко и хоть каждый день **можно** ходить туда. – 254.

Реализацию субмодуса 'разрешение' лексемой **возможно** определяют как характеризующие субъекта признаки, так и условия внешние по отношению к последнему. Ср.: Как мама не видит, что ни я, ни он не думаем даже, чтобы **возможно** было выйти друг за друга, и что она только портит наши отношения. – 119; Дом нам показался сырым и холодным, но вскоре натопили, и стало **возможно** жить. – 431.

Внутренними условиями, определяющими полное отрицание возможности реализовать потенциальную ситуацию, являются следующие характеризующие субъекта признаки:

- морально-этическое качество: По моему характеру и воспитанию мне почти **невозможно** выйти замуж. – 218; Но я увидела, что **невозможно** им что-либо проповедовать в нашем положении... – 363;

- логика рассуждения: Если цели жизни другой не было до женитьбы, то потом, вдвоем, ужасно трудно, почти **невозможно** найти ее. – 124; Этот дневник будет страшно скучный, мне будет скучно его перечитывать, потому что я пишу не потому, что мне хочется, а потому, что делать нечего – читать все время **невозможно**. – 309;

- интеллект: *Мне хочется совсем искренне написать про свое теперешнее душевное состояние, и это так трудно, **невозможно** даже, что мне страшно приняться за это, страшно в слова облечь свои мысли и чувства.* – 219;

- отношение к окружающим: *А совсем отрешиться от этой семьи мне **невозможно**, потому что я люблю всех членов ее и любила их прежде, чем они стали для меня сестрой и братом и родителями Миши.* – 202.

Внешняя модальность обусловлена характеристикой объекта, соотносимого с субъектом: *Ее дневник – это такой сумбур, в котором разобраться **невозможно**.* – 171; *Маша Кузминская получила вчера письмо от Ивана, в котором он говорил, что его мать хочет, чтобы он подождал жениться еще два года, и вот мы сегодня все решили сказать ему, что это **невозможно**.* – 214; и социальным статусом объекта: *Замуж мы друг за друга идти не хотим. Кроме того, что это **невозможно**, потому что он женат, потому что он не пошел бы на церковный брак, и я не хотела бы этого (а иначе это убило бы мама), – просто нам это не нужно.* – 330.

Субмодус ‘умение’

Под субмодусом ‘умение’ понимается возможность реализации потенциальной ситуации благодаря знаниям, навыку пропозиционального субъекта. Этот субмодус маркируется лексемой *уметь* и ее производными преимущественно в отрицательной форме ($\approx 80\%$), определяемой неумением пропозиционального субъекта объективно оценить окружающее, подойти к нему критически.

Субъект пропозиции активен, дневниковые записи обусловили в позиции субъектива $\approx 70\%$ личного местоимения 1-го л. ед. ч.: *И я не сумею выбрать того, кому они (поддѣвочки) более всего нужны.* – 256; а также местоимения с указывающей семой на лицо отсутствующее: *Если это так, то она необыкновенно чутка и хорошо умеет с намека понимать настроение и направление своего собеседника.* – 387.

Субъект может быть неопределенным или обобщенным при его маркировании грамматической формой либо обобщенным личным именем: *Сегодня Иван Иванович нашел купить дров, чему очень рад, а то торфом **не умеют** топить, а может быть, и нельзя.* – 252; *Я все больше и больше убеждаюсь в том, что для того, чтобы быть разумным и спокойным, надо решать только те вопросы, которые сейчас непосредственно становятся перед тобой и которые не дают покоя, пока они не разрешены; а не искать их и не ожидать того, что **сумеешь** найти ответы на все вопросы, которые можно только выдумать.* – 294; *Люди же нечуткие не умеют различить доступные их пониманию хорошие от дурных произведений и тянутся к тому, что им не вполне понятно...* – 410.

Условия, определяющие функционирование субмодуса, соотносимы со следующими внутренними потенциями субъекта:

- уровень знания и опыта: *Еще я так плохо **умею** обходиться с тем, что у меня есть...* – 223; *Неграмотный, живет милостыней, **умеет** только лапти плести.* – 304; *Я начала отвечать ему и остановилась, потому что **не сумела** выразить и оформить различия между его тремя прилагательными и сверхъестественностью.* – 419;

- эмоционально-психическое состояние: *Что за дни стоят! И ночи! Я так ими наслаждаюсь и пользуюсь, и думаю, что потом не придется сказать, что, когда они стояли, я **не умела** ими пользоваться и ценить их.* – 170;

- логика рассуждения: *Неужели я после всех уроков **не сумею** быть разумной?* – 302; *Женщина ничего **не умеет** любить сильнее, чем любовь к себе: ни любви к правде, ни к искусству, ни даже к своим детям и мужу, если не имеет любви от них.* – 262;

- морально-этические качества: *...лучше не иметь детей, которые вышли бы в меня с моими дурными сторонами и которых я **не сумела бы** воспитать хорошо.* – 194; *Меня тоже смущает то, что она растет без всяких религиозных понятий, а я не могу ей дать никаких, потому что сама в своих **не умею** разобраться.* – 205;

- интеллект: *Он **умел** сильно, страстно и глубоко думать и чувствовать и не жалел сил для того, чтобы **суметь** это выразить.* – 517;

- жизненные принципы: *Самая трудная внутренняя моя работа теперь – это **уметь** стариться.* – 354; (мать отца героини. – В. К.) *Браниться **не умела**.* – 292;
- такие черты характера, как
 - о любовь к жизни: *Никак **не умею** представить себе, что вдруг я умру, меня не будет.* – 267;
 - о привычка к комфорту: *Я думаю, что я слишком праздна и сыта и поэтому мало серьезна. Хотелось бы жизни посуровее, а вместе с тем **не умею** ее так устроить.* – 296;
 - о отношение к окружающим: *Но боюсь, что мы **не сумеем** в этом удержаться.* – 277; *Я **умею** быть снисходительной только к самой себе.* – 370; *И ужас как много во мне эгоизма: я совсем **не умею** отдалиться другому...* – 319.

Субмодус 'готовность'

Субмодус 'готовность' – это предрасположенность, согласие субъекта сделать что-либо, претворить нечто в жизнь.

Маркером субмодуса является модификатор *готов*, в лексическом значении которого сема 'склонность, согласие', обогащающая семему 'способность', и модификатор *в состоянии*, в семном составе которого сема 'расположение, склонность'.

Субъект пропозиции активен, при отсутствии вербализации восстанавливается из контекста: *Маша совсем влюблена и даже стала мне жалка тем, что сознается в этом, говорит, что **готова** выйти за него замуж, а вместе с тем чувствует, что тогда вся ее внутренняя жизнь совершенно изменится и что это – большое нравственное падение.* – 257.

В основе реализации субмодуса лежат внутренние потенции субъекта. Это, как правило:

- эмоциональное состояние, способствующее склонности реализовать ситуацию: *На днях Поша провел у нас три дня, и Маша опять **готова** выйти за него замуж.* – 204; *Это последнее время, единственное с 16-ти лет, что нет какого-нибудь вздыхателя а mes troussees (фр. следом за мной), и я со стыдом вижу, что этого мне недостает и что я **готова** себе вообразить такого в первом попавшемся, только чтобы не остаться без одного.* – 151; *У него куча стихотворений, посвященных мне, и он говорил Алексею Александровичу, что на все **готов** для меня и что никакая женщина никогда на него не производила такого впечатления, как я.* – 419;
- морально-этическое качество: *Только что одна любовь умерла, уже другая **готова** родиться, и поэтому я так не доверяю ей.* – 217; *На каждый шаг, который они сделают мне навстречу, я всегда **готова** сделать десять, но делать им шаги навстречу и видеть, что они отступают, – я не буду.* – 225–226.

Неготовность пропозиционального субъекта к реализации ситуации у Т. Л. Сухотиной-Толстой передается отрицательным вариантом предложно-падежной формы *в состоянии* с семой 'отсутствие готовности, нерасположение'.

Условиями реализации субмодуса являются эмоционально-психическое состояние субъекта предикации: *Но мне так мучительно спать захотелось, что я не могла продолжать писать, и сегодня чувствую себя такой глупой, что ничего **не в состоянии** писать.* – 140; *Я ночь не спала, плакала и несколько раз записывала в свой дневник карандашом то, что испытывала, чтобы дать ему прочесть, а то я знала, что **не буду в состоянии** ничего ему сказать.* – 274; и этические нормы, определяемые условиями жизни: *...Сережа, который тратит по 50 рублей в месяц на свои прихоти, довольно ленив, избалован и распущен, будет **не в состоянии** (не в состоянии упорно готовиться к поступлению в университет из-за привычки к праздной жизни. – В. К.), он боится жить без известных рамок, и не сумеет взять на себя, чтобы приналеж и подготовиться в университет или Петербургскую академию.* – 441.

Субмодус 'успевание'

Специфическим компонентом модуса 'возможность' является субмодус, семема которого включает компонент со значением 'успеть сделать что-либо в определенный срок, в нужное

время'. Маркером этой семантики в положительной и отрицательной формах предстает лексема *успеть* / *успевать*. Современные толковые и словообразовательные словари не дают производного от этой лексемы указанной семантики. Синонимы к слову *успеть* также не позволили подобрать подходящей лексемы для обозначения формируемого субмодуса. В толковом словаре В. И. Даля находим: *Успѣванье*, [ср.], *дѣйств. по гл. успѣвать* [ТСЖВЯ, 1909. С. 1076]. Опираясь на авторитет В. И. Даля, назовем наш субмодус этим неудобопроизносимым для современного носителя языка словом *успевание* как производного от лексемы *успевать* со значением 'уложиться во времени'.

Функционирование в дневниковых записях Т. Л. Сухотиной-Толстой этого модификатора непродуктивно; оно отмечено как в положительной, так и в отрицательной формах со значительным превалированием последней: *Во все время этой жары мое время так было занято, что я даже дневник не успевала писать.* – 43; *Я успела целый роман начать и, к счастью, кончить.* – 69.

Реализацию субмодуса определяют личные качества субъекта, его способность уложиться в нужный отрезок времени: *А бывало, когда я училась, полчаса свободных – это было такое сокровище, в эти полчаса столько успеешь сделать.* – 164; *Лето уже во всем разгаре, и мы не успели оглянуться, как отцвели яблони (которые особенно сильно цвели), сирень, ландыши, незабудки...* – 226; *Но прежде чем он (папá) успел встать, я выскочила из-за стола и убежала в гостиную...* – 468; *Думать не успеваю...* – 154.

Резюме

Наблюдение над функционированием модальных модификаторов модуса 'возможность' в дневниковых записях Т. Л. Сухотиной-Толстой позволило вычленить в качестве его составляющих субмодусы 'способность', 'готовность', 'разрешение', 'умение', 'успевание' с доминантой 'способность', каждого со своим маркером и условиями речевой реализации. Наиболее широкую лексическую природу имеет субмодус 'разрешение': его маркерами являются лексемы *мочь*, *можно*, *возможно*. Субмодус 'готовность' реализуют лексемы *готов* и *в состоянии*. Субмодусы 'способность', 'умение', 'успевание' представлены одиночными модификаторами, соответственно *мочь*, *готов*, *уметь*, *успевать*.

В основе объективации субмодусов лежат различные условия, как внутренние, определяемые характеризующими признаками субъекта, так и внешние, не соотносённые с последним.

Реализация субмодусов 'способность', 'готовность', 'умение', 'успевание' детерминруется только внутренними потенциями субъекта. Субмодус 'разрешение' материализуется при наличии как внутренних, так и внешних условий.

Некоторые из условий характерны для материализации нескольких субмодусов, другие – только для одного.

Условиями, соотносимыми с характеризующими субъекта свойствами, являются:

- его морально-этические качества, отмеченные при реализации субмодусов 'способность', 'разрешение', 'готовность', 'умение';
- интеллект, который определяет функционирование субмодусов 'способность', 'умение', 'разрешение';
- эмоционально-психическое состояние, материализуемое в субмодусах 'способность', 'умение', 'готовность', 'разрешение';
- знание, умение, навык, профессионализм, соотносимые с субмодусами 'способность' и 'умение';
- способность логически мыслить, обуславливающая субмодусы 'умение' и 'разрешение';
- отношение к окружающим, детерминирующее введение субмодусов 'разрешение' и 'умение'.

Такие условия, как физиологическое состояние субъекта, особенности характера, владение информацией, жизненный опыт, внешность, социальное положение, значимы только при функционировании субмодуса 'способность'. Жизненные принципы сопутствуют субмоду-

су 'умение'. Умение уложиться в определенные временные рамки – прерогатива субмодуса 'успевание'.

На реализацию субмодуса 'разрешение' лексемой *мочь* оказывают влияние такие внешние условия, как жизненные ситуации, характеризующие черты объекта, соотносимого с субъектом, отношение окружающих к субъекту предикации, отношение социума к ситуации. Реализации субмодуса лексемой *можно* способствуют характеризующие социум морально-этические признаки, опыт, принятое в определенной среде, требования к интеллекту объекта, состояние природы, территориальное расположение объекта. Объективация разрешения модификатором *невозможно* обусловлена образом объекта, соотносимого с субъектом предикации, и его социальным статусом.

Значительное преобладание отрицательных форм модификаторов модуса 'возможность' и совпадение модального и пропозиционального субъектов, определяемые как специфические черты «Дневника», особого литературного жанра и одного из заметных признаков идиостиля Т. Л. Сухотиной-Толстой: дневник велся ею на протяжении всей жизни, она писала откровенно «о себе и для себя» с подросткового возраста.

Список литературы

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: УРСС, 2001. 416 с.
- Беляева Е. И. Возможность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 126–142.
- Беляева Е. И., Цейтлин С. Н. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 123–126.
- Бондарко А. В. Модальность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 72–89.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Возможность». ЕЯ и модальная логика // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка: Сб. ст. к 60-летию проф. В. А. Успенского. М.: Изд-во АН СССР, 1990. С. 135–167.
- Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
- Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2231020/>.
- Зализняк Анна А., Падучева Е. В. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических текстов. М., 1989. С. 92–115.
- Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. URL: <http://www.twirpx.com/file/471848/> (дата обращения 25.06.2013).
- Кобозева И. М. Модальные операторы возможности, необходимости и долженствования // Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2000. С. 242–246.
- Колианский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 94–98.
- Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 303.
- Лихачев Д. Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. 575 с.
- Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: URSS, 2007. 198 с.
- Мёдова А. А. К проблеме бытования понятия «модальность» в современном гуманитарном и философском знании // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 356. С. 53–57.
- Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Языки русской культуры, 1996. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-151630.html> (дата обращения 05.03.2014).
- Ярыгина Е. С. Модус и модальность – терминологические синонимы? // Вестн. Вят. гос. гум. ун-та. 2012. Т. 2, № 2. С. 32–38.

Список словарей

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО ИТИ Технологии, 2009.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4 т. Изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. Т. 4.

ТСЖВЯ – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4 т. Третье, исправленное и значительно дополненное издание под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Курненэ. СПб.; М.: Издание т-ва М. О. Вольф, 1909. Т. 4: С–V. 1619 с.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт. Дом. XXI век, 2009. 1239 с.

Список источников

Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М.: Правда, 1987. 575 с.

Материал поступил в редколлегию 05.12.2017

Valentina I. Kazarina

*Bunin Yelets State University
28 Kommunarov St., Yelets, 399770, Russian Federation*

cazarina.valentina2015@yandex.ru

THE MODUS OF 'POSSIBILITY' IN THE DIARY NOTES BY L. T. SUKHOTINA-TOLSTAYA: SUB-MODI AND THE CONDITIONS OF GENRE REALIZATION

The sub-modi 'competence', 'readiness', 'permission', 'ability', 'manageability' including the modus of 'possibility', each having its marker and specific conditions of realization have been identified in the language of the diary by T. L. Sukhotina-Tolstaya. The study is made on the basis of lexical meaning of the modal modifiers, their functional context and pragmatics of utterance. The sub-modus 'permission' has the greatest lexical representation: its markers include the lexemes *мочь, можно, возможно* (be able, can, may). The sub-modus of 'readiness' is realized by lexemes *готов* (be ready) and *в состоянии* (be able). The 'competence', 'ability', and 'manageability' are represented by single modifiers, namely *мочь, готов, уметь, успевать* (be able, be ready, be competent, to manage).

At the bottom of the sub-modi objectification there are conditions which can be correlated either with the characteristics of the propositional qualities of the subject (the inner ones) or with the outer ones which do not depend on the subject.

Functioning of the sub-modi 'competence', 'readiness', and 'ability' is defined by their inner conditions. The sub-modus 'permission' is realized both by means of inner and outer conditions. Some of them are relevant for the realization of a few sub-modi, others are compatible only with a single one.

Considerable predominance of negative modifiers in the modus of 'possibility' and coincidence of the modal and propositional subjects are referred to specific features of «The Diary» as a special literary genre, and to one of the aspects of T. L. Sukhotina-Tolstaya's idiosyle: the diary notes were being made during all her life, she used to write frankly «about herself and for herself».

Keywords: sub-modus, inner conditions of realization, outer conditions of realization, ability, readiness, permission, competence, manageability, diary.

References

Bally Ch. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka [General linguistics and French language issues]. Moscow, URSS, 2001. (In Russ.)

Belyaeva E. I. Vozmozhnost' [The Possibility]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. Leningrad, Nauka, 1990, p. 126–142. (In Russ.)

Belyaeva E. I., Tseytlin S. N. Sootnoshenie znacheniy vozmozhnosti i neobkhodimosti v semanticheskoy sfere potentsial'nosti [The Correlation of Possibility and Necessity meanings in the semantic sphere of potentiality]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. Leningrad, Nauka, 1990, p. 123–126. (In Russ.)

Bondarko A. V. Modalnost' [Modality]. *The theory of functional grammar. Temporality. Modality*. Leningrad, Nauka, 1990, p. 72–89. (In Russ.)

Bulygina T. V., Shmelyov A. D. «Vozmozhnost'». EYa i modal'naya logika [The «Possibility» of Natural Language and modal logic]. *Voprosy kibernetiki. Yazyk logiki i logika yazyka*. Sb. statey k 60-letiyu prof. V. A. Uspenskogo. Moscow, AN SSSR Publ., 1990, p. 135–167. (In Russ.)

Dodonov B. I. Emotsiya kak tsennost' [The Emotion as value] Moscow, Politizdat, 1978, 272 p. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2231020/>. (In Russ.)

Kasevich V. B. Semantika. Sintaksis. Morfologiya [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow, Nauka, 1988. URL: <http://www.twirpx.com/file/471848/> (accessed 25.06.2013). (In Russ.)

Kobozeva I. M. Modal'nye operatory vozmozhnosti, neobkhodimosti i dolzhenstvovaniya [Modal operants of Possibility, Necessity and Obligation]. *Kobozeva L. M. Lingvisticheskaya semantika*. Moscow, URSS, 2000, p. 242–246. (In Russ.)

Kolshanskiy G. V. K voprosu o soderzhanii yazykovoy kategorii modal'nosti [To the question of the contents of the linguistic category of Modality]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1961, no. 1, p. 94–98. (In Russ.)

Likhachev D. Proshloe – buduschemu: stati i ocherki [The Past to the Future: articles and essays]. Leningrad, Nauka, 1985, 575 p. (In Russ.)

Lomtev T. P. Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii [The Sentence and its grammatical categories]. Moscow, URSS, 2007, 198 p. (In Russ.)

Lyapon M. V. Modal'nost' [Modality]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskiy slovar'*. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1990, p. 303. (In Russ.)

Myodova A. A. K probleme bytovaniya ponyatiya «modalnost'» v sovremennom gumanitarnom i filosofskom znaniy [On the problem of existence of the concept of *modality* in the modern humanitarian and philosophical knowledge]. *Bulletin of the Tomsk State University*, 2012, no. 356, p. 53–57. (In Russ.)

Shatunovskiy I. B. Semantika predlozheniya i nereferentnye slova (znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika) [The semantics of the Sentence and non-referential words (the meaning, the communicative perspective, the pragmatics)]. Moscow, Yazyki russkoy kultury, 1996. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-151630.html> (accessed 05.03.2014). (In Russ.)

Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke [About the category of modality and modal words in the Russian language]. *Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike*. Moscow, Nauka, 1975, p. 53–87. (In Russ.)

Yarygina E. S. Modus i modalnost' – terminologicheskie sinonimy? [Modus and modality are terminological synonyms?]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2012, vol. 2, no. 2, p. 32–38. (In Russ.)

Zaliznyak Anna A., Paducheva E. V. Predikaty propozitsional'noy ustanovki v modal'nom kontekste [The Predicates of propositional statement in modal context]. *Logicheskii analiz yazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov*. Moscow, 1989, p. 92–115. (In Russ.)

Dictionaries

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyka [Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Moscow, OOO ITI Tekhnologii, 2009. (In Russ.)

Tolkovyyi slovar' zhivogo velikorusskago yazyka Vladimira Dal'a [The Encyclopedic Dictionary of the living Great Russian language by Vladimir Dahl]. In 4 vols. Ed. by I. A. Boduehn-de-Kurneneh. St. Petersburg, Moscow, M. O. Volf Publ., 1909, vol. 4, 1619 p. (In Russ.)

Ushakov D. N. Bolshoy tolkovyyi slovar sovremennogo russkogo yazyka [Large reasoned dictionary of the Russian language]. Moscow, Alta-Print. Dom. XXI vek, 2009. (In Russ.)

The Source

Suchotina-Tolstaya T. L. Dnevnik [The Diary]. Moscow, Pravda, 1987, 575 p. (In Russ.)

For citation:

Kazarina V. I. The Modus of 'Possibility' in the Diary Notes by L. T. Sukhotina-Tolstaya: Submodi and the Conditions of Genre Realization. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, p. 5–18. (In Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-1-5-18

Е. А. Кондакова, Е. В. Морозова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия*

ekondakova@hse.ru, evmorozova@hse.ru

ЯЗЫКОВАЯ ДИНАМИКА В ЗЕРКАЛЕ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО НЕМЕЦКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ) *

В основу статьи положены наблюдения, сделанные при работе над Академическим немецко-русским словарем. Современные словари в основном опираются на более ранние издания, поэтому существенная часть работы по актуализации словаря заключается в преодолении его инертности. Поисковые интернет-системы и технологии корпусной лингвистики позволяют лексикографам оценить релевантность многочисленных мозаичных изменений языкового узуса. В исследовании рассматриваются конкретные механизмы актуализации всех зон словарной статьи. Обосновываются критерии отбора неологизмов, описываются принципы словарной фиксации структурно-семантических изменений на примере расширения, сужения и изменения порядка следования отдельных значений. Раскрывается значимость актуализации иллюстративного материала и лексикографических эквивалентов с учетом языковой динамики во входном и выходном языках.

Ключевые слова: двуязычная лексикография, языковая динамика, неологизм, лексикографический эквивалент.

В основу статьи положены наблюдения, сделанные при работе над Академическим немецко-русским словарем. В последние десятилетия лексикографическая практика все более руководствуется интересами пользователя. Подобная антропоцентрическая установка диктуется общественными запросами и обеспечивается не в последнюю очередь современными информационными технологиями. Антропоцентрическая лексикография создает словари, отражающие не абстрактную языковую систему, а живой язык в реальном употреблении [Скляревская, 2006. С. 366]. Справедливым следует признать утверждение о том, что «антропоцентрическая лексикография стремится создавать словари для языковой личности, познающей и эффективно использующей язык» [Никитина, 2015. С. 90]. Академический статус не предполагает наличия ограничений по количеству языковых единиц и позволяет двуязычному словарю удовлетворить самые широкие запросы потенциального пользователя — от системно-языкового и коммуникативного до дидактического характера. Это дает возможность включать в него не только лексические единицы самой разной принадлежности, например стилистической или территориальной, но и конкретизировать их современное употребление богатым и актуальным иллюстративным материалом.

Обогащенная информационными технологиями современная лексикографическая практика опирается на уже имеющийся конкретный лексикографический опыт. Современные дву-

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00291.

язычные словари, как правило, создаются не «с нуля». Опираясь на толковые словарные издания, многие двуязычные словари являются обновленными и/или расширенными редакциями уже существующих. Так, например, Академический немецко-русский словарь создается коллективом авторов на основе Нового большого немецко-русского словаря [НБНС, 2008–2010]. Поскольку одним из основных критериев качественного двуязычного словаря является его актуальность, работа лексикографа, как правило, заключается в том, чтобы привести все зоны словарной статьи в соответствие современному состоянию языковой системы, представить актуальные иллюстрации словоупотребления, обновить пометы и скобочные комментарии. Очевидно, что в процессе создания словарей лексикографы имеют дело с языковой динамикой в ее чистом виде, т. е. с многочисленными мозаичными языковыми изменениями как системного, так и спорадического характера. Фиксация этих языковых изменений и является, в конечном счете, целью и содержанием лексикографической работы.

Как известно, лексика в отличие от других уровней языковой системы – фонетики, морфологии, синтаксиса – подвержена самым быстрым изменениям. Языковая динамика проявляет себя в первую очередь на лексическом уровне. Всякий словарь в силу своей природы обладает определенной инертностью, это «моментальный снимок вечно обновляющегося и находящегося в постоянном движении языка» [Апресян, 1993. С. 6]. Однако в современных условиях лексикографы, как никогда ранее, имеют возможность преодолеть эту инертность, используя технологии корпусной лингвистики, поисковые интернет-системы и другие возможности информационного общества. В этом отношении мгновенный снимок языка, о котором говорил Ю. Д. Апресян, становится все более качественным и четким, позволяя лексикографу обнаружить самые незначительные языковые изменения, а пользователю заметить и рассмотреть мельчайшие детали языкового узуса.

Лексикографическое отражение языковой динамики при работе над двуязычным словарем есть процесс многоступенчатый и разноуровневый. Целью двуязычного словаря является семантизация лексических единиц входного языка при помощи эквивалентов, соответствующих системе выходного языка. Процесс поиска эквивалентов лексических единиц немецкого языка невозможен без четкого представления о живых явлениях и процессах в русском языке. Двуязычный словарь отражает языковые изменения не только входного, но и выходного языка, фиксируя эквиваленты, закрепленные в языковой практике на данный момент. Такой взгляд на языковую динамику в сопоставительном плане предполагает комплексную оценку семантической структуры слова входного языка и ее изменений, последующую оценку уже имеющегося лексикографического эквивалента с точки зрения его коммуникативной релевантности и его замену при необходимости. Однако в реальности лексикографическое отражение языковой динамики выглядит намного сложнее.

Первым наиболее очевидным шагом в работе лексикографа является включение в словарь новых слов и выражений и изъятие из него лемм и иллюстративных примеров, в настоящий момент полностью утративших свою коммуникативную релевантность. Другой, не менее очевидный, шаг – это фиксация изменений, произошедших с уже представленной в словарях леммой. Речь идет о возможном сужении или расширении значения слова, изменении порядка следования значений в словарной статье, увеличении или падении коммуникативной значимости слова или иллюстративного примера, появлении новых контекстов употребления слова в практике носителей языка. Достаточно важным является также решение лексикографических проблем, связанных с излишней идеологической окрашенностью или неоправданным количественным преобладанием лексики определенных тематических групп, подчас присущим двуязычным словарям. И, наконец, перед лексикографом стоит еще одна крайне важная задача, заключающаяся в актуализации уже имеющегося лексикографического эквивалента, зафиксированного в существующих немецко-русских словарях, но более не соответствующего актуальной языковой практике.

Обратимся теперь к каждому из перечисленных шагов в отдельности. Начнем с принципов лексикографической обработки неологизмов. Статус академического словаря предполагает вдумчивое и внимательное отношение к новым лексическим единицам, претендующим на включение в словник. Не всякое новое слово, возникшее в языке, может и должно быть включено в двуязычный академический словарь. Отбирая новые леммы для словаря, лексикограф должен руководствоваться следующими принципами. Неологизм, отобранный для

включения в академический словарь, должен обладать своей историей возникновения и жизни в языке, верифицируемой на протяжении нескольких лет достаточным количеством примеров употребления. Его узуальная активность должна быть зафиксирована национальным корпусом языка и актуальными словарными изданиями. Следует отметить, что в настоящее время проблеме неологизмов уделяется огромное внимание.

Самые разные словари и онлайн-проекты фиксируют новые слова – как те, что уже утвердились в языке, так и те, которые только пытаются это сделать. Так, например, онлайн-словарь неологизмов Института немецкого языка в Мангейме в рамках масштабного интернет-проекта «Lexikalische Innovationen» ищет и отфильтровывает с 1989 г. новые слова, появившиеся в прессе, на радио и телевидении, в Интернете. Онлайн-формат позволяет словарю быть максимально актуальным: он постоянно может пополняться новыми словами, а модные слова, срок коммуникативной жизни которых невелик, могут быть удалены. Помимо этого, традиционно издаются специальные словари неологизмов. В частности, в рамках упомянутого интернет-проекта в 2004 г. вышел словарь, в котором собраны неологизмы девяностых годов двадцатого века [Herberg et al., 2004], а в 2013 – словарь неологизмов нулевых годов [Steffens, al-Wadi, 2015]. Оба словаря представлены также онлайн-версиями.

Лексикографическое описание неологизмов в настоящий момент является настолько актуальной задачей, что исследователи говорят о возникновении новой отрасли лексикографии – неографии, в том числе и двуязычной [Неология и неография..., 2016]. Очевидно, что принципы включения или невключения новых слов в подобные словари неологизмов, с одной стороны, а с другой – в двуязычный бумажный академический словарь существенно разнятся. От академического словаря пользователь ожидает фундаментальной основательности, строгих принципов отбора лексики, соответствия устоявшимся коммуникативным нормам, а не следования внезапно возникшей языковой моде, авторским пристрастиям или отдельным идиолектам. Так, например, возникшее на волне повышенного общественного интереса к фигуре американского президента Дональда Трампа слово *der Trumpismus* ‘трампизм; политика США с начала правления Трампа’ вряд ли на данном этапе должно быть включено в Академический немецко-русский словарь, несмотря на высочайшую частотность его употребления. При запросе поисковая система Google выдает 68 000 употреблений, однако к настоящему моменту слово существует в языке всего несколько месяцев, и его дальнейшую языковую судьбу трудно спрогнозировать.

Напротив, слово *der Messie* ‘скопидом; *перен.* Плюшкин’, обладающее намного меньшей коммуникативной активностью по сравнению с модным в политическом дискурсе словом *der Trumpismus*, должно быть включено в актуальную редакцию Академического немецко-русского словаря, поскольку оно не только зафиксировано в современных толковых словарях (например, в словаре Duden), но и на протяжении нескольких лет демонстрирует стабильное частотное употребление.

Аналогичным образом имеет смысл расширить словник за счет включения новых лемм, таких как *das Ghostwriting* ‘гострайтинг; написание текстов на заказ’, *der Ghostwriter* ‘лицо, пишущее тексты для другого лица’, *die Newsgroup* ‘сетевая конференция; дискуссионная группа (*в сети*)’, *der Newsticker* ‘1. тикер (*аппарат, выдающий актуальную информацию на бумажную ленту*) 2. (новостная) бегущая строка (*в сети*)’, *der Mundmaler* ‘художник, держащий кисть во рту’, *das Gammelfleisch* ‘испорченное [некачественное] мясо’, *die Meister-schale* ‘серебряная салатница (*главный приз, вручаемый чемпиону Бундеслиги*)’. Два последних слова особенно интересны с точки зрения их коммуникативной судьбы и функции в актуальной языковой практике.

Слово *das Gammelfleisch* появилось в немецком языке в период с октября 2005 по март 2006 г. в связи с серией скандалов, связанных с продажей некачественного мяса в Германии. Оно было введено в активный речевой обиход средствами массовой информации и стало настолько популярным, что Общество немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache, GfdS) включило это слово в список «Слово года – 2005» (на пятой позиции). В словарях слово *das Gammelfleisch* впервые появилось в 2006 г. Позже были зафиксированы также производные композиты *die Gammelfleischparty* *мол. жарг.* ‘вечеринка [вечер] для тех, кому за тридцать’, включенный в список «Молодежное слово года – 2008», и *das Gammelfleischland* *эвф.* ‘Германия’ (*букв.* страна некачественного мяса). Такая продуктивность слова в образовании

композитивов свидетельствует о высокой коммуникативной жизнеспособности этой лексической единицы. Согласно данным «Электронного словаря немецкого языка 20 века» (DWDS), частотность этого слова в текущем десятилетии увеличилась по сравнению со второй половиной первого десятилетия XXI в. Все это свидетельствует о том, что слово *das Gammelfleisch* стало единицей словарного состава немецкого языка и должно быть зафиксировано в немецко-русском словаре.

Еще одна лемма, за счет которой можно расширить словник академического немецко-русского словаря, строго говоря, неологизмом не является. Слово *die Meisterschale* ‘серебряная салатница (*главный приз, вручаемый чемпиону Бундеслиги*)’ вошло в практику употребления носителями немецкого языка в конце пятидесятих годов прошлого века, когда была изготовлена серебряная салатница взамен утерянного во времена Второй мировой войны кубка Виктория. С тех пор серебряная салатница является спортивным трофеем, регулярно вручаемым футбольным клубам-победителям, а слово *die Meisterschale*, обозначающее реалию немецкой спортивной жизни, прочно вошло в немецкий спортивный дискурс. Вызывает недоумение тот факт, что слово до сих пор не зафиксировано в солидных толковых словарных изданиях, например, в Duden, и, за редким исключением, не представлено в немецко-русских словарях.

Перейдем ко второму из вышеупомянутых шагов, направленных на отражение языковой динамики в академическом двуязычном словаре, и рассмотрим семантические процессы, происходящие со значениями слов, уже включенных в словари ранее. Начнем с расширения семантического объема слова в процессе исторического развития, т. е. приобретения словом нового значения или новых значений. Простым примером этого процесса является расширение семантики слова *die Nase* за счет добавления значения ‘нос, нюхач’ со словарной пометой ‘*проф. жарг.*’ (профессиональный жаргонизм). Интересно отметить, что как в немецком, так и в русском языке эквиваленты проделали один и тот же путь семантического развития на основе метонимии. В рамках этого значения эквиваленты входного и выходного языков имеют одинаковые семантические, стилистические и функциональные характеристики.

Необычный путь семантического развития проделало существительное *der Nazi*. Традиционно это слово переводилось в немецко-русских словарях как ‘нацист, фашист’. Однако в течение нескольких десятилетий исторического развития произошла трансформация семантической структуры слова, в результате чего, согласно данным немецкого электронного словаря Wörterbuch Wortbedeutung.info (WW), в настоящее время можно зафиксировать три значения данной лексической единицы:

1) *umgangssprachlich*: Kurzform für einen Anhänger des Nationalsozialismus, *im engeren Sinne*: für einen Anhänger Adolf Hitlers – краткая форма для обозначения приверженца национал-социализма, в узком смысле слова – последователь Адольфа Гитлера (разговорное употребление);

2) Schimpfwort gegen einen Ausländerfeind oder Rechtsextremisten – бранное слово, обозначающее ксенофоба или правого экстремиста;

3) *Slang*: Beleidigung gegen jemanden, der die eigenen Verhaltensnormen absolut stellt und anderen aufzwingt – сленговое оскорбительное обозначение человека, ставящего превыше всего собственные нормы поведения и навязывающего их другим (WW).

Не все эти три значения фиксируются толковыми словарями. Например, Duden отражает только одно, первое, значение. Однако на настоящий момент существительное *der Nazi* употребляется носителями немецкого языка именно в этих трех значениях, о чем свидетельствуют примеры:

1) Einst nannte Erdoğan die israelische Gaza-Politik barbarischer als das Vorgehen der Nazis (Die Zeit, 22.11.2016) – Недавно Эрдоган назвал израильскую политику в секторе Газа более варварской, чем действия нацистов;

2) Als die alarmierten Beamten eintrafen, habe der Mann unvermittelt auf sie eingeschlagen und sie dabei als Nazis beschimpft (Die Zeit, 20.10.2016) – Когда встревоженные чиновники прибыли, мужчина неожиданно набросился на них и обозвал их нацистами;

3) Mann, du bist voll der Nazi! – Ну ты и упертый (придира, фанат)! (WW).

Доказательством существования третьего значения слова *der Nazi* являются композиты *der Grammatiknazi*, *der Essensnazi*.

В соответствии с приведенным выше толкованием в немецко-русском словаре также следует выделить три самостоятельных значения этой леммы: 1. *ист.* нацист, фашист; 2. нацист. В третьем значении словарное соответствие требует отдельного осмысления, поскольку в русском языке отсутствует эквивалент, возникший естественным путем. С одной стороны, под влиянием англоязычного Интернета в русском языке иногда встречаются эквивалентные словосочетания ‘грамматический нацист’, ‘национал-лингвист’, однако это все эквиваленты, которые удалось обнаружить. Возникает вопрос, как переводить другие композиты с этим элементом, а также само слово *der Nazi* в третьем, новом, его значении. Единственное, что на данном этапе можно предложить в качестве рабочего варианта и что до какой-то степени отражает путь метафорического переосмысления компонентов значения слова, – это эквивалент ‘фанат, фанатик’ (ср. *der Essensnazi* ‘фанат здорового питания’), обладающий как коммуникативной, так и функциональной равноценностью с единицей входного языка.

Часто лексикографу приходится сталкиваться с ситуациями, когда слово, уже имеющееся в словаре, приобретает новое специальное значение. Приведем ряд примеров:

1) у слова *die Gewalteinwirkung* мы должны зафиксировать ранее не отраженное в редактируемой версии словаря значение ‘силовое воздействие на груз’;

2) многие немецко-русские словари содержат прилагательное *gewerbsmäßig*, однако не включают производное существительное *die Gewerbsmäßigkeit*. В современном немецком языке это слово в общеупотребительном значении было вытеснено существительным *die Berufsmäßigkeit*. Однако слово *die Gewerbsmäßigkeit* следует включить в словарь в качестве юридического и экономического термина в значении ‘направленность на систематическое получение прибыли’;

3) прилагательное *gestreut*, помимо значений ‘рассеянный, рассыпанный’, выводимых из семантики глагольной основы *streuen*, является эквивалентом русских прилагательных ‘диверсифицированный (например, о пакете акций)’ и ‘метастазирующий’. Следовательно, мы имеем дело с терминологическими значениями – экономическим и медицинским, которые должны быть зафиксированы в словаре;

4) большинство немецко-русских словарей не отражает на настоящем этапе второе, переносное, значение существительного *der Giftschränk* ‘закрытое хранилище материалов, которые не подлежат выдаче; спецхран’. Тем не менее, в этом значении слово достаточно употребительно, о чем свидетельствуют результаты поисковых запросов.

Интересным примером расширения семантики слова является значение существительного *das Meisterlied*. В немецко-русских словарях отражено историческое значение слова ‘песнь майстерзингера’. Майстерзангом называлась поэтическая культура цеховых ремесленников в Германии в XIV–XVI вв. Звание мастера мог получить только тот претендент, кто освоил определенные этапы обучения, в том числе и так называемую *Meisterlied*, т. е. ‘пробную песню’. В современном немецком языке, однако, существительное *das Meisterlied* активно используется в другом значении. Так называют песню-гимн футбольных болельщиков, прославляющую любимую команду. Смысл текста такой песни заключается в том, что любимой команде желают стать чемпионом, т. е. *Meister*. Примером такой песни является знаменитый гимн фанатов футбольного клуба «Боруссия» Дортмунд: «*Deutscher Meister ist nur einer: BVB und sonst keiner*». Таким образом, вышеперечисленные примеры демонстрируют различные варианты расширения семантики слова.

Не меньший интерес для лексикографа представляет и противоположный семантический процесс – сужение семантики, т. е. утрата словом одного из значений. Так, например, в современном словоупотреблении существительное *die Meldepflicht* практически не используется в значении ‘обязательная явка по вызову в военно-призывной орган’. Это связано с отменой всеобщей воинской повинности в Германии, а следовательно, с трансформацией самого понятия. Понятие *Meldepflicht* ‘обязательная регистрация; обязательное оповещение’ распространяется на самые разные сферы общественной и деловой жизни: это и обязательная регистрация по месту жительства, и обязанность предоставления налоговой декларации, обязательная регистрация случаев заболевания заразными болезнями и т. д.

Ярким примером сужения семантики является и значение слова *meisterlich*. В редактируемой версии словаря это прилагательное в значении ‘искусный, мастерский’ было снабжено пометой *устарев.* (устаревающее). Действительно, данное значение слова *meisterlich* в со-

временном немецком языке постепенно утрачивается. Однако прилагательное активно употребляется в спортивном дискурсе в значении ‘превосходный’, например: «Gleichwohl präsentierte sich die Borussia in meisterlicher Form und sammelte weiteres Selbstvertrauen für das Pokalfinale gegen die Bayern am 21. Mai» (Die Zeit, 30.04.2016).

Помимо расширения и сужения семантического объема слова в лексикографической практике составители словарей часто сталкиваются с проблемой, когда приходится перераспределять порядок следования отдельных значений многозначного слова. Это проявление языковой динамики связано с изменением коммуникативной значимости лексико-семантических вариантов слова. В качестве примера предлагаем рассмотреть лексикографическую судьбу существительного *das Gewerbe* в двуязычных переводных словарях последних десятилетий. Так, в редактируемой версии Большого немецко-русского словаря соответствующая словарная статья выглядит следующим образом:

Gewerbe *n -s* 1. промысел, ремесло, занятие, профессия; *das graphische* ~ полиграфическая промышленность; *ein* ~ *ausüben* [treiben, betreiben], *einem* ~ *nachgehen* *книжн.* заниматься промыслом, ремеслом; *was ist ihr ~?* *высок.* чем вы занимаетесь?; *ein* ~ *aus etw. (D)* *machen* [превратить что-л. в источник дохода] 2. *мк. sg* мелкие предприятия [мастерские] 3. *швейц.* крестьянская усадьба; хутор $\diamond$ **das horizontale** ~ *разг. шутл.* торговля телом (о проституции); **das älteste** ~ **der Welt** *эвф. шутл.* самая древняя профессия (в мире) (о проституции); **sich (D) ein** ~ **machen** *террит.* втереться в доверие (к кому-л.)

Во многих немецко-русских словарях первым значением слова *das Gewerbe* традиционно фиксируется ‘промысел, ремесло, занятие, профессия’. В современном русском языке, однако, под промыслом понимается не всякая предпринимательская деятельность, а лишь отдельные ее виды. Современные словари толкуют значение слова *промысел* следующим образом:

1. Добывание чего-н., добыча, охота. *Промысел жемчуга. Промысел тюленя.*
2. Занятие охотой, добычей зверя, птицы, рыбы. *Охотничий промысел. Пушной промысел.*
3. Мелкое ремесленное производство, обычно как подсобное занятие при основном, сельскохозяйственном. *Местные промыслы.*
4. Промышленное предприятие добывающего типа. *Горные промыслы. Нефтяные промыслы (ТКО).*

Семантические структуры немецкого слова *das Gewerbe* и русского слова *промысел*, безусловно, пересекаются: в семантике немецкого слова присутствует значение ‘промысел’ (ср. 3-е значение русского слова *промысел*). Однако не это значение определяет коммуникативную значимость существительного *das Gewerbe*. Немецкие толковые словари, в частности, Duden, определяют первое значение слова *das Gewerbe* как ‘[selbstständige] dem Erwerb dienende berufliche Tätigkeit (nicht in Bezug auf freie Berufe und Berufe in Land- und Forstwirtschaft, Fischerei und Bergbau)’. Интересно, что данное словарное толкование не включает, а исключает многие виды деятельности, которые в русском языке называются промыслами (ср. 1, 2, 4-е значения русского слова *промысел*). Следовательно, было бы неверно в качестве первого словарного эквивалента фиксировать русское существительное *промысел*, поскольку такая параллель искажает языковую действительность. Согласно приведенному выше толкованию мы предлагаем в качестве первого приводить в словаре значение ‘предпринимательская деятельность, предпринимательство; бизнес’, сопровождаемое скобочным комментарием ‘(кроме свободных профессий, сельского и лесного хозяйства, рыболовства и горного дела)’. Наличие и коммуникативная значимость этого значения подтверждается, в частности, такими частотными словосочетаниями, как *ein Gewerbe betreiben* [ausüben] ‘заниматься предпринимательской деятельностью, иметь свой бизнес’, *ein Gewerbe anmelden* ‘зарегистрировать предпринимательскую деятельность’. В связи со сказанным, порядок следования значений существительного *das Gewerbe* в современной редакции Академического немецко-русского словаря может выглядеть следующим образом:

Gewerbe *n -s*, = 1. предпринимательская деятельность, предпринимательство; бизнес (кроме свободных профессий, сельского и лесного хозяйства, рыболовства и горного дела, б.ч. малый и средний); *ein* ~ *anmelden* зарегистрировать предпринимательскую деятельность; *ein* ~ *betreiben* [ausüben] заниматься предпринимательской деятельностью, иметь (свой) бизнес 2. промышленность; *graphisches* ~ полиграфическая промышленность, печатное дело;

verarbeitendes ~ обрабатывающая промышленность 3. ремесло, занятие, профессия; промысел; einem ~ nachgehen *книжн.* заниматься ремеслом 4. *тк. sg* мелкие предприятия [мастерские] ♦ **das horizont'ale** ~ *разг. шутл.* торговля телом (*о проституции*).

Коммуникативная значимость первого значения 'предпринимательская деятельность, предпринимательство; бизнес' подтверждается существованием в современном немецком языке большого количества композитов, образованных с помощью элемента *Gewerbe*- именно в данном значении: *das Gewerbeamt* 'департамент предпринимательства, ведомство по вопросам предпринимательства (ФРГ)', *die Gewerbeaufsicht* 'трудовой и экологический аудит (предприятия), надзор за соблюдением прав потребителей', *die Gewerbeanmeldung* '(государственная) регистрация предпринимательской деятельности', *die Gewerbefreiheit* 'свобода предпринимательства [предпринимательской деятельности]', *die Gewerbeordnung* 'положение [закон] о предпринимательской деятельности (ФРГ)', *die Gewerbeerlaubnis* 'разрешение [патент] на осуществление предпринимательской деятельности' и т. д. Некоторые из этих композитов отсутствовали в редактируемой версии словаря и были включены в новую. Другие же потребовали уточнения переводческих соответствий. Так, в частности, сложное существительное *die Gewerbeordnung* было переведено в редактируемой версии словаря как 'юр. закон о промысле (ФРГ); положение о занятии промыслом; промысловый устав'. Подобный перевод искажает содержание немецкого закона (*die Gewerbeordnung*), который регулирует предпринимательскую деятельность физических и юридических лиц на территории Германии. Кроме того, подобный перевод предполагает отсылку к совсем другой области права (ср. закон РФ «О народных художественных промыслах»). Следовательно, соответствие 'промысловый устав' требует пометы *ист.* (историзм), а первым вариантом перевода может являться словосочетание 'положение [закон] о предпринимательской деятельности (ФРГ)'.

Дискуссионным в лексикографической практике является вопрос о таком интересном проявлении языковой динамики, как изменение коммуникативной значимости некоторых лексических единиц, т. е. о включении или невключении в словник слов, увеличивших свою коммуникативную активность. Отследить траекторию развития активности того или слова в практике носителей языка можно, воспользовавшись разными ресурсами, например Электронным словарем немецкого языка 20 века (DWDS). Так, в последнее время в немецкоязычных средствах массовой информации активно употребляется большое количество композитов с элементом *NATO*-, что объясняется высокой военно-политической активностью этого блока в самых разных регионах мира. Исходя из составных элементов таких сложных слов пользователь часто достаточно легко может понять их семантику и самостоятельно сконструировать перевод. Однако в российских средствах массовой информации к настоящему моменту в большинстве случаев сложились устойчивые соответствия, использование которых является предпочтительным, а порой и единственно правильным с точки зрения коммуникативной и функциональной равноценности единиц входного и выходного языков. Таким образом, представляется желательным расширить словник Академического немецко-русского словаря за счет включения в него таких слов, как *der NATO-Doppelbeschluss* '*полит.* двойное решение НАТО', *der NATO-Einsatz* 'операция (вооружённых сил) НАТО', *der NATO-Luftangriff* 'операция военно-воздушных сил НАТО' и др.

Современная политическая ситуация в Европе заставляет также рассмотреть возможность включения в словарь существительного *die Flüchtlingskrise*, обладающего в настоящее время высочайшей частотностью. Электронные версии двуязычных словарей уже пытаются восполнить лауну, переводя это сложное слово как 'кризис беженцев'. Некорректный перевод доказывает необходимость включения в двуязычный словарь данного существительного с корректным соответствием 'кризис с беженцами, миграционный кризис'.

Аналогичным образом обстоит дело и с существительным *die Meinungspflege* 'связи с общественностью, пиар', ранее не включенным в немецко-русские словари. Это слово демонстрирует рост коммуникативной активности, особенно в начале XXI в. Синонимами этого существительного являются слова *die Öffentlichkeitsarbeit*, *Public Relations*. Вывести значение слова *die Meinungspflege* исходя из семантики составных элементов композита практически невозможно. Не было также зафиксировано в немецко-русских словарях ставшее в последнее время высокочастотным прилагательное *naturverträglich*. Включить это прилагательное

в словник и восполнить пробел необходимо, так как переводческий эквивалент ‘экологически безопасный’ и в данном случае не лежит на поверхности и не выводится простым переводом составных элементов. Приведенные выше примеры касаются отнюдь не новых слов, недавно появившихся в языке. В последние десятилетия их коммуникативная значимость претерпела существенные изменения, что требует, в свою очередь, их фиксации в современных немецко-русских словарях. Академический немецко-русский словарь должен предоставлять пользователю их правильное русское соответствие.

Важной составляющей лексикографической практики, отражающей языковую динамику, является фиксация новых контекстов употребления слов, уже представленных в словаре, осуществляемая за счет включения в словарь актуального иллюстративного материала. Освоение словом новых контекстов существенно расширяет представление пользователя о способах перевода единицы, подлежащей семантизации. Следует отметить, что в качестве такого иллюстративного материала отбираются словосочетания и микроконтексты, демонстрирующие устойчивые переводческие соответствия в выходном языке. Обратимся к примерам. Словарную статью, посвященную прилагательному *gesondert* в значениях ‘отдельный, обособленный’, желательно расширить за счет включения в иллюстративный материал употребительного словосочетания *ein gesonderter Radweg* с переводческим эквивалентом ‘изолированная велосипедная дорожка’. Аналогичным образом расширение словарной статьи прилагательного *gestaffelt* ‘ступенчатый, дифференцированный’ только выиграет за счет примера *ein gestaffelter Preis* ‘последовательно изменяющаяся цена’. Дело в том, что самостоятельный поиск переводческих соответствий для подобных частотных словосочетаний может представлять для пользователя значительные трудности. Подобные эквиваленты должны присутствовать в словаре в готовом лексикализованном виде.

В отдельных случаях освоение словом новых контекстов заставляет говорить о необходимости фиксации в двуязычном словаре новых значений, не отраженных в толковых словарях. Такая необходимость объясняется тем, что переводческое соответствие в рамках подобного нового контекста нельзя рассматривать как просто контекстный перевод, поскольку сочетание, например, имени прилагательного с определенным существительным порождает принципиально новое значение, отраженное в переводческом эквиваленте выходного языка. Примером расширения значения слова на основе его включения в новый контекст может являться прилагательное *gesperrt*. Нам представляется очевидным тот факт, что в словосочетании *ein gesperrter Schwimmer* ‘дисквалифицированный [отстраненный от соревнований] пловец’ слово *gesperrt* демонстрирует отдельное значение, отличное от значений ‘закрытый, загороженный’. Хотелось бы отметить, что освоение словом новых контекстов вовсе не является прерогативой исключительно имен прилагательных, как могло бы показаться исходя из приведенных нами примеров. Существительные также могут активно осваивать новые контексты и в сочетании, скажем, с другими существительными требовать фиксации соответствующих эквивалентов. Так, картина современного словоупотребления имени существительного *das Merkzeichen* ‘метка, пометка; отличительный знак; клеймо, марка’ была бы неполной без приведения в качестве иллюстративного примера частотного словосочетания *ein Merkzeichen im Schwerbehindertenausweis* ‘помета в удостоверении инвалида (указывает на характер ограничения жизнедеятельности)’. Частотность употребления и коммуникативная значимость именно этого словосочетания подтверждается статистикой поисковых запросов – 73 700 упоминаний, согласно статистике Google.

Одним из важных этапов лексикографической работы, также направленной на отражение языковой динамики, но уже в выходном языке, является замена существующих вариантов перевода языковых единиц на актуальные соответствия. Такое редактирование нельзя считать исправлением ошибок и неточностей. Это скорее фиксация вновь сложившихся в выходном языке лексикографических эквивалентов. Понятие лексикографического эквивалента не является до сих пор общепринятым в отечественной лексикографии. Однако, на наш взгляд, оно удачно отражает суть переводческих соответствий, зафиксированных в двуязычных словарях. В отличие от переводческого эквивалента лексикографический эквивалент учитывает коммуникативно-функциональный характер тех контекстов, в которых данная языковая единица используется в первую очередь, т. е. наиболее частотных ее употреблений. Лексикографический эквивалент не просто характеризуется семантической, стилистической,

функциональной и диахронической равноценностью с единицей входного языка, но учитывает наиболее привычный для нее узус. Лексикографический эквивалент – это «конструктивный элемент, который может быть в неизменном или незначительно варьируемом виде использован в тексте перевода» [Никитина, 2015. С. 94].

Рассмотрим, в частности, соотношение возможных переводческих и лексикографических эквивалентов на примере существительного *die Gewaltfreiheit*. В современных немецко-русских словарях в качестве соответствия этой единице приводится словосочетание ‘принцип ненасилия’. Русское существительное ‘ненасилие’ употребляется, в первую очередь, в религиозном дискурсе христианства, буддизма и индуизма. Следовательно, словосочетание ‘принцип ненасилия’ является одним из удачных переводческих эквивалентов, закрепленных за текстами определенной коммуникативно-функциональной принадлежности. В современном немецком языке, однако, слово *die Gewaltfreiheit* давно вошло в политический дискурс и является термином международного права. В русском языке этому термину соответствует выражение ‘принцип неприменения силы (и угрозы силой)’, которое, с нашей точки зрения, должно быть зафиксировано в словаре в качестве первого лексикографического эквивалента на основании его большой частотности и коммуникативной значимости. Именно оно и является тем конструктивным элементом, который может быть использован в переводе большинства контекстов. Данный пример ярко демонстрирует, каким образом внесенные изменения отражают языковую динамику выходного языка.

Обновление переводческой части словарной статьи может быть связано и с присущими старому варианту искажениями стилистической эквивалентности или даже со смысловыми ошибками в нем, как, например, в словарной статье *der Getreidezüchter*. Лексикографическим эквивалентом этого существительного в современном русском языке является словосочетание ‘селекционер по зерновым культурам’, а вовсе не существительное ‘хлебороб’, как предлагает редактируемая версия словаря, тем более что русское слово ‘хлебороб’ является устаревающим, чего нельзя сказать о немецком слове. Словарная статья *der Gesundheitshelfer* также должна быть расширена современным лексикографическим эквивалентом. Она должна содержать не только ставшие историческими понятия ‘доброволец Красного Креста (ГДР)’, ‘сандружинник (СССР)’, но и перевод, отражающий современные реалии в немецком языке, – ‘медицинский волонтер’.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что отражение языковой динамики – одна из ключевых задач современной антропоцентрической лексикографии. На сегодняшний день практика создания словарей опирается на огромное количество более ранних лексикографических изданий, требующих актуализации. Лексикографическая фиксация языковых изменений – процесс более масштабный, чем простое включение в словник неологизмов и учет изменений в семантической структуре уже зарегистрированных в словарях единиц. Важными составляющими этого процесса являются отображение количественного аспекта языкового узуса путем отбора наиболее показательных иллюстративных примеров и тщательный анализ лексикографических эквивалентов с точки зрения живых процессов выходного языка. Изложенные соображения отражают лишь основные инструменты фиксации языковых изменений в лексике и являются далеко не единственной составляющей работы, направленной на преодоление словарной инертности.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря // Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др. Новый большой англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1993. Т. 1. С. 6–17.

Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. 236 с.

Никитина О. А. Антропоцентрическая двуязычная неография: в поисках лексикографической эквивалентности // Научный диалог / Центр научных и образовательных проектов. Екатеринбург, 2015. № 6 (42). С. 88–106.

Скляревская Г. Н. Об одном словаре антропоцентрического типа // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова: Сб. ст. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 365–377.

Список словарей

НБНС – Новый большой немецко-русский словарь: В 3 т. Около 500 000 лексических единиц / Под рук. Д. О. Добровольского. М.: АСТ: Астрель, 2008–2010. 3069 с.

ТСО – Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24664> (дата обращения 20.12.2017).

Herberg D., Kinne M., Steffens D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Unter Mitarbeit von Elke Tellenbach und Doris al-Wadi. XXXIX/393 S. Berlin; New York: de Gruyter, 2004.

Steffens D., al-Wadi D. Neuer Wortschatz. Neologismen im Deutschen 2001–2010. 2 Bände, LVII/577 S. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2015. 3., durchges. Aufl.

WW – Wörterbuch Wortbedeutung.info. URL: <http://www.wortbedeutung.info/Nazi/>.

Материал поступил в редколлегию 25.01.2018

Elena A. Kondakova, Elena V. Morozova

*National Research University – Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation*

ekondakova@hse.ru, evmorozova@hse.ru

LANGUAGE DYNAMICS IN THE MIRROR OF BILINGUAL LEXICOGRAPHY (ON THE EXAMPLE OF THE ACADEMIC GERMAN-RUSSIAN DICTIONARY)

The article is based on observations made while working on Academic German-Russian dictionary. Modern dictionaries are mostly based on the earlier publication, so a substantial part of the work on updating the dictionary is to overcome its inertia. Search engines and technology of corpus linguistics allow lexicographers to evaluate the relevance of the numerous mosaic changes in language usage. The study deals with specific mechanisms for updating all sections of dictionary entries. An example of lexicographic processing of neologisms, described in the paper, shows the principles of including new lemmas into academic bilingual dictionaries. It is emphasized that the actual frequency is not yet a sufficient basis for the lexicographic fixation of a «trendy» word in the academic dictionary. New words have to demonstrate stable frequency of use during several years. The principles of dictionary fixing of changes in the semantic structure of a word are discussed in detail. For example, the extension of the semantics of the noun «der Nazi» demonstrates the complexity of the search for a translation equivalent with communicative and functional equivalence. Special attention is paid to the necessity of fixing new meanings in the bilingual dictionary, if they were not reflected in the explanatory dictionaries. Based on the concept of lexicographical equivalence, the authors show how to update the translation part of the dictionary entry.

Keywords: bilingual lexicography, language dynamics, neologism, lexicographic equivalent.

References

Apresyan Yu. D. Leksikograficheskaya kontseptsiya Novogo bol'shogo anglo-russkogo slovary [Lexicographic conception of the New Large English-Russian Dictionary]. *Novyy bol'shoy anglo-russkiy slovar'* [New Large English-Russian Dictionary]. Moscow, 1993, vol. 1, p. 6–17. (In Russ.)

Neologiya i neografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy (k 50-letiyu nauchnogo napravleniya) [Neology and neography: the current state and trends (To the 50th anniversary of the scientific direction)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2016, 236 p. (In Russ.)

Nikitina O. A. Antropotsentricheskaya dvuyazychnaya neografiya: v poiskakh leksikograficheskoy ekvivalentnosti [Anthropocentric bilingual neography: in search of lexicographic equivalence]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2015, no 6 (42), p. 88–106. (In Russ.)

Sklyarevskaya G. N. Ob odnom slovare antropotsentricheskogo tipa [About one dictionary of anthropocentric type]. *Yazykovaya lichnost': tekst, slovar', obraz mira* [Language Person: Text, Dictionary, Image of the World]. Moscow, 2006, p. 365–377. (In Russ.)

Dictionaries

Herberg D., Kinne M., Steffens D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Unter Mitarbeit von Elke Tellenbach und Doris al-Wadi. XXXIX/393 S. Berlin, New York, de Gruyter, 2004.

Novyy bol'shoy nemetsko-russkiy slovar' [New Big German-Russian Dictionary]. In 3 vols. Ed. by D. O. Dobrovol'sky. Moscow, AST: Astrel, 2008–2010, 3069 p. (In Russ.)

Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' Ozhegova onlayn [Elektronnyy resurs] [Dictionary of the Russian Language by Ozhegov online]. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24664> (In Russ.)

Steffens D., al-Wadi D. Neuer Wortschatz. Neologismen im Deutschen 2001–2010. 2 Bände, LVII/577 S. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2015, 3, durchges. Aufl.

Wörterbuch Wortbedeutung.info. URL: <http://www.wortbedeutung.info/Nazi/>.

For citation:

Kondakova E. A., Morozova E. V. Language Dynamics in the Mirror of Bilingual Lexicography (On the Example of the Academic German-Russian Dictionary). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, p. 19–29. (In Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-1-19-29

УДК 81'23

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-1-30-40

А. А. Яковлев

*Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия*

mr.koloboque@rambler.ru

ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАУЧНОЙ И ОБЫДЕННОЙ КАРТИН МИРА В СОЗНАНИИ СТУДЕНТА

В статье изложены результаты эксперимента, проведенного методом свободного дефинирования среди двух групп испытуемых: студентов-филологов первого и старших курсов. Испытуемые давали определения терминам языкознания, ставилась цель выявить степень влияния обыденной и научной картин мира на значения терминов языкознания, проявляющиеся в определениях. Для эксперимента были выбраны 12 терминов, с частью из которых студенты знакомы из повседневной жизни, часть из них фигурирует в качестве дефинированных в школьной программе, часть изучается в университете. На основе анализа полученного материала предлагается трактовка обыденной и научной картин мира как компонентов значений слов, что позволяет изучать их с позиций языкового сознания. Был сделан вывод о том, что научная и обыденная картины мира как различные компоненты значений слов не существуют в сознании индивида в отдельности, но проявляются по-разному в разных ситуациях общения и познания мира. Знания, лежащие за терминами и проявляющиеся в данных испытуемыми определениях, изменяются количественно и качественно, но не претерпевают мгновенного перехода от обыденной к научной картине мира.

Ключевые слова: научная картина мира, обыденная картина мира, языковое сознание, значения слов, студенты.

Всякое научное понятие – это и конструкция мысли,
и отражение бытия.

С. Л. Рубинштейн

Вводные замечания

Уже не одно десятилетие различные терминосистемы подвергаются различного рода лексикографическим, структурным и др. исследованиям. С развитием когнитивного направления в языкознании насущными стали вопросы о том, что лежит за системой терминов в сознании пользующегося языком индивида.

Обычно при обсуждении соотношения научной и обыденной картин мира речь идет о рядовом носителе языка, который рассматривается как индивид, не имеющий никакого отношения к науке, что верно лишь отчасти. У него, разумеется, нет «активного» отношения к науке, он науку не создает, но, несомненно, у него есть «пассивное» к ней отношение – он является «пользователем» науки, потребителем ее продукта и результатов, и это не значит, что у него вовсе нет никаких научных знаний. Перед языковедом в таком случае встает зада-

Яковлев А. А. Значения терминов как отражение научной и обыденной картин мира в сознании студента // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 30–40.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 1

© А. А. Яковлев, 2018

ча разграничить и изучить через языковые средства аспекты значений слов, которые отражают обыденное и научное знание.

Так, статья Т. В. Романовой «Терминосистема лингвистики как формат знания (по данным лингвокогнитивного эксперимента)» [2015] посвящена разработке как раз этих проблем с позиций модели вербального сознания. Автор совершенно справедливо отмечает, что существуют различные способы задания и расшифровки смысла, а смыслы, выражаемые одним языковым знаком, могут варьироваться [Там же. С. 25]. Но из приведенного материала неясно, какие факторы влияют на превалирование того или иного способа и почему в таком-то случае наличествует один способ задания и расшифровки смысла, а в другом (даже при схожем смысле) может быть иной способ.

Среди выводов автор указывает, что некоторый способ задания смыслов может быть основным, и на его основе выстраиваются остальные, а одному способу задания смысла могут соответствовать несколько определений, каждое из которых выражается разными способами [Там же. С. 32]. Однако за недостаточностью количественного соотношения приведенных испытуемыми определений материал статьи, к сожалению, не дает возможности говорить о том, как способ задания смысла соотносится с содержанием понятия. Небезосновательно предполагать, что именно последнее, характер его связи со способом его выражения, играет значительную роль. Описанное в настоящей публикации исследование проливает свет на эту проблему.

Теоретический базис

Вынесенные в заголовок настоящей статьи понятия научной и обыденной картин мира обладают немалой долей условности и по-разному трактуются в языковедческих исследованиях. Так, часто используемое в лингвистике понятие «языковая картина мира» связано либо с сознанием отдельного индивида [Денисенко, 2005. С. 16, 26; Ефремов, 2010. С. 51; Маслова, 2011. С. 20], либо с лингвокультурой или этносом [Карасик, 2002. С. 74, 187; Корнилов, 2003. С. 80; Раемгужина, 2009. С. 19]. Научная картина мира тоже трактуется по-разному, и нередко она противопоставлена наивной, или обыденной, картине мира [Замалетдинов, 2004. С. 17; Карасик, 2002. С. 75; Кравцов, 2008. С. 51; Пименова, 2001. С. 22–23; Урысон, 2003. С. 11]. Разнообразие, доходящее иногда до противоречия, подходов к картинам мира требует во избежание терминологической путаницы четко эксплицировать содержание понятий, вкладываемое в них в конкретном исследовании.

В одной из наших публикации, посвященной тому, как степень влияния научной, или профессиональной, и обыденной картин мира проявляется в ассоциациях на термины у студентов разных курсов, обосновывается подход к научной и обыденной картинам мира как компонентам значений слов [Яковлев, 2016]. В рамках настоящей статьи, являющейся по сути и материалу продолжением указанной работы, мы будем придерживаться той же трактовки вынесенных в заголовок понятий. Изложим ее в двух словах.

Научная (и, шире, профессиональная) картина мира понимается как такой аспект значения, который фиксирует в нем опыт терминологического использования индивидом соответствующего слова, являющегося термином некоторой науки (элементом подязыка), в ситуациях общения и познания мира, связанных с наукой и научной (профессиональной) деятельностью. Обыденной картиной мира, соответственно, считается такой аспект значения слова (возможно, того же самого), который кристаллизует опыт индивида по общению и познанию мира в обыденных, повседневных ситуациях, подразумевающих использование слов, не являющихся терминами какой-либо науки. Тогда обыденная или научная (профессиональная) картина мира – это, во-первых, закрепленный в значении слова и регулярно появляющийся в речи аспект этого значения, кристаллизующий некоторую часть опыта и знаний индивида, во-вторых, это сторона значения слова, которая всегда ему присуща, но которая наиболее ярко проявляется в той или иной ситуации и не остается неизменной при получении новых знаний (изменяется также и соотношение между двумя картинами мира). Научная (профессиональная) или обыденная картина мира, рассматриваемая с позиций значения слова, суть многократно повторившийся, а потому фиксированный, стереотипизированный способ достижения цели речевой деятельности в ситуациях научного (профессионального)

или обыденного общения. «Научность» («профессиональность») и «обыденность» слова определяется тем, какие опыт и знания кристаллизованы в его значении, и тем, в каких ситуациях, для каких задач общения и познания это слово используется (слово используется всегда целиком, но в разных ситуациях и при разных целях на первый план выступает тот или иной аспект его значения, а «пересечение» некоторого аспекта значения и не соответствующей ему ситуации служит для языковой игры, шутки и т. п. или ведет к недопониманию).

Анализ результатов ассоциативного эксперимента, описанного в названной выше публикации, позволил сделать вывод о невозможности проведения четкой и однозначной границы между обыденной и научной (профессиональной) картиной мира как компонентами индивидуального сознания, а также о том, что оба эти аспекта в той или иной степени всегда остаются в значении (в психолингвистической его трактовке) термина. Было показано: то, что в лингвистической теории именуется научной, или профессиональной, картиной мира, можно охарактеризовать с позиций психолингвистики как особый способ оперирования словом и его значением, отражение, обобщение и фиксация в значении тех потенциальных коммуникативных и когнитивных задач, которые могут быть решены с помощью этого слова. Относительно ментального лексикона научную (профессиональную) картину мира можно охарактеризовать как зафиксированный, кристаллизованный и систематически проявляющийся в связанных друг с другом словах такой аспект их значений. Следовательно, научная (профессиональная) картина мира в ее психолингвистическом рассмотрении является отражением в значении слова научной (профессиональной) сферы его использования данным индивидом, отражением некоторой области многогранного опыта человека. То же верно и для обыденной картины мира.

Такая трактовка научной (профессиональной) и обыденной картин мира позволяет, на наш взгляд, изучать их с позиций антропоцентризма, рассматривать, каким образом то, что вкладывается в термины научной теорией, по-особому преломляется в сознании индивида, испытывает на себе влияние личности говорящего на данном языке человека и, следовательно, влияет на его речевую деятельность.

Методология исследования

Описываемый здесь эксперимент, как уже отмечалось, был продолжением названного выше исследования. Основной целью изложенного далее эксперимента было выявление степени влияния обыденной и научной картин мира на значения слов – терминов языкознания. Предполагалось, что у носителей русского языка, ближе знакомых с теоретическими основами языкознания (студентов-филологов старших курсов), значения терминов этой науки относятся в большей степени к научной картине мира (в изложенном выше ее понимании), чем к обыденной, поскольку фиксируют в большей степени научные знания.

Для достижения указанной цели был проведен эксперимент среди двух групп испытуемых, в первую из которых вошли студенты-бакалавры 1 курса (43 человека), во вторую – студенты-бакалавры 4 курса и студенты-специалисты 5 курса (всего 34 человека) института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск). Эксперимент был проведен в конце учебного года, когда первокурсникам была прочитана значительная часть курса «Введение в языкознание». Важно отметить, что испытуемые были те же, что и в ассоциативном эксперименте, описанном в работе [Яковлев, 2016], и данный эксперимент проводился сразу после предыдущего. Слова в бланке были расположены в ином порядке, чем в ассоциативном эксперименте, во избежание возможного влияния одного эксперимента на результаты другого (существенных корреляций между реакциями и даваемыми тем же испытуемым определениями не выявлено).

Испытуемым (далее – Ии.) было предложено написать в специальных бланках определения к следующим терминам: *речь, билингвизм, надеж, слово, диалект, высказывание, рема, язык, лексикон, буква, предикат, текст*. Эти слова были выбраны согласно следующему принципу: с некоторыми из них Ии. знакомы со школьной скамьи (например, *буква, слово*), с другими же они знакомятся в университете (*рема, предикат*), третьи хотя и не фигурируют в качестве дефинированных терминов в рамках школьного курса русского языка нередко

встречаются в повседневной жизни (например, *текст, высказывание*). Кроме того, выбранные термины должны быть значимы для общего языкознания и не относиться к частным его направлениям. В противном случае Ии. попросту ничего не останется, как «вытягивать» определения терминов из их внутренней формы или догадываться об их содержании, потому что содержания этих понятий и их определения не рассматриваются подробно и разносторонне. Термины в бланке были расположены в таком порядке, чтобы определение каждого предыдущего термина в наименьшей степени влияло на определение последующих, особенно непосредственно следующего. Инструкция в бланке предписывала выполнять задание строго по порядку, возвращаться к уже написанному определению и исправлять его не разрешалось. Перед началом эксперимента это требование дублировалось устно экспериментатором с просьбой внимательно прочесть инструкцию и строго ее придерживаться.

Анализ результатов

Материалом анализа стали 818 определений (количество указано без учета нулевых определений (пропусков), которые, однако, отражены в таблице). Первичный анализ всех данных Ии. определений наталкивает на мысль, что только формальное рассмотрение определений не даст достаточных оснований для конструктивных выводов. Например, определения *речь – Способность человека выражать свои мысли и речь – Устная форма выражения своих мыслей* формально почти идентичны, однако первое является, скорее, определением языка, а не речи.

Анализ полученного материала не должен основываться на формальной идентичности определений. Например, в анализируемой выше статье Т. В. Романовой определения «Мертвый язык – язык, который не выполняет коммуникативной функции» и «Грамматическое значение – значение слова, которое дополняет лексическое...» [2015. С. 27–32] при всей их формальной схожести считаются различными, но при этом не объясняется, почему. Подобных нестыковок мы старались избежать.

Содержательно все определения нашего эксперимента были разбиты на несколько групп: верные, но неполные определения, редукционные определения, рекурсивные определения, квазиопределения, псевдоопределения. Основанием для такого распределения послужило «направление» редукции понятия, т. е. то, к чему сводится его содержание, за исключением верных определений, которые не редуцируют понятие, а объясняют его. Редукцией мы называем тот отдельный аспект понятия, к которому сводится все его определение. Таким образом, определения, названные редукционными, редуцируют содержание термина к составным частям понятия, рекурсивные определения – обратно к самому понятию, квазиопределения – к функциям понятия или отраженного в нем явления, псевдоопределения – к другому (сопоставимому по объему или более широкому) понятию либо классу таковых.

Проиллюстрируем эту классификацию примерами. Ни одно из определений, названных верными, нельзя считать стопроцентно точным и исчерпывающим, так что верными они названы как в наибольшей степени соотносящиеся со словарными, потому и обозначены как верные, но неполные. Группы остальных определений являются, по существу, неверными, но их неправильность различна. Псевдоопределениями названы такие, которые отсылают к иному явлению или целому ряду явлений. Например, *буква – Составляющая слова*, что может относиться и к морфеме, и к слогу (ср. также приведенные ранее определения *речи*). Квазиопределения – это такие, которые, условно говоря, отвечают не на вопрос «что это?», а на вопрос «что оно делает?» или другой; в целом такие определения называют не само явление, а его функциональную специфику или некоторую ситуацию, которая за ним скрывается. Примером может быть следующее: *падеж – Помогает склонять слова*. Рекурсивные определения, как очевидно, – такие, которые представляют явление самоподобным образом, не развивая его содержания, например: *билингвизм – Двужычие; предикат – Глагол*. В эту же группу вошли все отсылочные определения типа «это то, что...». Наконец, редукционные определения – такие, которые сводят явление к его составляющим и характеризуют эти последние, например: *слово – Совокупность букв со смыслом*. Все содержание понятия здесь сведено только к формальному признаку при отсутствии указания на значение слова. Отсут-

ствующие определения или прочерки в бланках будем далее называть нулевыми определениями.

Отметим, что содержательное соответствие определений словарным проверялось по словарю [Языкознание..., 1998].

Названные группы определений приведены в таблице:

Термин	Определения						Всего
	нулевые	верные	псевдо- определения	квази- определения	рекурсивные	редукционные	
Первокурсники							
Речь	1	6	22	1	7	6	42
Билингвизм	6	21	8	4	2	2	37
Падеж	6	7	2	1	7	20	37
Слово	0	20	2	2	3	6	43
Диалект	0	24	18	1	0	0	43
Высказывание	0	29	10	2	2	0	43
Рема	32	2	3	0	5	0	11
Язык	5	23	11	0	4	0	38
Лексикон	6	36	1	0	0	0	37
Буква	0	15	23	0	5	0	43
Предикат	27	1	6	0	9	0	16
Текст	0	31	10	2	0	0	43
Старшекурсники							
Речь	0	24	7	1	1	1	34
Билингвизм	0	18	9	1	6	0	34
Падеж	3	13	5	2	0	11	31
Слово	0	23	6	1	2	1	34
Диалект	1	25	7	1	1	0	33
Высказывание	1	13	19	0	1	0	33
Рема	6	17	10	0	1	0	28
Язык	2	21	9	1	0	1	32
Лексикон	1	30	3	0	0	0	33
Буква	1	24	8	0	1	0	33
Предикат	6	9	10	1	8	0	28
Текст	1	20	12	1	0	0	33

Прежде подробного анализа данных эксперимента следует сделать два замечания. Во-первых, среди ответов первокурсников встретилось определение понятия *слово*, которое невозможно однозначно отнести к какой-то группе (*Оно не воробей; коммуникативная частица языка для обозначения как физических предметов / явлений, так и абстрактных*). Первая часть этого определения не позволяет отнести его ни к верным, ни к квазиопределениям (или, наоборот, подталкивает к тому, чтобы отнести его и к тем, и к другим), поэтому оно не отражено в таблице. Во-вторых, на термин *рема* был получен уникальный, неверный, но показывающий ход рассуждений испытуемого, ответ: *Это понятие связано с точными науками, например, есть теорема Пифагора, и рема это обратное от теоремы*. Это определение также не отражено в таблице, к нему близко определение *Доказательство* из группы рекурсивных.

Таблица явно демонстрирует снижение числа нулевых определений и увеличение числа верных от первокурсников к старшекурсникам (особенно это видно на терминах, которые не изучаются в школе). Ценным представляется остановиться подробно и на тех особенностях, которые не могут быть отражены количественно в таблицах.

Так, на термин *речь* большая часть определений первокурсников относится, скорее, не к речи, а к языку, например: *Способность человека общаться в обществе; Коммуникативные способности*. В то время как у старшекурсников наряду с той же тенденцией, но в меньшей степени проявляющейся, есть определения, относящиеся лишь к устной речи: *Использование языкового материала в устной форме*. К тому же среди определений старшекурсников много таких, которые формально совпадают со словарными и встречающимися в научной литературе: *Язык, воплощенный в жизнь* (3); *Реализация языка; Воплощение языка в реальной жизни*. Эта тенденция наталкивает на мысль, что у старшекурсников в большей мере, чем у первокурсников, значение данного слова связано в сознании с элементами (значениями других слов или их компонентами), относящимися к научному знанию.

На термин *билингвизм* дано немало определений с пояснением или описанием в обеих группах Ии., например: *Владение двумя языками, как родны́х т.е. чел-к имеет 2 родных языка* (1 курс); *Языковое явление, при котором человек в равной степени владеет двумя языками. Например, когда каждый из родителей является представителем отдельной нации* (5 курс). Такие примеры, как можно полагать, показывают ощущаемую Ии. необходимость в пояснении для самих себя собственной мысли: задания пояснить определение или привести примеры не было, но Ии. не понимают достаточно четко, какое явление стоит за термином, поэтому и добавляют пояснение или описание. В поддержку этого предположения можно привести следующие определения, данные первокурсниками: *Активное использование двух языков; Владение двумя языками на уровне родного языка; Способность говорить с рождения на двух языках; Изучение нескольких языков*. Все четыре определения относятся к разным видам билингвизма или разным ракурсам его рассмотрения (соответственно примерам: как речевое явление, как языковое явление, естественный, искусственный) [Залевская, 2009].

В определениях термина *надеж* наряду с увеличением количества верных определений изменяется характер псевдоопределений: в отличие от первокурсников, два псевдоопределения которых генерализовали понятие (*Это одна из основ любого языка*), псевдоопределения старшекурсников имеют иной характер, обусловленный, как можно полагать, разнообразием связей элементов научной картины мира в их сознании: *Управление; Способ осуществления согласования слов*.

Определения термина *слово* своеобразны. Во-первых, здесь также немало определений с описанием (чаще всего с причастным или деепричастным оборотом). Во-вторых, с определением данного термина в той или иной степени справились очень многие Ии., хотя сам термин является одним из сложнейших в языкознании (ср., например, различные подходы к характеристике слов в изолирующих и флективных языках, к характеристике артиклей и частиц и т. д. [Солнцев, 1995. С. 129–131]). Возможно, это объясняется тем, что данное понятие кажется ясным каждому носителю языка на обыденном уровне, и эту ясность он переносит в определение научного термина.

Практически та же ситуация с термином *диалект*: многие Ии. справились с задачей его определения, хотя само понятие в языкознании весьма условное. Определения *Наречие; Различные говоры одного языка* являются показательными примерами такой экспликации содержания понятия, которая с точки зрения обыденного сознания, конечно, верна, но неудовлетворительна с терминологических, научных позиций. По сути своей такие определения являются рекурсивными, потому что в них необходимо еще уточнить, что такое наречие или говор.

Обозначенная тенденция сохраняется и в определениях термина *высказывание*. Среди формально верных определений множество таких, которые тяготеют к повседневной, обыденной форме выражения содержания понятий: *Изречение; Фраза человека, который чего-то достиг в жизни*. Кроме того, все их можно разделить на отражающие продукт и процесс говорения (именно первые являются подобием обыденного объяснения содержания понятия). Интересно, что в отличие от Ии. 1 курса у студентов старших курсов меньше верных определений, зато большинство определений (как верных, так и неверных) тяготеют к науч-

ной форме, например: *Любая интонационно оформленная синтаксическая единица, содержащая сообщение, фраза.*

Так как с понятием *рема* учащийся сталкивается только в университете, среди определений первокурсников, как и ожидалось, масса неверных или нулевых. Помимо количества верных и неверных, определения данного понятия не выявляют каких-либо существенных различий.

Как и с предыдущим, с термином *язык* не связано каких-то особенностей, не отраженных в таблице, за исключением, пожалуй, того, что у Ии. 1 курса некоторые псевдоопределения апеллируют к органу тела. Можно также отметить, что верные определения являются по большей части совпадающими с определениями из учебника: *Система знаков и символов, объединенная общим сводом правил и созданная для коммуникации.* Определений, касающихся именно системы знаков, а не способности человека, значительно больше у Ии. старших курсов.

Та же картина в определениях термина *лексикон*, не имеющих других особенностей, кроме различного числа верных определений в двух группах Ии., хотя некоторые из определений относятся не к носителю языка, а к самому языку: *Запас словарный языка.*

Интересны определения термина *буква*. В используемом нами словаре определения собственно этого термина не оказалось вовсе, поскольку в современном языкознании букве соответствует термин «графема», которым обозначается также, например, и иероглиф, но для рядового носителя языка это вещи разные. Букву можно определить как графическую модель фонемы или, например для мягкого знака, существенной характеристики фонемы [Поливанов, 1991. С. 347; Эльконин, 1989. С. 388–391], и такому определению соответствуют лишь два из всех определений наших Ии.: *Письменное выражение фонемы* (4 курс); *Наименьшая единица речи, в фонетическом аспекте она называется фонемой* (1 курс). Остальные, даже верные, определения восходят к обыденному пониманию рассматриваемого понятия: *Часть алфавита; Единица, знак, обозначающий звук; Это звук, оформленный на письмо.*

Предполагалось, что термин *предикат* будет иметь значительно больше верных определений у старшекурсников, что в целом подтвердилось. Обращает на себя внимание и большее число рекурсивных определений, чаще всего типа *предикат – Глагол; То, что утверждает о субъекте.*

Определения термина *текст* в общем похожи на определения термина *лексикон*: большинство из них верны, но относятся к обыденной картине мира (*Набор предложений, вкупе составляющих определенную тему*), к тому, что принято понимать под текстом в обыденной ситуации без отражения научного взгляда на его характеристики. Однако определения старшекурсников, даже неверные, тяготеют к научным: *Это семантическое единство, которое характеризуется связанностью, когерентностью; Сложная система связанных предложений синтаксическими, грамматическими, стилистическими связями.*

Некоторые выводы

Напомним, что в основе описанного эксперимента лежала следующая гипотеза: в языковом сознании носителей русского языка, ближе знакомых с теоретическими основами языкознания (старшекурсников), значения терминов этой науки относятся в большей степени к научной картине мира, чем к обыденной. У мало знакомых с языкознанием студентов-филологов, наоборот, значения лингвистических терминов относятся по большей части к обыденной, а не к научной картине мира.

В целом эта гипотеза подтверждается: как видно из приведенной таблицы, у старшекурсников верные определения преобладают над неверными во всех случаях, кроме термина *предикат*. У первокурсников же такое преобладание наблюдается только в пяти случаях из двенадцати, а верные и неверные определения трех терминов разделились примерно поровну. Из этого количественного соотношения следует однозначный вывод о более значительной отнесенности значений слов – терминов языкознания к научной картине мира именно у старшекурсников. Однако более детальный содержательный анализ определений позволяет внести некоторые дополнения, сглаживающие категоричность такого вывода.

С обогащением и дифференциацией научных знаний происходят не только количественные, но и качественные изменения. У наших испытуемых наблюдается увеличение верных определений, а также изменение способа выражения содержания известных им понятий. «Акт познания мира есть вместе с тем и введение в действие новых детерминант нашего поведения» [Рубинштейн, 2012. С. 222]. В соответствии с этим положением С. Л. Рубинштейна **акты познания слова как термина изменяют отношение индивида к этим словам; расширяющиеся знания, лежащие за словами, расширяют их значения и сферу их употребления, открывая путь новому познанию мира.** По мере того как слово включается в новые системы связей, а его значение «обрастает» новыми элементами, оно (слово) начинает обладать иными качествами и характеристиками для субъекта, а значит, фиксирует и выражает иное отношение к явлениям действительности, соответствующим знаниям и способам оперирования с ними.

Значения слов-терминов не претерпевают однозначного, «мгновенного» перехода от обыденной картины мира к научной (профессиональной), что подтверждают результаты предыдущего эксперимента. Не наблюдается также и полного, логического, рационального осмысления значения термина, это подтверждается большим числом псевдоопределений и исправлений в бланках. Даже в общем-то верные определения не лишены начисто обыденного компонента, который проявляется как содержательно, так и формально. Интересно также, что нет ни одной анкеты, в которой все без исключения определения тяготеют бы к научной форме (а за такой формой лежит способ познания и осмысления мира).

В связи с этим мы сталкиваемся с важной проблемой, обусловленной формулировкой задания в бланке. В нашем эксперименте задание было сформулировано следующим образом: «Объясните, пожалуйста, что значат следующие слова». Можно предположить, что изменение формулировки задания повлечет за собой и изменение способа экспликации содержания понятия, прояснение этого вопроса было бы довольно перспективным.

Результаты нашего исследования приводят к выводу, что **способ формулирования знания зависит не только от его содержания, но в значительной степени и от предполагаемой ситуации его использования.** «Ненаучность» многих определений, данных первокурсниками, означает не то, что им данные термины неизвестны, а то, что типичной ситуацией использования соответствующих слов является ситуация повседневного общения, «застывшая», кристаллизованная в значении слова. Значение слова есть, прежде всего, значение предметное, поэтому для пользователя языка важно не только то, что скрывается «внутри» слова и вскрывается рефлексией над словом, но также и то, зачем, с какой целью, в какой функции и в какой ситуации оно, это слово, используется. Следовательно, **научная и обыденная картины мира не существуют в сознании индивида в отдельности**, но всякий раз вместе (хотя и не в равной степени) используются для решения конкретной когнитивной и коммуникативной задачи. А отсюда, в свою очередь, следует, что отнесение некоторых слов, их значений и соответствующих им знаний только к научной или только к обыденной картине мира весьма условно. Даже знание, лежащее за научным термином, не является выхолощенным чисто теоретическим значением, но, как и знания, лежащие за любым другим словом, является личностным смыслом, «значением-для-меня» [Леонтьев, 2001. С. 103–104]. Уместно здесь вспомнить еще две важные мысли А. Н. Леонтьева. Первая: овладеть значением – значит овладеть процессом, операцией, «операция зависит от того процесса в целом, в который она включена, который она осуществляет, а этот процесс есть жизнь» [Леонтьев, 1994. С. 45]; и вторая: «...Природа значения не только не в теле знака, но и не в формальных знаковых операциях, не в операциях значения. Она – *во всей совокупности человеческой практики...*» [Леонтьев, 1983. С. 261]. С позиций психолингвиста значение термина, как и любого слова, **отражает** жизнь индивида, с позиций же самого индивида значение термина **реализует** его жизнь в акте использования этого слова.

Научная (профессиональная) и обыденная картины мира являются, таким образом, не рядоположенными явлениями, а двумя аспектами одного и того же явления – сознания человека, объединенными связями **взаимного дополнения**, а не взаимоисключения. Это положение требует не однозначного противопоставления научной и обыденной картин мира, но их разграничения по их функции, способу организации и регулирования деятельности человека. Два рассматриваемых понятия отражают функциональные, не неизменные во времени

и «пространстве» явления, поэтому одно слово может относиться и к научной (профессиональной), и к обыденной картине мира в зависимости от его места и роли в системе деятельности и в сознании человека.

Следует, как представляется, рассматривать отношения научной (профессиональной) и обыденной картины мира не как однозначную оппозицию (дихотомию «либо... либо...»), а как биполярную структуру («и то, и это» или «больше то, чем это»), каждый элемент которой является частью **континуума**, испытывая (хотя иногда лишь в потенции) в той или иной степени влияние обоих полюсов. Так, из рассмотренных нами терминов, по-видимому, термин *рема* находится ближе всего к «научному» полюсу этого континуума, а термин *высказывание* дальше всех от него. В первом из них научная картина мира как компонент значения слова существеннее, чем во втором, т. е. в значении первого слова кристаллизуется почти только опыт его терминологического, научного использования, тогда как в значении второго существен также и опыт обыденного его использования.

Есть все основания полагать (и наши данные частично подтверждают это), что если значение слова-термина, знание человека, стоящее за термином, встроено в более дифференцированную и более прочную систему научных знаний того же человека, то оно в большей степени тяготеет к научной форме выражения, не отрываясь все же окончательно от обыденного знания. Научная картина мира, рассматриваемая как компонент значений слов, не только отражает научное знание, которое в этих значениях кристаллизовано, но и влияет на способ выражения этого знания.

Список литературы

- Денисенко В. Н. Семантическое поле «изменение» в русской языковой картине мира: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 337 с.
- Ефремов В. А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «‘мужчина’ – ‘женщина’»: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 406 с.
- Залевская А. А. Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 10–17.
- Замалетдинов Р. Р. Национально-языковая картина татарского мира: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2004. 499 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
- Кравцов С. М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека»): Дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д., 2008. 391 с.
- Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. 320 с.
- Леонтьев А. Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 288 с.
- Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
- Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2011. 421 с.
- Пименова М. В. Концепты внутреннего мира: русско-английские соответствия: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 497 с.
- Поливанов Е. Д. Избранные работы: Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука, 1991. 624 с.
- Раемгужина З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира: аспекты формирования и особенности функционирования: Дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009. 400 с.
- Романова Т. В. Терминосистема лингвистики как формат знания (по данным лингвокогнитивного эксперимента) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2. С. 25–33.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
- Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Вост. лит., 1995. 352 с.

Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Яковлев А. А. Терминологическая репрезентация научной картины мира в языковом сознании студента // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 62–68.

Материал поступил в редколлегию 18.12.2017

Andrey A. Yakovlev

*Siberian Federal University
79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation*

mr.koloboque@rambler.ru

TERMS MEANINGS AS THE REFLECTIONS OF THE SCIENTIFIC AND EVERYDAY WORLDVIEWS IN THE STUDENT'S MIND

The paper discusses the results of the comparative experiment with two groups of participants – the first-year and fourth-year language students. The participants were asked to give the definitions to some linguistic terms in order to reveal the influence of the scientific and everyday worldviews on the terms meaning in the students mind. Twelve terms were selected for the experiment, some of which are largely used in everyday language, others were learnt at secondary or high school or discovered only in University course books. The analysis of the experimental data allows us to consider the everyday and scientific worldviews as components of the words' semantics and to study them from the language consciousness perspective. The conclusion was made that the everyday and scientific worldviews don't exist in the consciousness separately from each other, they go together and influence each other in different ways in a variety of situations. The analysis of the collected definitions shows that the knowledge behind the terms changes in its quantity and quality, but it doesn't move instantly from the everyday to the scientific worldview.

Keywords: scientific worldview, everyday worldview, language consciousness, terms meanings, student.

References

Denisenko V. N. Semanticheskoe pole «izmenenie» v russkoy yazykovoy kartine mira [Semantic field «changing» in Russian language worldview]. Thesis ... Doctor of Linguistics. Moscow, 2005, 337 p. (In Russ.)

Efremov V. A. Dinamika russkoy yazykovoy kartiny mira: verbalizatsiya kontseptual'nogo prostranstva «‘muzhchina’ – ‘zhenshhina’» [Dynamics of the Russian language worldview: verbalization of the conceptual space ‘man – woman’]. Thesis ... Doctor of Linguistics. St. Petersburg, 2010, 406 p. (In Russ.)

Elkonin D. B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]. Moscow, Pedagogika, 1989, 560 p. (In Russ.)

Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language scircle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 2002, 477 p. (In Russ.)

Kornilov O. A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov [Language worldviews as derivatives of national mentalities]. 2nd ed. Moscow, CHeRo, 2003, 349 p. (In Russ.)

Kravtsov S. M. Kartina mira v russkoy i frantsuzskoy frazeologii (na primere kontsepta «Povedenie cheloveka») [Worldview of Russian and French phraseology (on the material of the

concept «human behavior») thesis ... doctor of linguistic]. Thesis ... Doctor of Linguistics. Rostov n/D., 2008, 391 p. (In Russ.)

Leont'ev A. N. *Filosofiya psikhologii: iz nauchnogo naslediya* [Philosophy of the psychology: from the scientific heritage]. Eds. A. A. Leontiev, D. A. Leontiev. Moscow, Moscow State University Press, 1994, 288 p. (In Russ.)

Leontiev A. N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works]. In 2 vols. Moscow, Pedagogika, 1983, vol. 2, 320 p. (In Russ.)

Leontiev A. N. *Lektsii po obshhey psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow, Smysl, 2001, 511 p. (In Russ.)

Maslova Zh. N. *Poeticheskaya kartina mira i eyo reprezentatsiya v yazyke* [Poetic worldview and its language representation]. Thesis ... Doctor of Linguistics. Tambov, 2011, 421 p. (In Russ.)

Pimenova M. V. *Kontsepty vnutrennego mira: Russko-angliyskie sootvetstviya* [Concepts of the innerworld: Russian-English correspondences]. Thesis ... Doctor of Linguistics. St. Petersburg, 2001, 497 p. (In Russ.)

Polivanov E. D. *Izbrannye raboty: Trudy po vostochnomu yazykoznaniiyu* [Selected works: studies on eastern linguistics]. Moscow, Nauka, 1991, 624 p. (In Russ.)

Raemguzhina Z. M. *Yazykovaya kartina mira v bashkirskoy frazeologii* [Language worldview in the Bashkir phraseology]. Thesis ... Doctor of Linguistics. Ufa, 2000, 137 p. (In Russ.)

Romanova T. V. *Terminosistema lingvistiki kak format znaniya (po dannym lingvokognitivnogo eksperimenta)* [Term system of the linguistics as fommat of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of Cognitive Linguistics], 2015, no. 2, p. 25–33. (In Russ.)

Rubinshtein S. L. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. St. Petersburg, Piter, 2012, 288 p. (In Russ.)

Solntsev V. M. *Vvedenie v teoriyu izoliruyushhih yazykov* [Introduction in theory of isolating languages]. Moscow, Vostochnaya literature, 1995, 352 p. (In Russ.)

Uryson E. V. *Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira: analogiya v semantike* [Problems of studying of the language worldview: Analogy in semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003, 224 p. (In Russ.)

Yakovlev A. A. *Terminologicheskaya reprezentatsiya nauchnoy kartiny mira v yazykovom soznanii studenta* [Scientific worldview through the linguistic terms in the student's mental lexicon]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of Cognitive Linguistics], 2016, no. 3, p. 62–68. (In Russ.)

Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistics. Large encyclopedic dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998, 685 p. (In Russ.)

Zalevskaya A. A. *Voprosy psikholingvisticheskoy teorii dvuyazychiya* [Questions of the theory of bilingualism]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2009, no. 10, p. 10–17. (In Russ.)

Zamaletdinov R. R. *Natsional'no-yazykovaya kartina tatarskogo mira* [National-language language worldview of Tatars]. Thesis ... Doctor of Linguistics. Kazan, 2004, 499 p. (In Russ.)

For citation:

Yakovlev A. A. Terms Meanings as the Reflections of the Scientific and Everyday Worldviews in the Student's Mind. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, p. 30–40. (In Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-1-30-40

А. Д. Палкин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия*

p-alexis@yandex.ru

ОБРАЗ ВЕЧНОСТИ В РУССКОЙ И ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

На основе ассоциативных экспериментов прослеживается отношение к вечности в русской и японской лингвокультурах. Рассматривается мировидение русских начала 1990-х гг., а также русских и японцев начала XXI в. Делается вывод о том, что русских и японцев объединяют общечеловеческие ценности, хотя в силу культурных различий прослеживаются национально-специфические особенности образа времени в языковом сознании носителей русского и японского языков. Различия в отношении к вечности наблюдаются и при сопоставлении ассоциативных реакций, фигурирующих в двух русских выборках, что свидетельствует о влиянии социально-экономического фактора на мировидение человека как представителя некоторой лингвокультуры. Имеющийся экспериментальный материал показывает, что для русских образ вечности связан с астрономией, тогда как японцы чаще обращаются к философским категориям.

Ключевые слова: вечность, русские, японцы, лингвокультура, языковое сознание, образ.

Ассоциативные эксперименты являются благодатной почвой для исследования языкового сознания. Они позволяют выявлять слова, которые стоят рядом в ассоциативном тезаурусе респондентов. Тем самым исследователь получает доступ к паттернам сознания, которые далеко не всегда осознаются самими испытуемыми.

Среди многочисленных образов сознания, достойных внимания, мы выбрали образ «вечность», который отражает отношение испытуемых к феномену бесконечности времени. В наш век скоростей фактор времени крайне важен, так как в ситуации, когда производительность труда становится первостепенным показателем прогресса, умение людей грамотно распоряжаться своим временем напрямую коррелирует с темпами экономического роста. Рассмотрение фактора времени интересно и с точки зрения оценки психологического состояния испытуемых, поскольку ассоциативные реакции на такие знаковые стимулы оказываются достаточно информативными.

Категория времени является достаточно актуальной для самого широкого спектра наук. Современное понимание времени синтетично: «оно объединяет представления, сложившиеся в разных областях естественнонаучного и гуманитарного знания, основывающиеся на достижениях теоретической и экспериментальной физики. В настоящее время в науке активно развиваются противоположные тенденции: процесс дифференциации знания и процесс интеграции достижений разных дисциплин. Следствием первой тенденции явилось образование таких наук о времени, как хронобиология, хрономедицина, хроноэкология, хронемика (семиотика времени – раздел, изучающий темпоральное измерение поведения и существования человека) и др. В результате действия тенденции к интеграции наук возникли синергетика, когнитивистика, биофизика, геофизика и другие отрасли знания, в рамках которых изучается и категория времени» [Дарбанова, 2010. С. 53].

Палкин А. Д. Образ вечности в русской и японской лингвокультурах // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 41–48.

Время – универсальная категория. Это означает, что познание всех явлений окружающего мира невозможно в отрыве от времени. Наше внимание обращено к восприятию времени в наивном языковом сознании, которое существенным образом отличается от научного языкового сознания. В наивном языковом сознании образ времени моделирует описываемую говорящим действительность, задает отношения в рамках того «жизненного контекста», в который они включены. В частности, «с помощью показателей времени одни и те же реалии могут включаться в различные отношения, интерпретироваться по-разному, т. е. соотноситься с разными формами бытия: “вечное”, “преходящее”, “обыденное”, “надбытовое” и пр.» [Яковлева, 1994. С. 14].

Как отмечает О. В. Сахарова, «модели времени в истории цивилизации были различными. Среди древних интерпретаций известны две: линейное восприятие времени, текущего от прошедшего к будущему, и циклическое круговое восприятие. Так, древнеегипетское и китайское описание – это циклическая последовательность эпох; символ времени древней Индии – колесо, бесконечная цепь из “настоящего – будущего – прошедшего”. Соответственно будущее представляется либо как неизвестная пока фаза бытия, либо как циклическое образование, предопределяющее дальнейшие события» [2011. С. 124].

Что касается проведенного нами исследования, то нашему рассмотрению подлежат три выборки: русских начала 1990-х гг., русских начала XXI в. и японцев начала XXI в. Материал по первой выборке взят из «Русского ассоциативного словаря» (2002), данные для которого собирались с конца 1980-х до середины 1990-х гг., т. е. речь идет о постперестроечном периоде развития России. Испытуемыми были студенты различных российских вузов. На стимул «вечность» было получено 103 реакции, при этом количество мужчин и женщин среди респондентов было примерно одинаковым. Материал по второй выборке собирался автором статьи в 2006 г. в московских и подмосковных вузах. В анкетировании приняли участие 140 респондентов, при этом количество мужчин и женщин было одинаковым – по 70 человек. Материал по третьей выборке собирался автором статьи в 2001–2002 гг. в Осацком университете среди студентов – носителей японского языка. В анкетировании также приняли участие 140 респондентов (70 мужчин и 70 женщин).

Мы исходим из того, что 15-летний промежуток между двумя сериями экспериментов, проведенных в России, является значимым, так как в России за указанный период произошли существенные изменения как эволюционного, так и революционного характера. Россия постперестроечного периода существенно отличается от современной России. В связи с этим имеются все основания ожидать заметное изменение языкового сознания носителей русского языка. Ситуация в Японии последние десятилетия характеризуется относительной стабильностью (конец «японского экономического чуда» и начало некоторого застоя), поэтому представляется целесообразным сопоставление двух русских выборок и одной японской.

Лингвокультурологический анализ всех трех выборок осуществляется по следующему принципу: не ограничиваясь описанием ассоциативных полей, мы разбиваем их на смысловые компоненты, после чего проводим анализ каждого отдельно взятого компонента и подводим итоги. За основу выделения смысловых компонентов взята схема, предложенная в коллективной монографии «Ментальность россиян» [1997, с. 268–277]. Несколько перефразировав фигурирующие в упомянутой монографии термины, выделим четыре смысловых компонента ассоциативных полей: логико-понятийный (знания, основанные на понятийной обработке чувственных данных), телесно-перцептивный (знания, опирающиеся непосредственно на представления о чувственно-телесной реальности), ценностно-смысловой (знания, связанные с духовными идеалами) и эмоционально-аффективный (знания, возникшие на основе субъективных переживаний). Все реакции, набравшие в каждой выборке не менее 1,25 % (т. е. не менее 1,5 % в округленном значении), вошли в сводную таблицу реакций. Все вошедшие в таблицу реакции (или – при необходимости – группы реакций, выделенные по принципу семантической близости) пронумерованы. Эти цифры получают расшифровку в приводимой после таблицы легенде. Для каждого компонента и для каждой выборки в конце каждой строки таблицы в скобках приводится суммарный удельный вес всех членов данной строки.

Итак, рассмотрим стимул «вечность» и его японский эквивалент *eien*.

Слово «вечность» в Толковом словаре русского языка [Ожегов, Шведова, 1999] эксплицируется как 1) бесконечность; 2) бессмертие; 3) очень долгое время; 4) время, которое никогда не кончается. Слово *eien* в Большом толковом словаре японского языка [Daijirin, 1995] трактуется следующим образом: 1) продолжение некоторого состояния, не имеющего окончания; 2) нечто неизменное, превосходящее время; 3) в философии: а) подобно непреложной истине, ее вневременное значение и достоверность; б) подобно богу и идеалу, сущность, бытующая вне времени. С точки зрения лексикографии мы наблюдаем близость двух данных семантем, если не считать философское толкование вечности японцами, которые воспринимают себя частью вечности в том смысле, что являются звеньями в бесконечной цепи своих многочисленных предков и потомков.

Сразу следует заметить, что все ассоциативные поля, кроме второго русского, отличаются низкой солидарностью респондентов. Обилие единичных реакций приводит к тому, что первая по частотности реакция не набирает и 10 %. В японской выборке это реакция «любовь» (в совокупности 9 %), в первой русской – «долго» (всего 5 %). И только во второй русской выборке самая частотная реакция превышает 10 % – «бесконечность» (12,5 %). Русским постперестроечного периода, по всей видимости, совсем не до размышлений о природе вечного: ядро соответствующего ассоциативного поля имеет необычно низкий удельный вес. В отличие от японской выборки реакция «любовь» среди повторяющихся отсутствует, а на первый план выходит образ бесконечности (в совокупности 7 %), что перекликается с аналогичным образом во второй русской выборке (в совокупности 13,5 %), в которой на далекой периферии фигурирует и реакция «любовь» (1,5 %).

Вполне логично, что все ассоциативные поля объединены реакцией «время»: 6,5 % в японской выборке, 3 % в первой русской выборке и 8,5 % во второй русской выборке. Таким образом, в языковом сознании представителей обеих лингвокультур *вечность* ожидаемо воспринимается как бесконечность времени. Объединяет все три выборки и образ жизни (5 % в японской выборке, 6 % в первой русской выборке и 5,5 % во второй русской выборке). Носители как русской, так и японской лингвокультуры воспринимают вечность как освященную живой материей. Здесь прослеживается вера в бесконечность жизни, в первую очередь в бесконечность разумной жизни.

Реалисты из числа русских респондентов, которые предпочитают избегать эмоциональных оценок, указывают на вечность Вселенной. Данный образ набирает 6 % в первой русской выборке и 2 % – во второй. К этой же категории относится реакция «космос» (2 % в первой русской выборке и 5,5 % во второй). С точки зрения процентных показателей сумма этих реакций в каждой русской выборке приводит к равновесию между двумя выборками по части восприятия вечного космического пространства, хотя прямое указание на связь времени и пространства в ассоциативных реакциях отсутствует.

Любопытны японские реакции «невозможно» и «нет» (по 3 %). Здесь актуализируется вторая семема японского стимула *eien* – «постоянство». 6 % японских респондентов, таким образом, отрицают не время, а возможность постоянства. Скептический настрой сквозит и в реакции «не видно» (1,5 %). Здесь подчеркивается нематериальность вечности. Действительно, «ничто не вечно под луной».

Антонимом вечности является «мгновение». Антонимизация – популярная стратегия ассоциирования, но в данном случае к ней прибегли только японцы (5,5 %). В целом, японцы заметно чаще русских прибегали к стратегии антонимизации. Присутствуют в японской выборке и указания на философские размышления: «небытие» (2 %), «смерть» (4,5 %), «бессмертие» (1,5 %). В этих вопросах русские респонденты проявляют единодушие с японцами: в первой русской выборке «бессмертие» набирает 2 %, во второй – 3,5 %. Здесь же следует упомянуть реакции «уйти» и «уход» (по 1 %) из первой русской выборки, которые отсылают к образу смерти («уйти в вечность»).

Образ вечности логично перекликается с наречием «всегда». Так считают 4,5 % японцев и 1,5 % русских из второй выборки (+2 % реакции «навсегда»). Эта вполне ожидаемая реакция оказалась непопулярной среди русских постперестроечного периода, зато они предложили парадоксальное «впереди» с внушительным для данной выборки показателем 4 %. Алогичность такого выбора (вечность занимает всю временную ось, а не только план будущего) еще раз подчеркивает смятение умов, характерное для начала 1990-х гг.

Разбиение ассоциативных полей «вечность» и *eien*
по смысловым компонентам

	Логико-понятийный компонент
Я	2; 3; 4; 6; 8; 9; 10; 12; 15 (31,5 %)
P1	1; 2; 4; 6; 10; 12; 13; 14 (29 %)
P2	1; 2; 4; 6; 7; 8; 9; 12; 13; 14; 15 (42,5 %)

	Телесно-перцептивный компонент
Я	13; 16; 17 (4,5 %)
P1	5; 7; 15 (9 %)
P2	

	Ценностно-смысловой компонент
Я	5; 7; 11 (11 %)
P1	3; 9 (8 %)
P2	3; 5; 10; 16; 17; 18 (15,5 %)

	Эмоционально-аффективный компонент
Я	1; 14; 18 (12 %)
P1	8; 11 (5 %)
P2	11 (1,5 %)

Легенда

Я (реакции японцев)	P1 (реакции русских из РАС)	P2 (реакции русских 2006 г.)
1: 愛 + 恋 / любовь (8,5 + 0,5 = 9 %)	1: бесконечность + бесконечна + + безгранична + беспредельная (3 + 2 + 1 + 1 = 7 %)	1: бесконечность + бесконечна + + бескрайний (12,5 + 0,5 + 0,5 = 13,5 %)
2: 時間 + 時 / время (4,5 + 2 = 6,5 %)	2: вселенная + вселенной (4 + 2 = 6 %)	2: время (8,5 %)
3: ありえない / невозможно + + ない / нет (3 + 3 = 6 %)	3: жизнь + жизни + жить (3 + 2 + 1 = 6 %)	3: жизнь (5,5 %)
4: 一瞬 / мгновение (5,5 %)	4: долго (5 %)	4: космос (5,5 %)
5: 一生 / вся жизнь + 命 / жизнь + + 生きる / жить + 人生 / жизнь (1,5 + 1,5 + 1,5 + 0,5 = 5 %)	5: впереди (4 %)	5: бессмертие + бессмертие души (3,5 + 0,5 = 4 %)
6: ずっと / всегда (4,5 %)	6: время + времени (2 + 1 = 3 %)	6: навсегда + всегда (2 + 1,5 = 3,5 %)
7: 死 / смерть (4,5 %)	7: далекая + далеко + даль (1 + 1 + 1 = 3 %)	7: вселенная (2 %)
8: 永遠に + とわに / вечно (1,5 + 0,5 = 2 %)	8: целая (3 %)	8: ожидание (2 %)
9: 長い / долгая (2 %)	9: бессмертие (2 %)	9: век (1,5 %)
10: 無 / небытие (2 %)	10: звезды (2 %)	10: душа (1,5 %)
11: 不滅 / бессмертие (1,5 %)	11: кануть (2 %)	11: любви (1,5 %)
12: 無限 / бесконечность (1,5 %)	12: космос (2 %)	12: мир (1,5 %)
13: 光 / свет (1,5 %)	13: пустота (2 %)	13: млечный путь (1,5 %)
14: 友情 / дружба (1,5 %)	14: туманная (2 %)	14: небо (1,5 %)
15: 歌 / песня (1,5 %)	15: уйти + уход (1 + 1 = 2 %)	15: путь (1,5 %)
16: 水色 / голубой цвет (1,5 %)		16: рай (1,5 %)
17: 見えない / не видно (1,5 %)		17: свобода (1,5 %)
18: ゴスペラーズ / Госупэрадзе (1,5 %)		18: существует (1,5 %)

Говоря о маркерах времени, отметим реакции «долгая» (2 %) из японской выборки, «долго» (5 %) из первой русской выборки и «век» (1,5 %) из второй русской выборки. Вне зависимости от культурной принадлежности и эпохи испытуемые воспринимают вечность как

нечто протяженное во времени. Даже «век» – конечная категория – в силу своей большой протяженности ассоциируется с вечностью.

Перейдем к рассмотрению смысловых компонентов соответствующих ассоциативных полей. Начнем с эмоционально-аффективного компонента как наиболее показательного. Здесь мы видим, что по удельному весу реакции из японской выборки значимо превосходят реакции из русских выборок. Это преобладание обеспечивается прежде всего реакцией «любовь», которая является самой частотной во всей японской выборке. Японцы проявили не столь свойственную им романтичность, упомянув любовь именно в связке с вечностью. Это означает, что знаковые философские термины пробуждают в японцах возвышенные чувства. Размышление над глубинными связями явлений показательно для японской лингвокультуры. На периферии японского ассоциативного поля обнаруживаем реакцию «дружба», которая также подразумевает эмоциональную вовлеченность. Итак, японцы мечтают о вечной любви и вечной дружбе. Монотонность обыденной жизни и отсутствие в ней романтики перемещают вечную любовь в область несбыточной мечты. При этом процент разводов в современном японском обществе сравнительно низок и некогда установившиеся дружеские связи, как правило, остаются прочными. Упомянем также реакцию «Госупэрадзу» (1,5 %). Это название популярной музыкальной группы, исполняющей тексты философского содержания. Такая синтагматическая реакция отражает музыкальные пристрастия японских респондентов.

Что касается русских выборок, то только на периферии русского ассоциативного поля, относящегося к началу XXI в., обнаруживается реакция «любви» (1,5 %), которая оказывается единственной для данной выборки в части эмоционально-аффективного компонента. Что касается первой русской выборки, то по удельному весу рассматриваемого компонента она также заметно опережает вторую выборку. Это опережение обеспечивается реакциями «целая» и «кануть», которые имеют эмоциональную окраску, восходя к устойчивым выражениям «целая вечность» и «кануть в вечность». Респонденты начала 1990-х гг. в очередной раз прибегают к малоинформативным синтагматическим клише, причину появления которых мы уже обсуждали.

Точно так же, как в случае с эмоционально-аффективным компонентом, вторая русская выборка отстает от двух других по удельному весу, она не набирает весомых процентов и в случае с телесно-перцептивным компонентом. Если быть совсем точным, вошедшие в нее повторяющиеся реакции не фигурируют в данном компоненте. Русские начала XXI в. воспринимают вечность в максимально абстрактных категориях.

Японцы в данном компоненте несколько расходятся во мнениях. Одни приписывают вечности некий «свет» или окрашивают ее в «голубой цвет», другие говорят, что им «не видно». Видимо, последняя реакция подчеркивает абстрактность понятия «вечность», его несоизмеримость человеку. Тем не менее, большинство японцев «подсвечивают» образ вечности мягким светом.

Русские постперестроечного периода с наивностью и оптимизмом утверждают, что вечность у них «впереди» (4 %, вторая по частотности реакция). 1990-е гг. – время перемен и надежд. Несмотря на все тяготы жизни, людей не покидала вера в то, что в некотором будущем жизнь наладится. Эта вера выразилась в обсуждаемой реакции, которая отражает надежду и смятение, охватившее людей в то время. Вместе с тем ряд русских респондентов соотносят вечность с образом дали. Это реакция, характерная для языкового сознания русских (хотя, несомненно, существуют и другие лингвокультуры с аналогичным отношением к пространственной интерпретации времени). Не случайно принято говорить о широте русской души. «Стереотип “широкой русской натуры”, образно говоря, предполагает человека, который испытывает отвращение ко всякого рода ограничениям, принуждению к путам, который ощущает потребность “раскинуться”, “переместиться” через любые границы, как река во время разлива» [Вежицкая, 1999. С. 457]. Образ дали – традиционный элемент фольклорного и эстрадного творчества. Соответствующая реакция закономерна. Особняком стоят синтагматические реакции «уйти» и «уход». Выражение «уйти в вечность» означает «скончаться». Так как глагол «уйти» является глаголом движения, он был по формальным признакам включен в телесно-перцептивный компонент.

Перейдем к ценностно-смысловому компоненту. Здесь русские и японцы демонстрируют единство мнений: «жизнь» и «бессмертие» упоминаются во всех трех выборках. Японцы до-

бавляют к этому перечню «смерть» как антипод бессмертия. Таким образом, как русские, так и японцы увязывают вечность с жизнью и отсутствием смерти. На периферии второго русского ассоциативного поля обнаруживаем реакции «душа», «рай», «свобода», «существует». Все они так или иначе отражают различные ипостаси вечности. Из этого следует, что представители обеих лингвокультур воспринимают образ вечности как важный и значимый.

Завершим наш анализ рассмотрением логико-понятийного компонента. По удельному весу вошедшие в него реакции являются самыми многочисленными для всех трех выборок. Именно этот компонент объединяет наших респондентов на уровне общечеловеческих ценностей. Речь идет о высокочастотной реакции «время», присутствующей во всех ассоциативных полях, а также о реакции «бесконечность», которая входит в ядра обоих русских ассоциативных полей и фигурирует на периферии японского ассоциативного поля.

Русским вечность предстает в контексте вселенной, которой, как известно, присущи вечность и бесконечность. Японцы же противопоставляют вечность мгновению, что не характерно для русских выборок. Тогда как русские прибегают к общим понятиям, японцы предпочитают более узкое понятие. В то же время нельзя не обратить внимания на реакции «долгая» из японской выборки и «долго» из первой русской выборки. Реакция «век» из второй русской выборки показывает, что в наивном языковом сознании век воспринимается как крайне продолжительный период, стремящийся к бесконечности.

Космическая тематика более популярна в русской лингвокультуре: освоение космоса – предмет гордости для русских; для японцев эта тематика не столь актуальна. По этой причине в обеих русских выборках встречаем реакции «космос», а также «звезды» (первая русская выборка) и «небо», «млечный путь» (вторая русская выборка). Малое значение космической тематики «в японской языковой культуре можно объяснить тем, что японцы, хотя и были связаны с морем, но в течение многих веков плавали лишь вдоль берегов и не привыкли ориентироваться по звездам», а также неудачами Японии в освоении космического пространства [Алпатов, 2008. С. 65]. В. М. Алпатов приводит мнение японского исследователя Я. Хага: «...из небесных объектов японцы всегда знали только луну» [Haga, 2004. С. 50]. Разумеется, это гипербола, которая подчеркивает крайне низкий интерес японского обывателя к небесным объектам.

Во второй русской выборке присутствует пара «всегда + навсегда». Этим она разнится с первой русской выборкой, где среди повторяющихся реакций подобные лексемы отсутствуют, и сближается с японской выборкой, где реакция «всегда» входит в ядро ассоциативного поля. И существительное «вечность», и наречие «всегда» передают бесконечность временного потока. Тот факт, что русские постперестроечного периода проигнорировали данную реакцию, снова свидетельствует о потере ими ценностных ориентиров.

Что касается реакций «невозможно» и «нет» из японской выборки, то их мы уже обсуждали выше: они отсылают нас к семеме «постоянство», присутствующей в японской семантеме *eien*, но отсутствующей в русском эквиваленте.

Проведенный анализ ассоциативных полей «вечность» и *eien* обнаружил более выраженный философский подход японцев к образу вечности. Все три выборки объединяются ссылками на бесконечность, жизнь и бессмертие, которые в обеих лингвокультурах прочно ассоциируются с вечностью. Следовательно, вечность – образ, настраивающий на позитивный лад, побуждающий к созерцанию и творчеству.

Тема космоса заметно популярнее в русской лингвокультуре: аллюзии на космическую тематику встречаются только в русских выборках. Интерес к космосу с давних времен культивировался в мировидении русских. В XIX в. увидели свет работы первых русских философов-космистов А. В. Сухова-Кобылина [1995], Н. Ф. Федорова [1982], К. Э. Циолковского [1992] и др. Японцы в это время были заняты совершенно другими проблемами.

В то же время обе лингвокультуры демонстрируют убежденность в том, что вечность – это нечто долгое и бескрайнее, что сближает их на общечеловеческом уровне.

Список литературы

Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: Пер. с англ. М.: Языки русской культуры, 1999. 778 с.

Дарбанова Н. А. Время в лингвистических исследованиях: предыстория и современность // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2010. № 10. С. 50–55.

Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И. Г. Дубова. М.: Имидж-контакт, 1997. 478 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 939 с.

Сахарова О. В. Речевые модели будущего в жанрах личностно-ориентированного дискурса // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 124–131.

Сухово-Кобылин А. В. Учение Всемир: Инженерно-философские озарения. М.: С.Е.Т., 1995. 124 с.

Федоров Н. Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. 711 с.

Циолковский К. Э. Очерки о Вселенной. М.: ПАИМС, 1992. 255 с.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.

Daijirin. Tokyo: Sanseido, 1995. (In Jap.)

Haga Ya. Nihonjin gengobunkaron koogi (nihonjinrashisa) no koozoo. Tokyo: Taishuukan Shoten, 2004. (In Jap.)

Материал поступил в редколлегию 03.01.2018

Alexey D. Palkin

*National Research University – Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation*

p-alexis@yandex.ru

IMAGE OF ETERNITY IN RUSSIAN AND JAPANESE LINGUOCULTURES

In the article attitudes to eternity in Russian and Japanese linguocultures are traced on the basis of associations experiments. The worldview of Russians of the early 1990s, as well as of Russians and the Japanese of the early 21st century, is under consideration. A series of free association experiments has been carried out to analyse the language consciousness of Russians and the Japanese respectively. Relevant association fields and their semantic components have been examined and juxtaposed. A conclusion is made that Russians and the Japanese share generally basic human values, with some minor cultural differences which result in nation-specific peculiarities of the image of eternity in their language consciousness.

Both Russians and the Japanese associate eternity with the ideas of infiniteness, life and immortality. The experimental resources available show that Russians tend to associate the image of eternity with astronomy, while the Japanese more often refer it to philosophical categories. Semantically, the notion of eternity is broader in Japanese than in Russian. For this reason the Japanese, unlike Russians, emphasised the meaning of constancy in their reactions. Discrepancies in interpreting the image of time have also been discovered when comparing the association reactions of the two Russian samplings; these testify to the influence of social and economic factors on the worldview of a person representing a certain linguoculture. The hardships of the turbulent 1990s resulted in Russians' losing their value orientation. They regained their confidence and recovered their ability to analyse phenomena judiciously only with the establishment of relative stability in the 2000s. In particular, it is only in the later Russian sampling that one can find the reactions "always" and "forever" that signify the eternity of time. In all instances, the representatives of all samplings perceive eternity as everlasting and boundless, thus manifesting their natural attitude to this phenomenon.

Keywords: eternity, Russians, the Japanese, linguoculture, language consciousness, image.

References

- Alpatov V. M. Yaponiya: yazyk i kul'tura [Japan: Language and Culture]. Moscow, Yazyki slavianskikh kul'tur, 2008. (In Russ.)
- Daijirin [Big Definition Dictionary]. Tokyo, Sanseido, 1995. (In Jap.)
- Darbanova N. A. Vremya v lingvisticheskikh issledovaniyakh: predystoriya i sovremennost' [Time in linguistic research: prehistory and modernity]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University], 2010, no. 10, p. 50–55. (In Russ.)
- Dubov I. G. (ed.). Mental'nost' rossiian (Spetsifika soznaniia bol'shikh grupp naseleniia Rossii) [Mentality of Russians (Specificity of Consciousness of Big Groups of Russia's population)]. Moscow, Imidzh-kontakt, 1997. (In Russ.)
- Fedorov N. F. Sochineniya [Oeuvre]. Moscow, Mysl', 1982. (In Russ.)
- Haga Ya. Nihonjinrashisa no koozoo: gengobunkaron koogi. [Structure of Nihonjinrashisa: Lectures in Theory of Language and Culture]. Tokyo: Taishuukan Shoten, 2004. (In Jap.)
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy slovar' russkogo yazyka [Russian Definition Dictionary]. Moscow, Azbukovnik, 1999. (In Russ.)
- Sakharova O. V. Rechevye modeli budushchego v zhanrakh lichnostno-orientirovannogo diskursa [Speech models of the future in genres of person-oriented discourse]. *Lingvofuturizm. Vzglyad yazyka v budushchee* [Linguistic Futurism. Language Looking into the Future]. Ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Indrik, 2011, p. 124–131. (In Russ.)
- Sukhovo-Kobylin A. V. Uchenie Vsemir: Inzhenerno-filosofskie ozareniya [The Teaching of Vsemir: Engineering-Philosophical Revelations]. Moscow, S.E.T., 1995. (In Russ.)
- Tsiolkovskiy K. E. Ocherki o Vselennoy [Essays on the Universe]. Moscow, PAIMS, 1992. (In Russ.)
- Wierzbicka A. Semanticheskie universalii i opisanie iazykov [Semantic Universals and Languages Description]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 1999. (Transl. from Engl. into Russ.)
- Yakovleva E. S. Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya) [Fragments of Russian Language Picture of the World (Models of Space, Time, and Perception)]. Moscow, Gnozis, 1994. (In Russ.)

For citation:

Palkin A. D. Image of Eternity in Russian and Japanese Linguocultures. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, p. 41–48. (In Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-1-41-48

Янь Кай

*Московский государственный университет им. Ломоносова
Ленинские горы, корп. 1, Москва, 119234, Россия*

ky_710@mail.ru

**КАТЕГОРИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА РАДОСТЬ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ И. А. БУНИНА:
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ
(ПО ДАННЫМ КОМПЬЮТЕРНОГО АНАЛИЗА)**

Рассматривается проблема категоризации эмоции радости в художественных текстах И. А. Бунина. Для выявления в выбранных художественных произведениях И. А. Бунина слов, семантически связанных с указанной эмоцией, мы использовали компьютерный анализ единиц на базе текстовых ресурсов Лаборатории компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Для получения конкорданса по рассматриваемым художественным текстам И. А. Бунина был выявлен список слов-эмотивов, передающих значение 'радость', сгруппированных далее по классификации эмотивной лексики, предлагаемой Л. Г. Бабенко. На основе списка были выявлены абсолютные и относительные по частотности употребления слов-эмотивов, передающих значение 'радость', в контекстах произведений исследуемого писателя. Опираясь на данные результаты компьютерного анализа, мы установили, какими формально-грамматическими и семантическими категориями пользуется автор для передачи эмоции радости. Также были построены некоторые когнитивные модели концепта *РАДОСТЬ* в проанализированных бунинских рассказах.

Ключевые слова: художественный текст, категоризация, когнитивная модель, концепт, языковая картина мира.

Введение

Исследование категоризации ментальных единиц в той или иной лингвокультуре в современном языкознании рассматривается в рамках когнитивной лингвистики. В когнитивной науке термин «категоризация» понимается в узком и широком смыслах: «в узком смысле подведение явления, объекта, процесса и т. п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории, но в более широком смысле – процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно существенным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений и т. п.» [КСКТ, 1997. С. 42]. М. В. Пименова отмечает, что категоризация есть важнейший способ образования концептуальных структур [2011. С. 354]. При этом, по ее мнению, концептуальный анализ направлен на выявление концептов в их двоякой функции: 1) как оперативных единиц сознания и 2) как признаков референта языковых знаков, т. е. ментальных единиц, выраженных в языке (*в нашем случае в художественных текстах*) [Там же] (выделено нами. – Я. К.).

Янь Кай. Категоризация концепта РАДОСТЬ в художественных текстах И. А. Бунина: лингвокогнитивный аспект (по данным компьютерного анализа) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 49–56.

С позиции лингвокогнитивного подхода Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что концепт управляет человеческим мышлением и влияет на человеческую повседневную деятельность, а также структурирует человеческие ощущения, поведение, отношение к другим людям [2008. С. 25]. Согласно Л. О. Чернейко, концепт является орудием человеческого познания и моделирования памяти как одной из составляющих сознания, обеспечивающей хранение информации и ее воспроизведение [2005. С. 64]. При этом добавим, что концепт формируется и функционирует, а также насыщается содержанием, отражающим представление говорящего об окружающей действительности (в нашем случае – автора художественного текста), именно в определенных условиях конкретной лингвокультуры [Янь, 2015. С. 134].

По мнению Ю. А. Сорокина, художественное произведение обладает сложной иерархической семиотической природой и представляет собой специфический способ опредмечивания образа мира, существующего в сознании *говорящего* [1993. С. 98] (выделено нами. – Я. К.). Художественный текст при этом определяется как результат овнешнения сознания, как форма существования культуры; он есть хранилище культуры [Янь, 2015. С. 134]. Языковая картина мира, согласно точке зрения В. Н. Телия, понимается как «неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации» [1988. С. 179].

Цель настоящей статьи – обобщить и проанализировать данные результатов компьютерного анализа единиц, передающих значение ‘радость’ на базе ресурсов Лаборатории компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Отметим, что в настоящее время в лингвистических исследованиях активно развиваются методы «концептуального анализа семантики слов, называющих эмоции, с опорой на данные компьютерного анализа» [Заячковская, 2015. С. 247].

Материалом нашего исследования послужили следующие рассказы И. А. Бунина: «Сверчок», «Последнее свидание», «Грамматика любви», «Роза Иерихона», «Далёкое», «Тёмные аллеи», «Натали», «Ворон», «Месть», «Весной, в Иудее». Для получения конкорданса по рассматриваемым художественным текстам И. А. Бунина был выявлен список эмотивных слов, передающих значение ‘радость’ по предлагаемой Л. Г. Бабенко классификации эмотивной лексики (подробнее см. [Бабенко, 1989]), что позволило составить статистический список частотности употребления слов, передающих значение ‘радость’, в контекстах писателя (табл. 1).

Таблица 1

Список статистических данных компьютерного анализа
по частотности употребления эмотивных слов,
передающих значение ‘радость’

№	Слово, содержащее значение ‘радость’	Частотность употребления
1	красный	27 ($\approx 10,6\%$)
2	свет	19 ($\approx 7,5\%$)
3	легкий	15 ($\approx 5,9\%$)
4	счастливый	13 ($\approx 5,1\%$)
5	счастье	11 ($\approx 4,3\%$)
6	светлый	10 ($\approx 3,9\%$)
7	улыбка	10 ($\approx 3,9\%$)
8	сиять	8 ($\approx 3,1\%$)
9	шутка	8 ($\approx 3,1\%$)
10	радость	8 ($\approx 3,1\%$)
11	сладко	7 ($\approx 2,8\%$)
12	сладкий	7 ($\approx 2,8\%$)
13	радостный	7 ($\approx 2,8\%$)

Окончание табл. 1

№	Слово, содержащее значение 'радость'	Частотность употребления
14	улыбнуться	6 ($\approx 2,4$ %)
15	розовый	6 ($\approx 2,4$ %)
16	солнечный	6 ($\approx 2,4$ %)
17	цвети	5 (≈ 2 %)
18	петь	5 (≈ 2 %)
19	усмехаться	4 ($\approx 1,6$ %)
20	усмешка	4 ($\approx 1,6$ %)
21	благодатный	4 ($\approx 1,6$ %)
22	звезда	4 ($\approx 1,6$ %)
23	радоваться	4 ($\approx 1,6$ %)
24	пошутить	3 ($\approx 1,2$ %)
25	праздник	3 ($\approx 1,2$ %)
26	светить	3 ($\approx 1,2$ %)
27	улыбаться	3 ($\approx 1,2$ %)
28	усмехнуться	3 ($\approx 1,2$ %)
29	смешной	3 ($\approx 1,2$ %)
30	весёлый	3 ($\approx 1,2$ %)
31	освещать	2 ($\approx 0,8$ %)
32	шевелить	2 ($\approx 0,8$ %)
33	восторженный	2 ($\approx 0,8$ %)
34	радостно	2 ($\approx 0,8$ %)
35	забава	1 ($\approx 0,4$ %)
36	осветить	1 ($\approx 0,4$ %)
37	смех	1 ($\approx 0,4$ %)
38	воскрешать	1 ($\approx 0,4$ %)
39	крепиться	1 ($\approx 0,4$ %)
40	оживлять	1 ($\approx 0,4$ %)
41	поддерживать	1 ($\approx 0,4$ %)
42	потешать	1 ($\approx 0,4$ %)
43	радовать	1 ($\approx 0,4$ %)
44	развлечение	1 ($\approx 0,4$ %)
45	насмешливость	1 ($\approx 0,4$ %)
46	беззаботность	1 ($\approx 0,4$ %)
47	бодрость	1 ($\approx 0,4$ %)
48	весело	1 ($\approx 0,4$ %)
49	легкость	1 ($\approx 0,4$ %)
50	талант	1 ($\approx 0,4$ %)
51	лукавый	1 ($\approx 0,4$ %)
52	оживленно	1 ($\approx 0,4$ %)
53	удача	1 ($\approx 0,4$ %)
54	развлекаться	1 ($\approx 0,4$ %)
55	утеха	1 ($\approx 0,4$ %)
56	обрадоваться	1 ($\approx 0,4$ %)
57	ожить	1 ($\approx 0,4$ %)
58	разгуляться	1 ($\approx 0,4$ %)
59	насмешливый	1 ($\approx 0,4$ %)
60	резвый	1 ($\approx 0,4$ %)
61	полуулыбка	1 ($\approx 0,4$ %)

Как видим, концепт *РАДОСТЬ* вербально передается и описывается в исследуемых рассказах И. А. Бунина с помощью разных частей речи: *прилагательных, глаголов, существительных и наречий*. Отметим, что в исследуемых художественных текстах при вербализации данной эмоции доминирующей по количеству употреблений частью речи выступает *имя прилагательное*: 106 ($\approx 41,9\%$), затем идут *имя существительное*: 78 ($\approx 30,7\%$), *глагол*: 59 ($\approx 23,5\%$) и, наконец, *наречие*: 11 ($\approx 4,3\%$).

Следует отметить, что, согласно В. Г. Гаку, «основным элементом исторического развития языка является изменение отношения номинации, т. е. соотношения между языковой формой и обозначаемым ею элементом внеязыковой действительности» (цит. по: [Подтеlebnикова, Кретов, 2009. С. 702–711]). В. Г. Гак проанализировал морфологические формы номинации эмотивной лексики и показал возможности представления одной эмотивной лексемы с помощью разных частей речи [Там же]. Также важна в данном контексте идея В. Н. Телия: «переход от словесно-знаковой информации о мире к сведениям, передаваемым языковой формой *художественного* текста, сопровождается оснащением слов семантико-синтаксическими сигналами в процессе их организации в сочетание» [1980. С. 252] (выделено нами – Я. К.). Как утверждает Л. Г. Бабенко, смыслы эмотивных единиц закрепляются «в слове грамматическими оболочками разной степени жесткости. Соответственно, и грамматическая оболочка в разной степени подавляет ситуативную семантику эмотивных слов» [1989. С. 71].

Важно отметить, что Л. Г. Бабенко выделяет два класса эмотивной лексики: лексико-семантический и грамматический. По мнению исследователя, в данном случае выделение эмотивной лексики строится на основе сочетаемости «категориально-лексической семы эмотивности с категориально-семантическими семами» [Там же. С. 62]. При этом она приходит к выводу, что «лексика эмоций включается во все семантические классы, пересекается с ними. Это пересечение по линии абстрактных субстанциональных сем, в результате нее в лексико-семантическом поле эмоций обнаруживаем следующие *когнитивно-семантические категории слов*» [Там же. С. 72] (выделено нами. – Я. К.): эмоциональное состояние, эмоциональное воздействие, эмоциональное отношение, внешнее выражение эмоций, эмоциональная характеристика, эмоциональное качество [Там же. С. 72–81].

Опираясь на концепцию Л. Г. Бабенко, мы выделили ряд когнитивно-семантических категорий: «состояние», «воздействие», «отношение», «внешняя деятельность», «качество», что позволило исследовать концепт *РАДОСТЬ* в различных аспектах (табл. 2).

Таблица 2

Семантические категории слова *радость* в рассматриваемых тестах И. А. Бунина

Грамматические категории	Слова, содержащие значение 'радость'	Когнитивно-семантические категории
существительное	свет: 19 ($\approx 7,5\%$); улыбка: 10 ($\approx 3,9\%$); шутка: 8 ($\approx 3,1\%$); усмешка: 4 ($\approx 1,6\%$); праздник: 3 ($\approx 1,2\%$); забава: 1 ($\approx 0,4\%$); смех: 1 ($\approx 0,4\%$); полуулыбка: 1 ($\approx 0,4\%$);	внешнее выражение
	счастье: 11 ($\approx 4,3\%$); радость: 8 ($\approx 3,1\%$); звезда: 4 ($\approx 1,6\%$); беззаботность: 1 ($\approx 0,4\%$); бодрость: 1 ($\approx 0,4\%$); легкость: 1 ($\approx 0,4\%$); талант: 1 ($\approx 0,4\%$); удача: 1 ($\approx 0,4\%$); утеха: 1 ($\approx 0,4\%$);	эмоциональное состояние

Окончание табл. 2

Грамматические категории	Слова, содержащие значение 'радость'	Когнитивно-семантические категории
	развлечение: 1 ($\approx 0,4\%$);	эмоциональное воздействие
	насмешливость: 1 ($\approx 0,4\%$);	эмоциональное качество
прилагательное	красный: 27 ($\approx 10,6\%$); легкий: 15 ($\approx 5,9\%$); сладкий: 7 ($\approx 2,8\%$); розовый: 6 ($\approx 2,4\%$); солнечный: 6 ($\approx 2,4\%$); насмешливый: 1 ($\approx 0,4\%$); резвый: 1 ($\approx 0,4\%$);	эмоциональная характеристика
	счастливый: 13 ($\approx 5,1\%$); светлый: 10 ($\approx 3,9\%$); радостный: 7 ($\approx 2,8\%$);	внешнее выражение
	благодатный: 4 ($\approx 1,6\%$); смешной: 3 ($\approx 1,2\%$);	эмоциональное воздействие
	весёлый: 3 ($\approx 1,2\%$); восторженный: 2 ($\approx 0,8\%$); лукавый: 1 ($\approx 0,4\%$);	эмоциональное состояние
	сиять: 8 ($\approx 3,1\%$); улыбнуться: 6 ($\approx 2,4\%$); цвести: 5 ($\approx 2\%$); усмехаться: 4 ($\approx 1,6\%$); пошутить: 3 ($\approx 1,2\%$); светить: 3 ($\approx 1,2\%$); улыбаться: 3 ($\approx 1,2\%$); усмехнуться: 3 ($\approx 1,2\%$); освещать: 2 ($\approx 0,8\%$); осветить: 1 ($\approx 0,4\%$);	внешнее выражение
глагол	петь: 5 ($\approx 2\%$); радоваться: 4 ($\approx 1,6\%$); развлекаться: 1 ($\approx 0,4\%$); обрадоваться: 1 ($\approx 0,4\%$); ожить: 1 ($\approx 0,4\%$); разгуляться: 1 ($\approx 0,4\%$);	эмоциональное состояние
	шевелить: 2 ($\approx 0,8\%$); воскрешать: 1 ($\approx 0,4\%$); крепиться: 1 ($\approx 0,4\%$); оживлять: 1 ($\approx 0,4\%$); поддерживать: 1 ($\approx 0,4\%$); потешать: 1 ($\approx 0,4\%$); радовать: 1 ($\approx 0,4\%$);	эмоциональное воздействие
	сладко: 7 ($\approx 2,8\%$); радостно: 2 ($\approx 0,8\%$); весело: 1 ($\approx 0,4\%$); оживленно: 1 ($\approx 0,4\%$);	эмоциональное состояние

Можно видеть, что концепт РАДОСТЬ в рассматриваемых текстах И. А. Бунина передается через описание:

- 1) внешнего выражения радости: 115 ($\approx 45,4\%$);
- 2) эмоциональной характеристики человека: 63 ($\approx 24,9\%$);
- 3) эмоционального состояния человека: 59 ($\approx 23,4\%$);
- 4) эмоционального воздействия: 16 ($\approx 6,4\%$);
- 5) эмоционального качества: 1 ($\approx 0,4\%$).

Отметим, что в рассматриваемых произведениях И. А. Бунина для описания внешнего выражения эмоции *радость* доминирующей частью речи выступают *существительные*: 47 ($\approx 18,5\%$), второе место по частотности занимают *глаголы*: 38 ($\approx 15,1\%$), третье – *прилагательные*: 30 ($\approx 11,8\%$); в описании эмоциональной характеристики человека доминируют *прилагательные*: 63 ($\approx 24,9\%$); для описания эмоционального состояния человека доминирующей частью речи выступают *существительные*: 29 ($\approx 11,4\%$), менее частотны *глаголы*: 13 ($\approx 5,2\%$), *наречия*: 11 ($\approx 4,4\%$) и *прилагательные*: 6 ($\approx 2,4\%$); в описании эмоционального воздействия человека доминируют *глаголы*: 8 ($\approx 3,2\%$), затем *прилагательные*: 7 ($\approx 2,8\%$) и *существительные*: 1 ($\approx 0,4\%$); для описания эмоционального качества человека доминирующей частью речи выступают *существительные*: 1 ($\approx 0,4\%$).

Также можно отметить, что в выбранных бунинских рассказах концепт *РАДОСТЬ* описывается через следующие когнитивно-семантические категории: «состояние», «действие», «характеристика / характеристика», «качество» и «воздействие». Отметим, что, в соответствии с исследованиями М. В. Пименовой, «в основе познания мира через категории находятся когнитивные модели. Под когнитивной моделью понимается некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знания о мире. Когнитивные модели, так или иначе реализованные в языковых знаках, обнаруживают относительную простоту структурных типов и представляют собой последовательную систему, построенную на универсальных законах» [Пименова, 2011. С. 355].

При опоре на вышеизложенные данные были построены некоторые когнитивные модели концепта *РАДОСТЬ* в проанализированных бунинских рассказах: «*радость – внутреннее состояние*», «*радость – внешнее действие*», «*радость – характеристика / характеристика*», «*радость – качество*», «*радость – воздействие*». При этом отметим, что концепт *РАДОСТЬ* может проявляться в форме внутреннего состояния человека и внешнего действия.

Опираясь на полученные данные, можно сделать следующие заключения: 1) в проанализированных бунинских рассказах И. А. Бунина концепт *РАДОСТЬ* передается не только путем прямой номинации, но и с помощью коннотативных значений производных единиц, которые «скрываются» за определенной языковой формой (в нашем случае глаголами, наречиями, прилагательными, существительными); 2) носителю культуры, отличной от русской, очень трудно понимать и интерпретировать эмоции, которые передаются в русских художественных текстах. В этом случае компьютерный анализ языковых данных может предоставить носителю иной культуры научные основания, которые помогут проанализировать и понять семантику слов, передающих эмоции; 3) полученные данные анализа актуальны для лингвокогнитивных, лингвокультурологических и текстовых исследований.

Список литературы

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.

Заячкова О. О. Концептуальный анализ семантики эмоционального лексикона с опорой на корпусные данные // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Под общ. ред. В. И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 243–268.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Изд-во МГУ, 1997. 248 с.

Лакофф Д. Ж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.

Пименова М. В. Категоризация эмоций в наивной картине мира как отражение русской ментальности // Учен. зап. Таврического национального ун-та. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63), № 4, ч. 2. С. 352–361.

Подтележникова Е. Н., Кретов А. А. Общая лексикология: Хрестоматия. Воронеж, 2009. 727 с.

Сорокин Ю. А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1993. С. 98–117.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 173–204.

Чернейко Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС-Пресс, 2005. Вып. 30. С. 43–73.

Янь Кай. Концепт ГОРОД в художественном тексте И. А. Бунина на фоне китайского языка: лингвокогнитивный аспект // Полифония большого города: город как перекресток миров, текстовое многоголосье, семиотика городского ландшафта: Материалы конф. / Ред. Л. М. Терентий, А. В. Кирилина, В. В. Красных, И. В. Захаренко. М.: Изд-во «Канцлер», 2015. С. 132–142.

Материал поступил в редколлегию 24.01.2018

Yan Kai

Lomonosov Moscow State University
build. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation

ky_710@mail.ru

CATEGORIZATION OF THE CONCEPT OF JOY IN I. A. BUNIN'S SHORT STORIES: LINGVOCOGNITIVE ASPECT (CORPUS-BASED COMPUTER ANALYSIS)

This article deals with the problem of the categorization of the emotion of joy in the fiction of I. A. Bunin. To identify in selected Bunin's artworks the words, semantically related to this emotion, we used computer analytical tools based on the resources of the Laboratory of Computer Lexicology and Lexicography of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. To obtain a concordance for the considered Bunin's texts, a list of words-emotions that convey the meaning of 'joy' was identified according to the classification of emotive vocabulary proposed by L. G. Babenko. On the basis of this sample the frequencies of the words that transmit the values of these tokens in the contexts was obtained. Relying on the results of computer analysis, we established which categories the author uses to convey the emotion of joy; also some cognitive models of the concept of joy in the analyzed Bunin's stories were constructed. The author of this article came to the following conclusions: 1) in the analyzed Bunin stories the concept JOY is transmitted not only through direct nomination, but also with the help of connotative values of derived units that are "hidden" behind a certain linguistic form; 2) for a bearer of culture, different from Russian, it is very difficult to understand and interpret the emotions that are transmitted in Russian literary texts. In this case, the computer analysis of linguistic data can provide a bearer of a different culture with scientific principles that will be helpful when analyzing and understanding the semantics of words conveying emotions; 3) the obtained results are relevant for linguocognitive, linguistic, and textual studies.

Keywords: artistic text, categorization, cognitive model, concept, language picture of the world.

References

Babenko L. G. Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke [Lexical means of denoting emotions in Russian]. Sverdlovsk, Ural State Uni. Press, 1989, 184 p. (In Russ.)

Cherneyko L. O. Bazovye ponyatiya kognitivnoy lingvistiki v ikh vzaimosvyazi [Basic concepts of cognitive linguistics in their relationship]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Moscow, MAKS-Press, 2005, iss. 30, p. 43–73. (In Russ.)

Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. E. S. Kubyakova, V. Z. Dem'yakov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina. Moscow, MSU Press, 1997, 248 p. (In Russ.)

Lakoff D. Zh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. Ed. by A. N. Baranov. Moscow, LKI, 2008, 256 p. (In Russ.)

Pimenova M. V. Kategorizatsiya emotsiy v naivnoy kartine mira kak otazhenie russkoy mental'nosti [The categorization of emotions in the naive picture of the world as a reflection of the Russian mentality]. *Uchenye zapisi Tavricheskogo natsional'nogo universiteta. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii»*, 2011, vol. 24 (63), no. 4, part 2, p. 352–361. (In Russ.)

Podtelevnikova E. N., Kretov A. A. Obshchaya leksikologiya: Khrestomatiya [General lexicology: Reader]. Voronezh, 2009, 727 p. (In Russ.)

Sorokin Yu. A. Pretsedentnyy tekst kak sposob fiksatsii yazykovogo soznaniya [Precedent text as a way of fixing language consciousness]. *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'*. Moscow, 1993, p. 98–117. (In Russ.)

Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira*. Moscow, 1988, p. 173–204. (In Russ.)

Yan Kai. The concept CITY in the fiction of I. A. Bunin against the background of Chinese: linguo-cognitive aspect. *Polyphony of the big city: city as intersection of the worlds, text polyphony, semiotics of a city landscape. Proc. of conference*. Ed. Board: L. M. Terenti, A. V. Kirilina, V. V. Krasnykh, I. V. Zakharenko. Moscow, Kantsler Publ. House, 2015, p. 132–142. (In Russ.)

Zayachkovskaya O. O. Kontseptual'nyy analiz semantiki emotsional'nogo leksikona s oporoy na korpusnye dannye [Conceptual analysis of the semantics of emotional lexicon based on corpus data]. *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyy podkhod*. Ed. by V. I. Zabolotkina. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015, p. 243–268. (In Russ.)

For citation:

Yan Kai. Categorization of the Concept of JOY in I. A. Bunin's Short Stories: Lingvocognitive Aspect (Corpus-Based Computer Analysis). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, p. 49–56. (In Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-1-49-56

А. Б. Алексеев

*Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10А, Москва, 105005, Россия*

neuausstatten@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается функционирование языковой игры в рамках политической коммуникации. На примере преимущественно американского политического дискурса анализируются конкретные случаи «игрового» употребления ресурсов языка. В результате делается вывод, что с феноменом языковой игры непосредственно связаны такие важные и доминирующие черты политики, как ее состязательность и манипулятивность. Языковая игра позволяет говорящему пренебречь некоторыми нормами институционального общения, проявить лингвокреативность и изобретательность, привнести в дискурсивное пространство многозначность и неопределенность. Основные функции языковой игры – сохранение лица и повреждение лица противника.

Ключевые слова: языковая игра, сохранение лица, повреждение лица, манипуляция, дискредитация.

Термин языковая игра (Sprachspiele) принадлежит Л. Витгенштейну, который понимал его чрезвычайно широко как форму жизни. «Говорить на каком-либо языке – значит жить», – утверждал австрийский философ [Витгенштейн, 2010. С. 12]. Согласно его видению, реальный мир воспринимается через язык и своеобразно конструируется посредством «совокупности языковых игр» [Там же].

Современные лингвисты делают акцент на том, что языковая игра есть, прежде всего, проявление *лингвокреативного* мышления личности, часто связывая данный феномен с намеренным нарушением норм и правил языковой системы преимущественно для создания комического эффекта [Цикушева, 2009. С. 170]. «Языковая игра возникает, когда люди манипулируют формами и функциями языка с целью развеселить себя или других», – считает Д. Кристал [Crystal, 1996. Р. 328].

Мы предлагаем рассмотреть явление языковой игры в рамках классической теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson, 1987], а именно с точки зрения сохранения лица говорящего и повреждения лица оппонента, что особенно актуально в пространстве политического дискурса. В результате языковой игры должен сформироваться позитивный имидж себя, и негативный – другого. Таким образом актуализируется базовая для политической коммуникации оппозиция «мы – они», «свой – чужие».

«Играющий» политик (*politicus ludens*) не совсем свободен в выборе языковых средств, – институциональный дискурс задает параметры приемлемого поведения, игнорировать которые невозможно. Как отмечает Л. Макенсен, человек невольно находится под социально-историческим контролем языкового сообщества [Mackensen, 1973. S. 11], потому что нет такого коллектива людей, где речевая деятельность и каждый шаг коммуникантов не подвергались бы тщательному контролю, осуществляемому посредством норм, предписаний, правил и т. п., которые, подчеркнем, заметно различаются применительно к социальным группам

и классам. Многие из них нигде не регламентированы, и все же они невидимо присутствуют в сознании говорящих и нарушаются лишь в исключительных случаях, и то, что называется, «на свой страх и риск».

Дискурс, согласно Н. Фэркло, представляет собой форму социальной практики [Fairclough, 1989. Р. 22], строго регулируемую. Каждому индивиду как бы предписывается его статус и набор исполняемых им ролей в конкретной ситуации. С другой стороны, дискурс это еще и «психический процесс взаимодействия сознаний, направленный на конструирование языковых знаков» [Мартынюк, 2009]. Французский философ Ж. Ф. Лиотар утверждал, что «даже самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют, – будь то позиция отправителя, получателя или референта» [Лиотар, 1998. С. 45].

Внедрение элементов языковой игры в политический дискурс, на наш взгляд, дает возможность относительно вольного обращения с языком и коммуникативными нормами. Мы предполагаем, что реализация «игрового» потенциала политической интеракции соотносима с явлениями манипуляции, диффамации, иронии, сарказма, каламбура, вербальной агрессии и т. д. Вероятно, языковая игра может проявляться на уровне конструирования политических мифов, маргинализации (т. е. намеренного желания обособиться от других участников политического процесса), алармизма (акцентирования социальных проблем).

Следует допустить, что с прагматической точки зрения языковая игра может позволить политику произвести должное впечатление на избирателя, привлечь и удержать его внимание. Более того, в современном мире, обслуживаемом и конструируемом медиатеchnологиями, политика все более превращается в форму развлечения – своеобразный «политэйнмент» (от politics + entertainment) [Мисонжиков, Тепляшина, 2018. С. 219]. И политик, умеющий «играть» на аудиторию и для нее, имеет все шансы на успех. Для подтверждения своего мнения обратимся к практическому материалу.

Характерной чертой президентской кампании 2015–2016 гг. в США было то, что за власть боролись «нетипичные» политики. Помимо Д. Трампа, к ним примыкали нейрохирург Б. Карсон, главный исполнительный директор (CEO) К. Фиорина, сенатор левых убеждений Б. Сандерс со стороны демократов. Б. Сандерс занял радикальную позицию в отношении обсуждаемых вопросов, отвергнув капитализм и провозгласив политическую революцию (political revolution); напротив, республиканцы произвели «революцию» в языке, в частности отвергнув политкорректность.

Традиционно считается, что политик должен быть политкорректным, вежливым, демонстрировать высшую степень самоконтроля и самообладания. Ничего подобного в среде республиканцев не наблюдалось. Языковая игра использовалась для создания комического эффекта, осмеяния противников, их унижения. Рассмотрим пример:

CARSON. I'm the only one to separate Siamese twins. The only one to operate on babies while they were still in mother's womb. *The only one to take out half of a brain, although you would think, if you go to Washington, that someone had beaten me to it* (1st Republican debate).

В данном контексте Б. Карсон выставляет вашингтонских политиков чрезвычайно глупыми, прибегая к пространной метафоре (extended metaphor) и гиперболе, явно намекая на то, что они пользуются лишь «половиной мозга».

Следующий пример из речи Б. Карсона демонстрирует удачное использование приема градации. Усиление значения происходит за счет использования метафоры в конце параграфа:

I will go through and I will look at what a person's life has been. What have they done in the past, what kind of judgments have they made? What kind of associations do they have? That will tell you a lot more... than an interview will tell you. *The fruit salad of their life is what I will look at* (10th Republican debate).

Б. Карсон также умел обмениваться шутками, вызывать положительные эмоции и смех аудитории.

Nill, I was mentioned too. – You were? – Yeah, he said everybody (*Laughter*).

Элементы языковой игры можно найти и в дискурсе Джеба Буша:

Jeb Bush. Our freedom is under attack, our economy is under water, the leading democrat is under the investigation, and America is under the gun to protect our civilized way of life... (5th Republican debate).

Используя параллельные конструкции и повтор с метафорическими выражениями (under attack / water / the investigation / the gun), экс-губернатор Флориды описывает все то, что плохо в Америке. В один ряд с тонущей экономикой, находящейся под угрозой свободой, срочной необходимостью защищать цивилизованный образ жизни попадает и преследуемый ФБР ведущий демократ, – имеется в виду Х. Клинтон.

Однако особенно активно обращался к языковой игре Д. Трамп. Прежде всего, он позволял себе оскорблять своих политических противников, навешивая на них диффамирующие ярлыки, давая комментарии по поводу их внешности, умственных способностей, черт характера и даже состояния здоровья.

На Дж. Буша был навешан ярлык «неэнергичный» (low-energy), на Т. Круза – «лгущий» (lyin' Ted), на М. Рубио – «мелкий» (little Marco), на Б. Сандерса – «сумасшедший» (crazy, 'nuts'), на Х. Клинтон – «жуликоватая» (crooked). Причем диффамация была не более чем игрой, о чем свидетельствует факт, что как только противник выбывал из политической борьбы, ярлык отклеивался от него.

TRUMP. Now, you know, I called somebody a liar but I don't say that anymore because that person is now in the past. I say that's person is now in the past. And with Hillary we say crooked Hillary... (Rally in San Diego, 27.05.2016).

К тому же, например, в ситуации неформального общения, вне дебатов клички забывались, оставались в прошлом.

Используя ругательные слова как бы в шутку, Д. Трамп при необходимости отказывался от обидных комментариев, утверждая, что его неправильно поняли. Так, он, имея в виду К. Фиорину, задавал следующий риторический вопрос:

'Look at her face!'. 'Would anyone vote for that? Can you imagine that, the face of our next president?' (<http://fortune.com/2015/09/10/trump-on-fiorina-look-at-that-face-would-anyone-vote-for-that/>).

Говорить о внешности (лице) женщины в подобном тоне явно не соответствует элементарным правилам приличия. И во время вторых республиканских дебатов Д. Трамп утверждал, что использовал переносное значение слова 'face' – «персона» (2nd Republican debate).

Догадываться о смысле произнесенного американцам пришлось и тогда, когда начинающий политик вступил в конфликт с М. Келли, в частности обвинив ее в непрофессионализме и добавив:

You could see there was blood coming out of her eyes, *blood coming out of her whatever*' (<https://www.youtube.com/watch?v=uUKWRSIUS5o>).

Слово 'whatever' было воспринято многими как эвфемизм, заменивший нецензурное выражение. Сам факт того, что кандидат в президенты мог делать намеки на физиологический цикл женщины, возмутил аудиторию, еще раз высветив женоненавистническую риторику предвыборной кампании. Д. Трамп, в свою очередь, обвинил своих критиков в извращенности, – он имел в виду кровь из носа!

С этической позиции найти оправдание такому двусмысленному, игровому вербальному поведению трудно. Но с лингвопрагматической точки зрения необходимо признать, что благодаря довольно развязанной манере говорить Д. Трамп завоевал немало сторонников, которые видели в нем искреннего и честного человека. Одновременно создавался образ жесткого (tough) и умного (smart) претендента на Белый Дом, того, кто бескомпромиссно будет защищать интересы американской нации.

Немаловажен и развлекающий фактор языковой игры: недаром митинги Д. Трампа отличались массовостью, а сам ведущий кандидат гордился тем, что он привлекает людей без гитары и звезд, – ему не надо приглашать Бейонсе.

К языковой игре прибегали и демократы. Так, они использовали манипуляции с именем Трамп.

SANDERS. But we are where we are right now. And where we are right now is we have got to stand up to the *trumps of the world* who are trying to divide us up (6th Democratic debate).

В приведенной реплике сенатора из Вермонта имя Трамп трансформируется в нарицательное существительное, наделяемое негативными коннотациями.

Х. Клинтон, в свою очередь, говорила о «лазейке Трампа» (Trump loophole), а также о сфабрикованном проекте «умеренных» налогов (дословно: «стекающих струйкой») – ‘trumped up trickledown’ (1st Presidential debate). В образовании последнего выражения ключевую роль играет фразовый глагол ‘trump up’, который невольно ассоциировался с номинантом Республиканской партии. А поскольку оттенки значения слова отрицательные (ср.: рус. «фальсифицировать»), они переносились и на личность Д. Трампа. Создавался образ лжеца, обманщика, манипулятора.

Б. Обама, характеризуя отношения Д. Трампа с В. Путиным, заметил:

If you’ve made a career of idolizing Ronald Reagan, then where were you when your party’s nominee for president was *kissing up to* Vladimir Putin, the former KGB officer? You used to criticize me from for even talking to Russia, now suddenly you are OK with your nominee having a romance with Putin? (Rally in Miami, 20.10.2016).

В этих словах в саркастической форме выражена дискредитация: оратор стремится показать, что Д. Трамп намного ближе к лидеру России, чем можно предположить, что он восхищается В. Путиным и что у него с ним роман. Подчеркивается, что такая позиция, в свою очередь, противоречит заветам Р. Рейгана и принципам Республиканской партии в целом.

По-видимому, языковая игра, театральность, наигранный драматизм в политическом дискурсе – универсальная особенность, характерная для всех лингвокультур, в том числе и русской. Ограничимся несколькими примерами из русского политического дискурса.

В. МАЛЬЦЕВ. Мы хотим спасти Россию от революции! Да, и я призываю к нормальной и законной революции, которую можно свершить лишь путем импичмента. *Нужно отстранить от власти главный тормоз*, который мешает нашей экономике (<https://www.svoboda.org/a/27938494.html>).

Налицо некоторые манипулятивные элементы в речи оппозиционного политика: сначала оратор «хочет спасти Россию от революции», а потом заявляет, что его цель – «нормальная и законная революция». Утверждение «Нужно отстранить от власти главный тормоз» может быть понято буквально (в жаргонном варианте русского языка «тормозом» называют медлительного человека).

В русском политическом дискурсе, как, впрочем, и в соответствующем ему американском, наблюдается выдвижение громких идей и предложений. Так, лозунг В. Мальцева «импичмент – Путину» можно рассматривать как игру. Очевидно, что те, кто ратуют за отстранение Путина от власти, пользуются недостаточной поддержкой народа, чтобы обещать избирателям выполнение этой сверхзадачи, но сам факт жесткой риторики для них важен.

Языковая игра встречается в дискурсе лидера ЛДПР В. Жириновского:

Сравните: сегодня Украина. Они точно повторили Октябрьскую революцию. Значит, Янукович – будем считать, что это Керенский, – и они ночью захватывают власть, и Керенский бежит с Петрограда, Янукович бежит из Киева, и утром они объявляют свои декреты, опять же незаконные... (<https://www.youtube.com/watch?v=mlAuVID3ABU>).

В данном фрагменте В. Жириновский проводит параллели между Октябрьской революцией и событиями на Украине. В результате сравнения Януковича с Керенским создается упрощенная, драматизированная версия событий, в чем-то комическая и искаженная.

В заключение отметим, что языковая игра в политическом дискурсе выполняет ряд важных функций, основные из которых – сохранение лица и повреждение лица. Играя, политики проявляют свою лингвокреативность, находчивость и изобретательность. Они могут демонстрировать жесткость, острый ум, бескомпромиссность в служении высшим идеалам и преданность избирателям. Не менее важно, что в условиях современного политэйнмента языковая игра – способ привлечь и удержать внимание адресата, заявить о себе, своих политических амбициях и планах.

В игровой форме осуществляется дискредитация, диффамация противника, проводятся манипуляции с фактами, привносятся в коммуникативное пространство двусмысленность и многозначность. При этом нередко актуализируются неприличные смыслы слов, но именно благодаря эффекту игры они ретушируются, маскируются, преподносятся аудитории в таком виде, что их еще необходимо вычлениить, даже если они, собственно, лежат на поверхности.

Позволить реципиенту из множества интерпретаций дискурса самому выбрать наиболее подходящую для себя является выгодной стратегией, так как фактически ответственность за понимание теперь полностью возлагается на него. Языковая игра является тем механизмом, который включает адресата в диалог с политиком, превращая человека из пассивного объекта воздействия в субъект дискурсивной деятельности, сознательно принимающий решения, чувствующий свою сопричастность к процессу смыслообразования.

Список литературы

Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности / Пер. с англ. Л. Добросельского. М.: Астрель, 2010. 250 с.

Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Мартынюк А. П. Разграничение дискурса и текста с позиций интеграционного подхода // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2009. № 866. (Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. Вип. 59). URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/4924/2/Martynyuk.pdf> (дата обращения 13.12.2016).

Мисонжиков Б. Я., Тепляшина А. Н. Журналистика. Введение в профессию: Учеб. пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2018. 272 с.

Цикушева И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Общественные и Гуманитарные науки. 2009. № 12. С. 169–171.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Crystal D. Language play and linguistic intervention // Child Language Teaching and Therapy. 1996. Vol. 12 (3). P. 328–344.

Fairclough N. Language and Power. Longman Group, 1989. 259 p.

Mackensen L. Verführung durch Sprache. München: List Verlag, 1973. 327 S.

Материал поступил в редколлегию 09.12.2017

Alexander B. Alexeyev

*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, 105005, Russian Federation*

neuausstatten@mail.ru

THE USE OF LANGUAGE PLAY IN POLITICAL DISCOURSE

The article dwells on the way the language play functions within the framework of the political communication. The specific cases of the language play are analyzed predominantly on the basis of the American political discourse. As a result, the conclusion is reached that such an important or dominant traits of politics as competitiveness and the manipulatory tonality are linked to the lan-

guage play, and the phenomenon seems to be of the universal nature. It allows the speaker to ignore some norms of the institutional communication and to demonstrate linguistic creativity and inventiveness. It permits to achieve a certain level of ambiguity and polysemy of the discursive meanings. The main functions of the language play are face-saving and face-harming. Trying to save his face and using for this purpose the language play, politicians may demonstrate their wit, toughness, smartness, alertness, etc. On the other hand, one may emphasize the weaknesses of the opponent, but formally remain within the law and elude pursuit since in case of any allegations one may claim misunderstanding and/or misinterpretation. It is this effect of the language play that contributes to the manipulatory tonality of the political communication.

Keywords: language play, face-saving, face-harming, manipulation, defamation.

References

- Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 345 p.
- Crystal D. Language play and linguistic intervention. *Child Language Teaching and Therapy*, 1996, vol. 12 (3), p. 328–344.
- Fairclough N. Language and Power. Longman Group, 1989. 259 p.
- Liotar Zh. F. Sostoyanie postmoderna. Transl. from France by N. A. Shmatko. St. Petersburg, Aleteiya, 1998, 160 p. (In Russ.)
- Mackensen L. Verführung durch Sprache. München, List Verlag, 1973, 327 S.
- Martynyuk A. P. Razgranichenie diskursa i teksta s pozitsiy integratsionnogo podkhoda. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/4924/2/Martynyuk.pdf> (accessed 13.12.2016) (In Russ.)
- Misonzhikov B. Ya., Teplyashina A. N. Zhurnalistika. Vvedenie v professiyu: Uchebnoe posobie. 2nd ed. St. Petersburg, Piter, 2018, 272 p. (In Russ.)
- Tsikushcheva I. V. Fenomen yazykovoy igry kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. Obshchestvennye i Gumanitarnye nauki*, 2009, no. 12, p. 169–171. (In Russ.)
- Vitgenshtein L. Kul'tura i tsennost'. O dostovernosti. Transl. from Engl. by L. Dobroselsky. Moscow, Astrel', 2010, 250 p. (In Russ.)

For citation:

Alexeev A. B. The Use of Language Play in Political Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, p. 57–62. (In Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-1-57-62

УДК 811.163.1

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-1-63-75

А. Л. Соломоновская

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

asolomonovskaya@mail.ru

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРЕДИСЛОВИЯ
В СЛАВЯНСКОМ И ГЕРМАНСКОМ МИРЕ IX ВЕКА:
ТРАДИЦИОННЫЕ ТОПОСЫ И НОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ**

Предисловия к переводным памятникам, возникшим у германских (англосаксов и тевтонцев) и славянских народов в середине и второй половине девятого века свидетельствуют о сходных проблемах, которые стояли перед переводчиками, и сходных же подходов к их решению. Автор Македонского кириллического листа (МКЛ), его младший современник Константин Преславский, Отфрид Вейсенбургский и король Альфред в своих предисловиях обосновывают необходимость перевода на национальные языки или сочинения оригинальных религиозных текстов и ставят свой перевод в более широкий культурный контекст, таким образом присваивая культурный и символический капитал ранее обращенных в христианство народов. Это могут быть предшествующие или современные автору миссионерские проекты (Отфрид), ранее выполненные переводы Св. Писания (Альфред) или отсылки к церковным авторитетам, в частности к апостолу Павлу и его предполагаемому ученику (Псевдо-) Дионисию Ареопагиту, а также Кириллу Александрийскому (МКЛ). Авторы предисловий также более или менее детально описывают процесс перевода и/или формулируют свои переводческие принципы, а также указывают на конкретные проблемы, например, связанные с передачей рода имени существительного (Отфрид и МКЛ). В рассматриваемых предисловиях также содержатся такие топосы данного типа паратекста, как *captatio benevolentiae* и топос скромности, а также рассуждения о морально-этическом значении представляемого труда.

Ключевые слова: переводческое предисловие, топосы, ранние славянские и германские переводы (IX в. н. э.), Македонский кириллический листок, Константин Преславский, Отфрид Вейсенбургский, Король Альфред.

Переводческую деятельность в целом и труды древних и средневековых переводчиков в частности можно рассматривать в терминах французского социолога Пьера Бурдьё [Bourdieu, 1991] как наращивание культурного и символического капитала отдельной личности или сообщества. Под культурным капиталом понимается трансляция накопленного в рамках передающей культуры знания, а под символическим – рост престижа личности или социальной группы, обладающей этим знанием. Символический капитал может быть конвертирован в капитал вполне материальный – путем вхождения в профессиональную группу или повышения своего социального статуса. Символический капитал может быть «заработан» не только отдельной личностью, но и той или иной культурой в целом, отсюда важность переводной литературы для ранних этапов развития литературы национальной. Особую роль в становлении национального самосознания играют переводы престижных (в данном случае религиозных) текстов на национальный язык. Присвоенные таким образом культурные ценности конвертировались в возможность для элиты обращенных в христианство народов заключать династические браки и другие выгодные политические союзы (что можно рассматривать как своего рода символический, а если точнее, политический капитал). С другой

Соломоновская А. Л. Переводческие предисловия в славянском и германском мире IX века: традиционные топосы и новые элементы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 63–75.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 1

© А. Л. Соломоновская, 2018

стороны, перевод на национальные языки основ христианского вероучения позволял этим языкам повысить свой статус (или, в терминологии Бурдые, символический капитал), а их носителям – с полным правом претендовать на вхождение в круг цивилизованных народов, что очень хорошо видно из апологии франкам, помещенной в стихотворном предисловии Отфрида Вейсенбургского.

В данной статье будут рассмотрены попытки приобрести культурный, а с ним и символический капитал, предпринятые примерно одновременно у трех народов, сравнительно недавно обращенных в христианство (немцы-тевтонцы и славяне) или вынужденных восстанавливать христианские культурные ценности, утраченные в результате набегов язычников (Англия времен короля Альфреда). Материалом для статьи послужили «программные тексты» ранних переводчиков на национальные языки – Македонский кириллический листок (МКЛ), возможным автором которого был Кирилл-Константин (827–869)); прозаическое и поэтическое предисловия к «Учительному Евангелию» Константина Пресвитера (2-я половина IX в.); латинское предисловие (а вернее, сопроводительное письмо, адресованное епископу Людберту) и поэтическое древневерхненемецкое предисловие Отфрида Вейсенбургского (ок. 800 – ок. 875) к «Евангельской гармонии», а также три предисловия короля Альфреда (849–899) к его переводам «Cura Pastoralis» Григория Великого, «De Consolatione» Боэция и «Soliloquies» Августина. Поскольку собственно языковое исследование не входило в задачи автора, древнегерманский и древнеанглийский тексты рассматривались в современных немецком и английском переводах соответственно, латинский текст Послания к Людберту анализировался с привлечением современного английского перевода. Старославянские тексты привлекались в оригинале.

Обращение в христианство народов, населявших отдаленные провинции бывшей Римской империи, проходило постепенно, начиная приблизительно с VI в. н. э. (для германских народов – предков современных немцев и англичан, причем для последних этот процесс не был непрерывным, так как устоявшаяся было христианская культура значительно пострадала от набегов язычников-викингов) или с IX в. н. э. (для славян). Христианизация этих народов (а следовательно, их вовлечение в орбиту политического влияния соответствующего христианского центра) требовала перевода определенного объема религиозных текстов, пусть даже самых базовых, ведь латинские и греческие тексты Священного Писания и богослужения были непонятны иногда не только пастве, но и некоторым пастырям новой для германцев или славян религии.

Необходимо учитывать, что переводы с латинского на германские языки принципиально отличались от переводов с латинского на романские тем, что последние достаточно долгое время не были переводами в собственном смысле этого слова. Латинская лексика в таких текстах могла быть абсорбирована переводящим языком с небольшими лексическими или грамматическими изменениями, таким образом, формирующийся романский национальный язык (или, вернее, местная разновидность *lingua romana rustica*) приобщался к престижной латыни. Достаточно долгое время взаимоотношения французского языка и латыни, например, слегка напоминали ситуацию «гомогенного двуязычия» в славянском мире. С одной стороны, в некоторых текстах латинский и романский смешивались настолько, что трудно установить, на каком собственно языке намеревался писать автор (например, «Проповедь об Ионе» X в.), а с другой – более поздние авторы варьировали язык в соответствии с предметом повествования. Так, например, в XIII в. Элиан де Фруадмон пишет свою «Chronique Universelle» на латыни, а «Vers de la Mort», поэму о смерти, на французском, а в XV в. Жан Шартье пишет хронику современных ему событий сначала на латыни, потом переключается на французский и уже до конца хроники пишет на родном языке [Vernet, 1989].

Переводчики на германские языки, в том числе и древнеанглийские, такие как Альфред, а позднее Этельвольд и Эльфрик или их немецкие современники Отфрид Вейсенбургский и Ноткер Лабео, осознавали отличие своего языка от латыни и потому для передачи того или иного латинского термина были вынуждены подыскивать германское соответствие (часто, как и славянские переводчики с греческого, создавая семантические и словообразовательные кальки) либо заимствовать заведомо иностранное слово. Эта дилемма часто обсуждается в переводческих предисловиях и трактуется по-разному [Dearnley, 2016]. Древнеанглийские переводчики решали ее в пользу построения калек латинских понятий из германских корней,

тогда как среднеанглийские переводчики, переводя с французского, просто трансплантировали французские слова, делая их частью английского языка.

Таким образом, философия и идеология перевода у романских и германских переводчиков была противоположной: романские языки «самоутверждались» или, в терминологии Бурдье, приобретали культурный и символический капитал, приближаясь к латыни, а германские добивались той же цели, отталкиваясь от нее. Переводчики – авторы предисловий в таких случаях указывают на отличительные черты своих наречий как самостоятельных (литературных) языков. В этом отношении славянские переводчики первого поколения близки скорее к германским переводчикам, хотя в дискурсе более поздних переводчиков (например, в предисловии Исаяи, афонского переводчика второй половины XIV в.) появляются те же извинения за «необработанность» славянской речи, что и у французских переводчиков с латыни.

Осознание необходимости ведения литургии на понятном населению германских стран языке (а следовательно, и концептуализация этого наречия как полноправного, хотя еще и необработанного языка) зафиксировано в решении Турского собора 813 г., который постановил произносить гомилии либо на *lingua romana* (т. е. на народной латыни), либо на *lingua theotisca* (франкский, древневерхненемецкий). В древнеанглийском языке первые попытки перевести необходимые тексты (в частности, молитву *Pater noster* и отрывки из Евангелия от Иоанна) были сделаны в начале VIII в. Бедой Достопочтенным. В славянском мире первые переводы (Служебного Евангелия) сделаны Кириллом и Мефодием в ходе их моравской миссии, а возможно и раньше, еще в Византии [Browning, 1975]. В любом случае здесь речь идет шестидесятих годах IX в. Основанием для выполнения таких переводов было вышеупомянутое решение Турского Собора, который разрешал ограниченное использование национальных языков в богослужении. Проблемы у славянских переводчиков начались тогда, когда, уже после смерти Кирилла-Константина, его брат Мефодий попытался расширить сферу действия старославянского языка.

Несмотря на бытующее до сих пор среди некоторых ученых мнение об изолированности славянских (в частности, русских) переводческих школ от современных им западноевропейских ([Thomson, 1999; Нелюбин, Хухуни, 2008]), зафиксированные в разного рода документах (переписке или предисловиях к тем или иным текстам) факты свидетельствуют о том, что по крайней мере в рассматриваемый период переводчики не только руководствовались близкими идеологическими установками, но и, возможно, знали о существовании друг друга. Например, общеизвестным является упоминание о Кирилле-Константине в Послании Анастасия Библиотекаря Карлу Лысому. Споры о славянских переводах священных текстов, возможно, отразились в прозаическом предисловии Отфрида Вейсенбургского к «Евангельской гармонии», написанной как раз в разгар этих споров. Деятели континентального Каролингского Возрождения (в основном, на территории современных Франции и Германии) были выходцы из Англии (Алкуин) и Ирландии (Иоанн Скотт). И здесь круг замыкается – Иоанн Скотт является тем самым переводчиком, труд которого (перевод Ареопагитик) сопровождает своим знаменитым посланием Анастасий Библиотекарь. Близость как взглядов на перевод, так и самопозиционирования переводчиков отражается в таком жанре паратекста, как переводческое предисловие. В обобщенном виде элементы переводческих прологов были представлены в предыдущей статье автора [Соломоновская, 2017].

Одним из традиционных топосов предисловия переводчика, восходящим еще к античным временам, в частности к речам Цицерона, был так называемый *captatio benevolentiae*, или *обращение к реальному адресату или к потенциальному читателю* с просьбой «не судить строго». Тон переводчика часто зависел от общественного положения его самого и его заказчика. Так, король Альфред в предисловии к англосаксонской версии «Cura Pastoralis» не считал нужным включать лесть или самоуничижительные формулы, которые не пристали переводчику с таким общественным положением, поэтому он ограничивается теплым, но достаточно сдержанным приветствием своему адресату епископу Уерферту ((his wordum luflice and freondlice). В двух других предисловиях этого же (предположительно) переводчика обращение к конкретному адресату вообще отсутствует.

Отфрид Вейсенбургский, предпосылает своей «Евангельской гармонии» несколько франкских посвящений – королю Людовику Немецкому и Саломону, епископу Констанца

и учителю Отфрида, а также обращение к адресату сочинения – епископу Людберту в латинском прозаическом «сопроводительном письме». Что касается словесного портрета Людберта из прозаического латинского предисловия, он достаточно стандартен: Отфрид упоминает его высокое положение и прекрасный литературный вкус, а в конце послания обращается к нему с просьбой дать разрешение на свободное использование «Гармонии» всеми верующими.

Предисловие переводчика часто содержит *информацию о языках* – как исходном, так и переводящем. Большое внимание звучанию переводящего языка уделяет Отфрид Вейсенбургский, трудившийся над «Евангельской гармонией» в промежутке между 863 и 871 г., в тот момент, когда в Моравии шли ожесточенные споры о возможности использования старославянского языка в богослужении. Вполне возможно, что Отфрид был в курсе этого конфликта, и потому он, с одной стороны, пишет весьма развернутое историческое обоснование права франков на «воспевание Христа» на родном языке (во втором, стихотворном предисловии), а с другой – не пытается претендовать на право осуществить собственно перевод Священного Писания и даже не упоминает возможность литургии на рейнском диалекте. Сам франкский язык (*Theotisce*) он характеризует как «варварский», необработанный (*inculta*) и неупорядоченный (*indisciplinabilis*), но тем важнее становится миссия христианского книжника, пишущего на нем. Поскольку Отфрид пишет *поэтический* текст по мотивам Евангелий, особое внимание он уделяет тем фонетическим чертам диалекта, которые в большей степени влияют на чтение вслух стихотворного текста (в частности, на звучание некоторых гласных, особенно с умлаутом, а также неблагозвучных, с точки зрения латинского языка, согласных из-за их частого использования в древневерхненемецких диалектах).

Формально-грамматические различия (в частности, несовпадения в роде имен существительных) также, с точки зрения переводчиков и авторов предисловий, заслуживают комментария, особенно если сохранение грамматического рода существительных могло иметь принципиальное значение (подробнее см. в разделе о сложностях перевода). Это отмечают, например, уже упомянутые два современника – автор МКЛ и Отфрид Вейсенбургский, которые комментируют передачу рода существительных в греческом и латинском на старославянский и франкский соответственно. Комментирует Отфрид также асимметричное использование двойного отрицания в классической латинской грамматике, где они делают предложение утвердительным, и в узусе его собственного языка, где они сохраняют отрицание. Рассуждения о языке переключаются у Отфрида с рассуждениями о роли религиозной дисциплины в жизни человека: он утверждает мысль о том, что для языка роль такой дисциплины выполняет грамматика.

В латинском сопроводительном письме Отфрид также подробно останавливается на отличиях немецкого языка от латыни: язык этот еще варварский и грубый. Тем не менее, утверждает Отфрид, такая необработанность, грубость и прямота немецкого языка может быть и его преимуществом над латынью, так как риторическая утонченность классических языков восходит не к христианству, а к язычеству. Однако многие переводчики ограничивались лишь упоминанием языка-источника (например, латинского) и переводящего языка ((древне)английского), как это делает король Альфред в своем предисловии к переводу «Утешения философией» (*De Consolatione*) Бозция.

Обоснование переводческих принципов и описание процесса работы является наиболее важной частью переводческого предисловия, так как она позволяет переводчику «объясниться» с читателем, избежать обвинений в некомпетентности или прямой ереси и, наконец, сформулировать часто интуитивно найденный подход к переводу конкретного текста.

Автор МКЛ несколько раз, ссылаясь на авторитет апостола Павла и его предполагаемого ученика Дионисия, подчеркивает необходимость передачи главным образом смысла – в соответствии с задачей переводчика-миссионера, составляющего первый славянский перевод Евангелия, и с более простым характером переводимого материала. В конце концов, понять смысл сложного богословского сочинения значительно труднее, чем относительно простой евангельской притчи. Разумеется, свобода переводчика весьма ограничена – он может и должен переводить без особого полета фантазии или, как это формулирует автор предисловия, *безъ кривоу възлетѣти*.

Современник Константина-Кирилла Отфрид Вейсенбургский не формулирует принципы перевода, поскольку его труд не является собственно переводом, зато он весьма подробно рассказывает о процессе работы. Он указывает в сопровождающем письме к Людберту, которое входит в изданный текст «Евангельской гармонии» и поэтому может рассматриваться как предисловие к нему, что выступает в роли «посредника» (*partibus*) между четырьмя евангелистами, что исключает многие эпизоды и притчи, что помещает материал не по порядку, а по тому, как они пришли ему на память (*occurreunt memoriae*). Затем он описывает построение книги из пяти частей (первая – о Рождестве и ранней жизни Христа до его крещения Иоанном Крестителем; вторая – о Христе, его учениках и учении; третья – о пророчествах и учении иудеев; четвертая – о страстях Христовых; пятая – о Воскрешении и последующих событиях). Эти пять частей его книги соответствуют, по его представлениям, пяти чувствам (см. раздел о богословских и философских рассуждениях).

Одним из первых в германской традиции принципы своей переводческой деятельности формулирует в предисловии к «*Cura Pastoralis*» король Альфред: иногда слово в слово, иногда по смыслу, как он научился у своих учителей – Плегмунда, Асера, Гримбольда и Джона. Точно так же он описывает свой перевод в кратком введении к древнеанглийскому варианту «Утешения философией» Боэция. Что касается третьего пролога венценосного автора-переводчика, предисловия к (древне)английской версии «Монологов» Августина, то этот текст можно считать теоретическим лишь с натяжкой, так как метафорическое описание труда книжника как труда дровосека, который приносит из леса лишь необходимое ему, строит небольшую хижину у дороги в ожидании небесных чертогов, обещанных ему в иной жизни, и убеждает остальных пойти в тот же лес, чтобы найти что-то и для себя, характеризует скорее не труд переводчика, а образ жизни любого книжника – начиная со средневекового монаха (или, как в данном случае, короля-ученого) и заканчивая современным ученым-гуманитарием.

Ответ на высказанную или предполагаемую критику в наибольшей степени показывает темперамент переводчика. Отфрид Вейсенбургский предполагает, что его труд может быть принят в штыки сторонниками «чистой» (латинской и греческой) литературы, особенно среди его соотечественников-франков. Такого рода пуризм, с точки зрения Отфрида, приводит к тому, что, с одной стороны, германский (тевтонский) язык так и остается «варварским», так как его носители не пытаются даже усовершенствовать его с помощью письменных памятников, а с другой – книжники, замечаящие в чужих языках малейшие отклонения от правильной грамматики, на своем родном языке говорят с ошибками почти в каждом слове. В отличие от Иеронима Блаженного, который был весьма груб в своих ответах критикам, Отфрид вполне похвально отзывается об этих ученых мужах, лишь выражая удивление, что их эрудиция, быстрота ума, тщательность и мудрость обогащают чужой, а не родной язык.

Что касается Македонского листка, его автор, кем бы он ни был (Константином-Кириллом, его братом Мефодием, кем-то из их непосредственных учеников или даже Иоанном экзархом), обезоруживает критиков (заранее, если речь идет о Кирилле, или уже по факту начавшихся гонений в остальных случаях), прибегая к авторитету весьма уважаемых христианских авторов – Псевдо-Дионисия Ареопагита и самого апостола Павла. Перевод цитаты первого из главы 4 трактата «О божественных именах» содержится в сохранившемся фрагменте МКЛ. В приведенном отрывке Ареопагитик речь идет о возможности выражения одной и той же идеи разными словами, что, по мнению австрийского слависта Клауса Троста [Trost, 1973]), могло убедить скептиков в возможности выражения сакральной идеи на несакральном языке. Тот же австрийский ученый отмечает интересную особенность использования одной и той же цитаты автором МКЛ и Иоанном экзархом. Располагая эту цитату в разных местах своих текстов, переводчики таким образом обосновывали как принципиальную возможность перевода сакрального или богословского текста на славянский язык, так и некоторые частные особенности перевода. Для Константина-Кирилла это была передача рода имени существительного в библейских аллегориях. Перед переводчиком богословского сочинения Иоанна Дамаскина стояла проблема передачи многозначной абстрактной греческой лексики, которую он решал путем семантического калькирования или введения так называемых переводческих дублетов (два славянских слова для выражения разных значений одного греческого). Обосновывает же он такую технику с помощью цитаты из Дионисия.

Реконструированный А. Минчевой [1981] текст МКЛ содержит ссылку на известное высказывание апостола Павла. Не упоая на новое чудо Пятидесятницы, апостол Павел в знаменитой 14-й главе Первого Послания к Коринфянам формулирует свое отношение к вопросам перевода: если человек говорит на непонятном остальным присутствующим языке, он обращается к себе и Богу, но мало толку от такого обращения будет для слушателя. В первую очередь, здесь имеется в виду экстатический язык, понятный только самому молящемуся, которым, по-видимому, увлекались адресаты послания Павла. Если в конгрегации собрались люди, говорящие на разных языках, необходимо каким-либо образом донести смысл сказанного до всех присутствующих, что подразумевает присутствие переводчика (-ов), ибо «в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтоб и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Коринфянам 14: 19)¹. Именно такая интерпретация этого высказывания обуславливает то, что средневековые переводчики довольно часто используют его как обоснование перевода на национальные языки. Кроме МКЛ, та же цитата присутствует, например, в поэтическом прологе Константина (самого славянского первоучителя или же ученика его учеников Константина Пресвитера) к Евангелию, что также позволяет включать эту цитату в разного рода хрестоматии по истории перевода (например, [Robinson, 1997. P. 15]).

Король Альфред в силу своего общественного положения и географической удаленности от папского престола мог не бояться ни критики своих переводческих навыков, ни сомнения в целесообразности самого перевода. Поэтому такого рода мотив в его предисловиях отсутствует.

Предисловие переводчика в разной степени может быть *источником сведений о его личности*. Некоторые книжники ограничиваются лишь именем в сопровождении эпитетов, восходящих к топосу смирения, в то время как другие приводят более или менее подробные биографические сведения. Некоторые предисловия содержат сведения об образовании, которое получил переводчик. Отфрид Вейсенбургский, например, упоминает имя своего учителя Рабана Мавра, под руководством которого он проходил обучение в монастыре Фульды.

Поскольку *смирение* почиталось одной из высших христианских добродетелей, неудивительно, что предисловия всякого рода, начиная от коротких приписок переписчика (который был всегда «грешным», «ничтожным», «малограмотным») и заканчивая вполне объемными предисловиями автора, переводчика или издателя, содержали в той или иной форме этот *топос*. Будучи религиозным «общим местом» по своему происхождению, в работе переводчика (переписчика, издателя) он выполнял также своего рода защитную функцию: признавая свою «малость», переводчик таким образом обезоруживал возможных критиков.

Подобная формулировка встречается в МКЛ (правда, переводчик жалуется не на свои умственные способности, а на отсутствие образования и воспитания – ритуально называя себя **неоученымъ** и **гроуьымъ**). Константин Преславский, которого некоторые исследователи [Минчева, 1981] считают автором также и МКЛ, в своем предисловии эстетически красиво обыгрывает традиционный топос, используя, с одной стороны, привычные характеристики (**азъ оумаленный Костантинъ, недооумѣния и силы моеа соуце**), с другой стороны, оправдывает свою попытку тем, что по воле Божьей и **оселъ валаамъ** может заговорить человеческим голосом, и из сухого камня излиться вода.

Германский современник Кирилла-Константина Отфрид фон Вейсенбург также включает привычные самоуничижительные характеристики (*indignus, vilitatis, humilitas*) и несколько реже встречающийся в переводческих предисловиях мотив уговоров. В его случае понадобились совместные усилия нескольких человек, среди которых упоминается по имени только один, вернее, одна – некая почтенная дама (*veneranda matrona*) по имени Юдифь.

В начинающих формироваться в IX в. национальных переводческих традициях (немецкой, славянской, древнеанглийской) для обоснования *правомочности перевода на «варварские» языки необходимо было поставить свой перевод в ряд других, общепризнанных*. Это делает, например, король Альфред, вспоминая греческий перевод с древнееврейского (Септуагинту) и латинский перевод (Вульгату). Также он упоминает некие христианские народы, которые перевели части Священного Писания на свои языки.

¹ В русском синодальном переводе.

Предшественников в деле просвещения германских народов упоминает и Отфрид Вейсенбургский. В своем прозаическом латинском предисловии он называет двух таких деятелей – Пипина Короткого, отца Карла Великого, и Алкуина. В поэтической части предисловия он с большим энтузиазмом высказывается о греческих и латинских авторах. В своей апологии он восхваляет главным образом форму их сочинений – все настолько гармонично, что напоминает скульптуру из слоновой кости. Этот же образ позволяет надеяться на подобное будущее родного для Отфрида языка – ведь слоновый бивень сам по себе не имеет никакой эстетической ценности, а красоту ему придают руки квалифицированного мастера. Он советует читать их поэзию, так как это стимулирует ум. В прозаической части он называет по именам столь восхищающих его поэтов, в частности, Вергилия и Овидия.

В славянской традиции, возможно, первое сохранившееся предисловие к переводу Евангелия (Македонский кириллический листок) открывается цитатой Кирилла Александрийского (текст сильно поврежден, но, к счастью для исследователей, сохранилось имя автора и название соответствующего сочинения). Смысл цитаты состоит в том, что переводы предшественников, даже выполненные еретиками, не следует **отъметати**, так как в целом они исповедуют ту же веру. Огромное уважение к своим предшественникам и учителям высказывают представители второго и третьего поколения славянских переводчиков. В Азбучной молитве, предпосланной наряду с прозаическим предисловием к Учительному Евангелию, Константин Преславский прямо ссылается на своего учителя Кирилла-Константина: **Шьст-воюу нынѣ по слѣдоу оучителю имени ею** (в рукописи Vostr. 890) – **его и дѣлоу по-слѣдоуя**).

Пожалуй, редко предисловие переводчика обходится без упоминания *трудностей*, с которыми он столкнулся в процессе работы. С одной стороны, это тоже было своего рода защитой для переводчика – объясняло его возможные ошибки не недостаточной квалификацией, а сложностью исходного материала.

В переводческих предисловиях к первым славянским переводам, в частности в Македонском кириллическом листке и в Прологе Иоанна экзарха Болгарского, упоминаются конкретные сложности, связанные с передачей существительных, принадлежащих к разным родам в языке-источнике и переводящем языке, а также с передачей множественного числа местоимений единственным. Так, в МКЛ его автор (Константин-Кирилл [Vaillant, 1948], Мефодий [Мареш, 1983; Hansack, 1986] или какой-либо деятель Преславской переводческой школы, например Константин Преславский [Минчева, 1981]), приводя в пример родовые различия между греческими словами *ποταμός* и *ἄσθῆρ* (м. р.) и их славянскими эквивалентами **рѣка** и **звѣзда**, отсылает к аллегорическому употреблению этих существительных в евангельском контексте (Матф VII: 25 и Матф. II: 9), где реки, разрушающие дом, выстроенный на песке, обозначают демонов, а Рождественская звезда на самом деле является ангелом, – таким образом, передача этих существительных существительными женского рода разрушила бы аллереорию [Vaillant, 1948]. В той же дошедшей до нас части предисловия к переводу Евангелия переводчик упоминает стилистическое несоответствие между теми или иными словами в языке-источнике и переводящем языке. Это было особенно важно тогда, когда долгие века употребления слова в греческом языке в определенном «высоком» значении придали этому слову сакральный смысл, а соответствующее ему славянское таким смыслом еще не обладало. Автор предисловия, частично дошедшего до нас в МКЛ, конкретных примеров не привел, но можно предположить, что имеется в виду, если рассмотреть пример употребления *Λογος* или *πνεῦμα*, обозначающих ипостаси Троицы, и их славянских эквивалентов **слово** и **доухъ**, который приводит А. Вайан.

Подобные сложности стояли и перед автором «Евангельской гармонии» Отфридом Вейсенбургским. В своем прозаическом предисловии Отфрид почти дословно повторяет тезисы автора Македонского листка (не утверждаем, разумеется, что речь идет о взаимовлиянии, скорее это была общая проблема переводчиков этого периода, а возможно, и топон переводческого предисловия). Отфрид пишет, что иногда он передает мужской род латинского слова женским, множественное число единственным и наоборот. Интересно то обстоятельство, что конкретных примеров он не приводит, объясняя это тем, что в «красивом» латинском предисловии «варварские» слова звучали бы смехотворно. Поскольку Македонский листок

написан на старославянском (вернее, дошел до нас именно в таком виде), такой проблемы перед славянским автором не возникало.

Переводчик, особенно в Средние века и особенно переводчик сакральных текстов, был больше, чем просто переводчик. Недаром первые христианские переводчики, будь то Иероним для Западной церкви или Кирилл-Константин и Михаил-Мефодий для *Slavia Orthodoxa* (*Slavia Cyrillo-Methodiana*), были причислены в итоге к лику святых. Но это означало и огромную ответственность. Миссия переводчика была двойка – *воспитание читателя его переводческого труда* и *борьба с еретическими интерпретациями* Священного Писания.

Определенный интерес представляет перечисление соображений, сподвигших Отфрида Вейсенбургского составить «Евангельскую гармонию». Основным обстоятельством, побудившим его взяться за эту работу, было распространение разного рода светских легенд, которые мешали, с его точки зрения и с точки зрения некоей почтенной дамы по имени Юдифь (вероятно, монахини), правильному воспитанию христианина. Евангельские истории, изложенные в поэтической форме, могли предотвратить неподобающее увлечение франкских христиан героями языческих германских сказаний. Вторым аргументом было то, что языческие поэты, такие как Вергилий или Овидий, повествовали о языческих же героях на родном языке, в то время как христиане, наделенные божественной благодатью, «ленятся» выразить божественные слова на своем наречии.

Предисловие короля Альфреда из всех предисловий корпуса, относящихся к IX в., содержит больше всего материала, который можно трактовать как морально-нравственные рассуждения. Король Альфред видит причину исторических бедствий английского народа (в частности, набегов язычников-викингов) в забвении учености, в том числе и латинской. Альфред задается вопросом, почему его предшественники не позаботились о переводе мудрых книг на родной язык, и сам отвечает на него: они не думали, что их соплеменники забудут об учении и, кроме того, считали, что «мудрость этой земли» увеличит изучение других языков (латинского, прежде всего), а не перевод. Но этого не произошло, и в результате никто не мог читать драгоценные латинские книги, хранящиеся во многих церквях. Поэтому Альфред и призывает епископа организовать сначала обучение всех свободных юношей из состоятельных семей чтению на английском языке, а потом можно обучать наиболее способных из них латыни, формируя таким образом будущую церковную и светскую элиту, своего рода «королевский резерв». В другом предисловии, к сочинению Боэция, Альфред формулирует кредо, близкое к известному принципу «Делай, что должно...» – «Каждый человек, в меру своего понимания и наличия у него свободного времени, должен говорить то, что он говорит и делать то, что он делает» (перевод с современного английского мой. – А. С.)². Некоторые исследователи, в частности М. Годден, видят в такого рода программных заявлениях монарха влияние текстов, приписываемых Карлу Великому, «*Epistola de litteris coulendis*» например, настоящим автором которого был Алкуин [Godden, 2007].

В разной мере в предисловиях переводчика отражались *злободневные темы того или иного периода*. Переводчики не могли оставаться равнодушными к событиям, происходившим вокруг них. Не всегда переводчики прямо описывали те или иные события. Иногда в их предисловиях звучат лишь глухие намеки, весьма, впрочем, прозрачные для адресатов посланий и их современников. Такие отсылки к весьма непростому периоду английской истории IX в. содержатся в предисловиях Альфреда к «*Cura Pastoralis*» и «*De Consolatione*» Боэция. Политические намеки на необходимость прекратить междоусобные войны, разразившиеся после смерти Карла Великого между его наследниками, содержатся у Отфрида Вейсенбургского в первой главе (в частности, образ Александра Македонского как объединителя земель), которая является частично стихотворным предисловием к «Евангельской гармонии».

Наряду с традиционной просьбой «не судить строго», обращение к будущему читателю и переписчику могло содержать более существенные замечания. В предисловии короля Альфреда к переводу «*Cura Pastoralis*» содержится распоряжение по обращению с рукописными копиями его перевода. Он приказывает разместить эту книгу в каждом епископстве с «закладкой» (*bookmark*, в переводе Майкла Свонтона) (или «застежкой» *clasp* – в другом

² «For every man must, according to the measure of his understanding and leisure, speak what he speaketh and do what he doeth» (пер. с др.-англ. Sedgfield).

современном английском переводе) стоимостью пятьдесят манкусов (золотых монет) и не позволять никому выносить эту книгу из собора без крайней необходимости (только если она понадобится самому епископу или для переписки).

Обращение к читателю с призывом запастись знаниями из тех же источников, которые питали самого Альфреда (если придерживаться расширенной метафоры Альфреда – идти в тот же лес, в котором книжник – дровосек и плотник, нашел «строительный материал» для своей духовной хижины) содержится в предисловии к «Монологам» Августина в переводе-переработке короля Альфреда.

Если переводчикам на латинский не нужно было оправдывать сам этот факт, так как латынь была признана в христианском мире одним из трех священных языков, то переводчикам священной литературы на национальные языки приходилось *оправдывать обращение к языкам, так сказать, варварским*. Одним из самых поэтических памятников, содержащих такое оправдание, была Азбучная молитва, за несколькими строками которой **(Иже ищеть евангельска слова и просить дары твоя прияти летитъ во нынѣ и словѣнско племѣ)** ученые видят стремление доказать правомочность перевода Писания на славянский язык.

Апология письменности (не обязательно переводной) на древневерхненемецком диалекте, содержащаяся в стихотворном предисловии к «Евангельской гармонии» Отфрида Вейсенбургского, весьма эмоциональна и позволяет увидеть, как именно воспринимали себя франки той эпохи. Отфрид «поет гимн» своим соотечественникам, они не уступают римлянам в воинственности, а грекам в практических навыках; они – прекрасные строители и оружейники, отважные воины. Их лидеры являются образцом любого христианского правителя, а сами они ведут свой род ни много ни мало от Александра Македонского. И, разумеется, такой народ имеет полное право воздавать хвалу Богу на родном языке.

Одним из основных аргументов, которые будут использовать древнеанглийские, а затем и среднеанглийские книжники для оправдания перевода на английский язык, будь то духовной литературы с латинского или романтических поэм с французского, встречается уже в предисловии короля Альфреда к его переводу «Cura Pastoralis». Лучше, поучает он, перевести книги, которые являются самыми необходимыми для каждого человека, на язык, который мы все понимаем, чем держать спасительную для души христианина мудрость в тайне от него. Альфред указывает и на чисто практическую необходимость переводов: за те несколько десятилетий, когда Англия страдала от набегов викингов, фактически была утрачена латинская христианская ученость. Перевод наиболее важных для государственной элиты, с точки зрения Альфреда, сочинений был частью программы короля Уэссекса по подготовке более или менее образованных клерков для выполнения светских и религиозных административных функций.

Таким образом, мотивы переводческих предисловий, предпосланных ранним христианским переводным и, в определенной степени, оригинальным текстам, появившимся в областях, народные диалекты (германские или славянские) которых значительно отличались от латинского и греческого языков, были очень сходными.

С одной стороны, упомянутые переводчики сохраняли топоры переводческого предисловия, которые восходят еще к Иерониму Блаженному, а возможно, и более ранним переводчикам, например: *captatio benevolentiae* и связанный с ним топос скромности, характеристику исходного и переводящего языка, упоминание предшествующей переводческой или литературной традиции, ответ на высказанную или предполагаемую критику. Необходимо, впрочем, отметить, что общественное положение переводчика могло избавить его от необходимости применять некоторые из этих топоры – король Альфред не прибегает к лести по отношению к адресату своего письма-предисловия, а скорее отдает ему распоряжения. Топос скромности также отсутствует в его предисловиях.

С другой стороны, новые задачи, главным образом перевод на несакральные и необработанные языки, требовали как идеологического обоснования (и здесь очень кстати пришлась теория «неподобных подобий» Дионисия Ареопажита и его знаменитая цитата из главы 4 трактата «О божественных именах»), так и решения чисто лингвистических и риторических проблем, стоявших перед переводчиком. Среди них, например, передача рода или числа имен существительных, особенно имеющих символическое значение. Переводческие предисловия ранних германских (англосаксонских и франкских) и славянских переводчиков также

свидетельствуют о формирующейся идентичности соответствующих народов и их осознании себя как части христианской цивилизации или, возвращаясь к терминологии Бурдьё, приобретении ими культурного и символического капитала.

Список литературы

- Мареш Ф. В.* Потеклото на текстот на Македонското кирилско ливче // Slovo. Zagreb, 1983. Т. 32–33. С. 5–14.
- Минчева А.* За текста на Македонския Кирилски лист и неговия автор // Старобългарска литература 9. София, 1981. С. 3–19.
- Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т.* Наука о переводе. История и теория с древнейших времен до наших дней. М., Флинта, 2008. 413 с.
- Соломоновская А. Л.* Переводческие предисловия: к средневековым христианским истокам жанра (Иероним Стридонский) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 12, № 1. С. 15–23.
- Bourdieu P.* Language and Symbolic Power (translated from French by Gino Raymond and Matthew Adamson). Polity Press, 1991. 291 p.
- Browning R.* Byzantium and Bulgaria: A Comparative Study across the Early Medieval Frontier. London, 1975. 232 p.
- Dearnley E.* Translators and their Prologues in Medieval England. University of Bristol, 2016. 300 p.
- Godden M. R.* Did King Alfred Write Anything? // Medium Aevum. 2007. Vol. 76, № 1. P. 1–23.
- Hansack E.* Das Kyrillisch-Mazedonische Blatt und der Prolog zum Bogoslovie des Exarchen Johannes // Die Welt der Slaven. München, 1986. S. 336–414.
- Marti R.* Slavia orthodoxa als literar und sprachhistorischer Begriff // Studia Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia. Центр славянско-византийских исследований им. Ивана Дуйчева, Гос. изд-во им. доктора Петра Берна, 1988. P. 193–200.
- Robinson D.* Western Translation Theory from Herodotus to Nietzsche. Manchester, 1997.
- Thomson F. J.* The Reception of Byzantine Culture in Medieval Russia. Aldershot, Ashgate Publ. Ltd, 1999.
- Trost K.* Die Übersetzungstheoretischen Konzeptionen des Cyrillisch-Mazedonischen Blattes und des Prologs zum Bogoslovie des Exarchen Joann // Slavistische Studien zum VII Internationalen Slavisten Kongress in Warschau 1973. München, 1973. S. 497–525.
- Vaillant A.* La préface de l'évangélaire Vieux-Slave // Revue des Etudes Slaves. 1948. Т. 24. P. 5–20.
- Vernet A.* Les traductions Latines d'oeuvres en langues vernaculaires au moyen âge // Traduction et traducteurs au Moyen Âge. Actes du colloque international du CNRS, organisé à Paris, Institut de recherche et d'histoire des textes les 26–28 mai, 1986 (Textes réunis par Genevieve Constantine). Paris, 1989. P. 225–241.

Список источников

- Минчева А.* За текста на Македонския Кирилски лист и неговия автор // Старобългарска литература 9. София, 1981. С. 3–19.
- Alfred the Great's Boethius: Sedgefield's Modern English Translation (Proem). URL: www.uky.edu/~kiernan/ENG720/SdgTrans/SedgefieldProsTrans.htm (дата обращения 01.12.2017).
- Gallucci E.* Učitel'noe Evangelie di Constantino di Preslav (IX–X). Tradizione testuali, Redazioni, Fonti Greche // Europa Orientalis. 2001. Т. 20. P. 122–128.
- King Alfred's West Saxon Version of Gregory's Pastoral Care (with an English Translation, the Latin Text, Notes and Introduction). Ed. by Henry Sweet. London, 1871. P. 3–9 (PDF copy taken from <https://books.google.ru/>).

King Alfred's Old English Version of St. Augustine's *Soliloquies* Turned into Modern English by H. L. Hargrove. N. Y.: Henry Holt and Company, 1904. P. 1–2 (PDF copy taken from <https://books.google.ru/>).

Ohtfrid's Letter to Liudbert (параллельные латинский и английский тексты) – Provided courtesy of James Marchand. URL: wiretap.area/Copher/Library/Classic/Latin/.../ohtfrid.txt (дата обращения 01.12.2017).

The German Classics from the Fourth to the Nineteenth Century with Biographical Notices, Translations in Modern German and Note by F. Max. Müller. Oxford: Clarendon Press, 1886. Vol. 1. P. 28–35 (The Project Gutenberg e-book) (дата обращения 01.12.2017).

Vaillant A. La preface de l'evangeliaire Vieux-Slave // *Revue des Etudes Slaves*. 1948. T. 24. P. 5–20.

Материал поступил в редколлегию 08.12.2017

A. L. Solomonovskaya

*Novosibirsk State University
1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

asolomonovskaya@mail.ru

TRANSLATORS' PREFACES IN GERMANIC AND SLAVIC DOMAINS OF THE NINTH CENTURY: TRADITIONAL TOPOI AND NEW ELEMENTS

Despite the numerous statements about the cultural backwardness of Slavic people (and Russians in particular) compared to their Western contemporaries, which are still voiced by both foreign and domestic scholars, the extant documents of the ninth and tenth centuries (translators' prefaces being the most interesting case) show that at this early stage of Slavic Christianity the worldview and «cultural literacy» of those Slavs who carried out early translations were very close to those of their Western European counterparts. The prefaces to literary works and translations completed among Germanic (Teutonic and Anglo-Saxon) and Slavic people in the ninth century demonstrate similar concerns of their authors (translators) and similar approaches to addressing these issues. The alleged author of the Macedonian Cyrillic Folio (MCF) (Cyril Constantine), his younger contemporary Constantine of Preslav, Otfrid von Weissenburg and King Alfred in their prefaces (both prosaic and poetic) assert the necessity to translate into or compose religious texts in vernacular and place their work in a wider cultural context. In order to achieve this they refer to previous or contemporary missionary projects (Otfrid), existing translations of sacred texts (King Alfred) or religious authorities that seem to have endorsed vernacular translations of certain, if not all, religious messages (MCF). The latter also contains references (sometimes preserved in the text itself, sometimes reconstructed by researchers) to St. Paul, his alleged disciple (Pseudo)-Dionysius the Areopagite and Cyril of Alexandria. In this way the translators appropriate the cultural and symbolic capital associated with these texts and figures, whose Christian history was in some cases as old as Christianity itself. The prefaces' authors also give more or less detailed descriptions of the procedure (Otfrid) and/or formulate the principles of their translation (MCL, King Alfred) and specify particular problems, for example, dealing with the difference in grammatical gender between a Greek or Latin noun and their Slavic or Teutonic equivalents, which might have been important in biblical discourse where words had both direct and symbolic meanings and referents. The prefaces also contain traditional topoi of this type of paratext, such as *captatio benevolentiae* and humility topos, as well as some reflections upon the moral and ethical significance of their enterprise. The prefaces reveal the formation of national identities and even the nascent national pride of Slavic and Germanic peoples.

Keywords: translator's preface, topoi, early Slavic and Germanic translations (9th century), Macedonian Cyrillic Folio, Constantine of Preslav, Otfrid von Weissenburg, King Alfred.

References

- Bourdieu P. Language and Symbolic Power (translated from French by Gino Raymond and Matthew Adamson). Polity Press, 1991, 291 p.
- Browning R. Byzantium and Bulgaria: A Comparative Study across the Early Medieval Frontier. London, 1975, 232 p.
- Dearnley E. Translators and their Prologues in Medieval England. University of Bristol, 2016, 300 p.
- Godden M R. Did King Alfred Write Anything? *Medium Aevum*, 2007, vol. 76, no. 1, p. 1–23.
- Hansack E. Das Kyrillisch-Mazedonische Blatt und der Prolog zum Bogoslovie des Exarchen Johannes. *Die Welt der Slaven*. München, 1986, S. 336–414.
- Maresh F. V. Potekloto na tekstot na Makedonskoto kirilsko livche. *Slovo*. Zagreb, 1983, vol. 32–33, p. 5–14. (In Bulg.)
- Marti R. *Slavia orthodoxa* als literar und sprachhistorischer Begriff. *Studia Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia*, 1988, p. 193–200.
- Mincheva A. Za teksta na Makedonskiya Kirilski list i negoviya avtor. *Starob"lgarska literatura* 9. Sofiya, 1981, p. 3–19. (In Bulg.)
- Nelyubin L. L., Khukhuni G. T. Nauka o perevode. Istoriya i teoriya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Moscow, Flinta, 2008, 413 p. (In Russ.)
- Robinson D. Western Translation Theory from Herodotus to Nietzsche. Manchester, 1997.
- Solomonovskaya A. L. Perevodcheskie predisloviya: k srednevekovym khristianskim istokam zhanra (Ieronim Stridonkiy) [Translator's prefaces: back to the medieval Christian origins of the genre (St. Jerome)]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 12, no. 1, p. 15–23. (In Russ.)
- Thomson F. J. The Reception of Byzantine Culture in Medieval Russia. Aldershot, Ashgate Publishing Limited, 1999.
- Trost K. Die Übersetzungstheoretischen Konzeptionen des Kyrillisch-Mazedonischen Blattes und des Prologs zum Bogoslovie des Exarchen Joann. *Slavistische Studien zum VII Internationalen Slavisten Kongress in Warschau*. München, 1973, S. 497–525.
- Vaillant A. La préface de l'évangélaire Vieux-Slave. *Revue des Etudes Slaves*, 1948, t. 24, p. 5–20.
- Vernet A. Les traductions Latines d'oeuvres en langues vernaculaires au moyen âge. *Traduction et traducteurs au Moyen Âge*. Actes du colloque international du CNRS, organisé à Paris, Institut de recherche et d'histoire des textes les 26–28 mai, 1986 (Textes réunis par Genevieve Constantine). Paris, 1989, p. 225–241.

Sources

- Alfred the Great's Boethius: Sedgefield's Modern English Translation (Proem). URL: www.uky.edu/~kiernan/ENG720/SdgTrans/SedgefieldProsTrans.htm (accessed 01.12.2017).
- Gallucci E. Učitel'noe Evangelie di Constantino di Preslav (IX–X). Tradizione testuali, Redazioni, Fonti Greche. *Europa Orientalis*, 2001, vol. 20, p. 122–128.
- King Alfred's Old English Version of St. Augustine's Soliloquies Turned into Modern English by H. L. Hargrove. N. Y.: Henry Holt and Company, 1904, p. 1–2. (PDF copy taken from <https://books.google.ru/>).
- King Alfred's West Saxon Version of Gregory's Pastoral Care (with an English Translation, the Latin Text, Notes and Introduction). Ed. by Henry Sweet. London, 1871, p. 3–9. (PDF copy taken from <https://books.google.ru/>).

Mincheva A. Za teksta na Makedonskiya Kirilski list i negoviya avtor. *Starob"lgarska literatura* 9. Sofiya, 1981, p. 3–19. (In Bulg.)

Ohtfrid's Letter to Liudbert. Provided courtesy of James Marchand. URL: wiretap.area/Copher/Library/Classic/Latin/.../ohtfrid.txt (accessed 01.12.2017).

The German Classics from the Fourth to the Nineteenth Century with Biographical Notices, Translations in Modern German and Note by F. Max. Müller. Oxford, Clarendon Press, 1886, vol. 1, p. 28–35 (The Project Gutenberg e-book) (accessed 01.12.2017).

Vaillant A. La preface de l'évangéliste Vieux-Slave. *Revue des Etudes Slaves*, 1948, t. 24, p. 5–20.

For citation:

Solomonovskaya A. L. Translators' Prefaces in Germanic and Slavic Domains of the Ninth Century: Traditional Topoi and New Elements. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, p. 63–75. (In Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-1-63-75

Т. В. Бобылева

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

bobylevatv@gmail.com

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ НАЗВАНИЯ РОМАНА ДЖЕЙН ОСТИН «SENSE AND SENSIBILITY» НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Целью исследования является анализ четырех французских переводов названия романа Дж. Остин «Sense and Sensibility». Рассматриваются версии следующих авторов: И. де Монтольё (1815), Ж. Кастье (1948), Ж. Прива (1979), П. Губер (2000). Представлены результаты сопоставления значений лексем (передающих компоненты *sense* и *sensibility*) по данным словарей английского и французского языков XVIII–XIX вв., а также современных словарей английского и французского языков. На основе материалов Французского ассоциативного словаря НГУ (авторы-составители М. Дебрэнн, Н. В. Уфимцева, А. А. Романенко) используется метод реконструкции ассоциативных полей с выявлением обобщенных тематических категорий, к которым относятся ядра ассоциативных полей, связанные с рассматриваемыми лексемами. В заключение выявлен наиболее адекватный перевод названия романа на французский язык: *Le coeur et la raison* (авторы Ж. Кастье и П. Губер). Проведенный анализ является частью дальнейшего исследования, посвященного изучению лингвистических особенностей переводов романа «Sense and Sensibility» на французский и русский языки.

Ключевые слова: английский язык, ассоциативное поле, ассоциативный эксперимент, Джейн Остин, перевод, французский язык.

Введение

Статья задумана как часть дальнейшего исследования, в котором мы изучим лингвистические особенности романа Дж. Остин «Sense and Sensibility» в переводах на французский и русский языки. Объектом исследования в данной статье являются переводы названия романа на французский язык, выполненные Изабель де Монтольё (1815), Жюлем Кастье (1948), Жаном Прива (1979) и Пьером Губером (2000).

Анализ адекватности переводов названий художественных произведений представляет особый научный интерес в языкознании, так как названия всегда интерпретируются в макроконтексте: при переводе названия художественного произведения необходимо учесть и отразить (по возможности наиболее полно) основную идею всего произведения. Кроме того, макроконтент может включать не только всё произведение в целом, но также фоновые знания представителей конкретной национальной культуры, что важно учитывать при переводе на иностранный язык.

С целью конкретизации самых актуальных значений лексем в названии романа с точки зрения современной французской аудитории мы обратимся к методу реконструкции ассоциативных полей, используя современную ассоциативную базу данных французского языка *Dictionnaire associatif du français* (авторы-составители М. Дебрэнн, Н. В. Уфимцева, А. А. Ро-

маненко). Метод ассоциативного эксперимента является одним из самых актуальных в современном языкознании: «Ассоциативный эксперимент... вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов» [Белянин, 2003. С. 70]. У каждого человека ассоциативное поле обладает своей индивидуальной спецификой, обусловленной целым рядом факторов: возрастом, профессией, мировоззрением и др. Однако «принадлежность к определенному народу, одной культуре делает “центр” ассоциативного поля в целом достаточно стабильным» [Там же. С. 71]. Таким образом, результаты ассоциативных экспериментов можно использовать для установления того, как определенные лексемы при переводе названия художественного произведения интерпретируются аудиторией той страны, на язык которой был осуществлен перевод. Анализируя результаты ассоциативных экспериментов, мы рассмотрим, насколько выявленные актуальные значения в восприятии современной французской аудитории совпадают с теми, которые мог иметь в виду автор романа.

В процессе анализа мы также будем опираться на словарные значения соответствующих лексем в современных словарях английского и французского языков. Кроме того, мы обратимся к более старым словарям английского и французского языков, изданным в XVIII–XIX вв. Это связано с тем, что сам автор произведения, а также один из переводчиков на французский язык, Изабель де Монтольё, жили на рубеже этих веков.

Роман «Sense and Sensibility» стал первым изданным произведением Дж. Остин. Впервые он был опубликован в 1811 г., переиздан в 1813 г. [Goubert, 2013. P. 486].

Чтобы получить представление о том, какими значениями слова *sense* и *sensibility* обладали во времена Дж. Остин, мы используем 2 издания¹ (1768 и 1828 г.) Толкового словаря английского языка, составленного наиболее авторитетным лексикографом той эпохи С. Джонсоном [Johnson, 1768; 1828].

Значения английской лексемы *sense* в обоих изданиях полностью совпадают:

- 1) Faculty or power by which external objects are perceived. *Davies*.
- 2) Perception by the senses; sensation. *Dryden*.
- 3) Perception by intellect; apprehension of mind *Milton*.
- 4) Sensibility; quickness or keenness of perception. *Shakespeare*.
- 5) Understanding; soundness of faculties; strength of natural reason. *Pope*.
- 6) Reason; reasonable meaning. *Dryden*.
- 7) Opinion; notion; judgment. *Roscsmon*.
- 8) Consciousness: conviction. *Dryden*.
- 9) Moral perception. *L'Estrange*.
- 10) Meaning: import. *Tillotson. Watts*.

В качестве первых значений мы видим способность восприятия внешних объектов окружающего мира органами чувств, а также интеллектуальное восприятие. Более релевантные для нашего анализа словарные значения лексемы *sense*: *understanding* (понимание), *soundness of faculties* (твёрдость способностей), *strength of natural reason* (сила естественного разума), *reason* (разум), *opinion* (мнение), *judgment* (суждение), *consciousness* (сознание), *conviction* (убеждение), *moral perception* (нравственное восприятие). Отметим, что понятие *sense* могло интерпретироваться Дж. Остин в более глобальном, философском смысле под влиянием проповедей ее любимого богослова Т. Шерлока (см. [Collins, 1994. P. 188]). Согласно его учению, вселенная несет в себе воплощение *разума, порядка и гармонии* [Wolf, 2011. P. 870]. Кроме того, понятию *sense* приписывается также и социальная функция. По мнению К. Жорди, разумное поведение индивида (добровольное сдерживание своих желаний и страстей) в романе Дж. Остин «Sense and Sensibility» является способом адаптации личности к жизни в социуме, а для общества – эффективным способом поддержания социального порядка [Jordis, 2013]. Итак, в глобальном философском смысле разумное поведение личности в романе Дж. Остин не только защищает саму личность от несчастий, но также сохраняет социальный порядок и гармонию во вселенной в целом.

Лексема *sensibility* имеет в словаре английского языка С. Джонсона 1768 г. следующие значения:

¹ Второе издание было опубликовано уже после смерти С. Джонсона.

1) Quickness of sensation. *Addison*.

2) Quickness of perception.

Отметим, что данные значения подчеркивают скорость явления: *quickness of sensation* (быстрота ощущения) и *quickness of perception* (быстрота восприятия). Быстрота ощущения и восприятия достаточно точно соответствует импульсивности и необдуманности эмоциональных порывов героини романа Марианны.

Во втором издании словаря к быстроте ощущения и восприятия добавляется понятие *delicacy* (деликатность, чувствительность).

Добавляя к выявленным лексическим значениям *sensibility* также и более общий социальный контекст, следует отметить, что чувствительность (сентиментальность) была характерна в эпоху Дж. Остин. Это значение развивалось в течение всего века при поддержке романистов, поэтов и мыслителей. Затем у этого толкования появились оппоненты. Кроме того, англичане считали, что именно необузданный культ порывов сердца стал одной из причин анархии и революции во Франции [Goubert, 2013. P. 470–472]. Сентиментальные мотивы в романах и фривольность в поэзии стали вызывать подозрения у цензоров и хранителей общественной нравственности. Во времена крайнего недоверия к чувствительности и культу непредсказуемых порывов сердца благопристойный роман с воспитательным содержанием, призывающим юных читательниц к ежедневной благоразумности и соблюдению долга, помог Дж. Остин в ее становлении в качестве начинающего автора [Ibid. P. 472].

Итак, согласно лексикографическим данным эпохи Дж. Остин, в рациональном компоненте названия романа (*sense*) отражены сила естественного разума, сам разум как таковой, суждение, сознание, убеждение, нравственное восприятие. Иррациональный компонент (*sensibility*) отражает в первую очередь импульсивность, необдуманность, чувствительность.

Выявив, какие лексические значения понятия *sense* и *sensibility* выражали в эпоху Дж. Остин, мы также должны принять во внимание современные словарные значения этих лексем. С целью их конкретизации мы обратились к наиболее авторитетным словарям современного английского языка – Cambridge Dictionary² и Oxford Dictionary³.

Рассмотрим значения лексемы *sense* по данным Cambridge Dictionary:

I. Ability

1) An ability to understand, recognize, value, or react to something, especially any of the five physical abilities to see, hear, smell, taste, and feel.

2) A general feeling or understanding.

II. Good judgment

1) The characteristic of having good judgment, especially when it is based on practical ideas or understanding.

2) [As noun in plural: senses] The ability to use good judgment.

III. Meaning

1) One of the possible meanings of a word or phrase.

По данным Oxford Dictionary, лексема *sense* имеет следующие значения:

1) A faculty by which the body perceives an external stimulus; one of the faculties of sight, smell, hearing, taste, and touch.

2) A feeling that something is the case.

3) A keen intuitive awareness of or sensitivity to the presence or importance of something.

4) A sane and realistic attitude to situations and problems.

5) A reasonable or comprehensible rationale.

6) A way in which an expression or a situation can be interpreted; a meaning.

Мы видим, что современные значения лексемы *sense* совпадают со значениями XVIII–XIX вв., однако в современных словарях предлагаются более подробные пояснения.

Физические ощущения и восприятие окружающего мира через органы чувств традиционно являются первыми значениями лексемы. Что касается следующих, более важных значений, мы приводим их сопоставительную классификацию по данным обоих словарей (табл. 1).

² Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 02.11.2017).

³ Oxford Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения 02.11.2017).

Таблица 1

Сопоставление значений лексемы *sense* в современных словарях английского языка

Cambridge Dictionary	Oxford Dictionary
I. Общее понимание ситуации	
A <u>general feeling</u> or <u>understanding</u> . Общее чувство или понимание.	A feeling that something is the case. Чувство происходящего.
II. Правильное суждение, реалистичный взгляд, практическое отношение к ситуации	
The <u>characteristic</u> of having good <u>judgment</u> , <u>especially</u> when it is <u>based</u> on <u>practical ideas</u> or <u>understanding</u> . Наличие здравого суждения, такого, которое основано на практическом отношении к жизни (= происходящему) и понимании.	A sane and realistic attitude to situations and problems. Здравое и реалистичное отношение к ситуациям и проблемам. A reasonable or comprehensible rationale *. Разумное или понятное логическое обоснование. * Rationale – a set of reasons or a logical basis for a course of action or belief. Разумная мотивировка или логическая основа для действия или убеждения.
III. Способность оценивать происходящее	
An <u>ability</u> to [...] <u>value</u> . Способность оценивать.	A keen intuitive awareness of or sensitivity to the presence or importance of something. Интуитивное осознание присутствия или важности чего-л.

Мы делаем вывод, что в современных словарных значениях английской лексемы *sense* можно выделить общее понимание ситуации, реалистичное и практическое отношение к жизни (= происходящему), способность оценивать важность происходящего, наличие здравого суждения.

Рассмотрим словарные значения лексемы *sensibility* в словаре Cambridge Dictionary:

1) An understanding of or ability to decide about what is good or valuable, especially in connection with artistic or social activities: literary/musical/artistic/theatrical/aesthetic sensibility.
2) [As noun in plural: sensibilities] Feelings.

Словарные значения лексемы *sensibility* в словаре Oxford Dictionary:

1) The quality of being able to appreciate and respond to complex emotional or aesthetic influences; sensitivity.
2) [As noun in plural: sensibilities] A quality of delicate sensitivity that makes one liable to be offended or shocked.

Значение лексемы *sensibility* по словарю Cambridge Dictionary в ед. числе: *understanding of or ability to decide about what is good or valuable, especially in connection with artistic or social activities: literary / musical / artistic / theatrical / aesthetic sensibility* (понимание или способность принимать решения о том, что хорошо или ценно, особенно в связи с художественными или общественными видами деятельности: литературная, музыкальная, эстетическая чувствительность).

Подобное значение является важным, так как героиня романа Марианна, с образом которой традиционно связан иррациональный компонент *sensibility*, очень чувствительна к красоте в музыке, литературе, поэзии и природе.

Множественное число лексемы *sensibilities*, по данным словаря Cambridge Dictionary, отражает значение *feelings* (чувства). Именно такой смысл придает иррациональному компоненту *sensibility* один из переводчиков на французский язык, как мы увидим позже.

Несмотря на сходство значений, Oxford Dictionary дает определение лексемы *sensibility* в единственном числе не только как оценки человеком эстетических явлений, но и как его взаимодействие с ними: *the quality of being able to appreciate and respond to complex emotional or aesthetic influences; sensitivity* (способность оценить или ответить на сложные эмоциональные или эстетические воздействия; чувствительность). Здесь мы видим прямое упоминание эмоций (*emotional*). Что касается множественного числа лексемы *sensibilities*, словарь Oxford Dictionary дает следующее определение: *a quality of delicate sensitivity that makes one liable to be offended or shocked* (качество деликатной чувствительности, которое делает кого-либо подверженным обидам или потрясениям). Отметим, что сохраняется значение *delicate sensitivity*, эквивалентное *delicacy* в словаре С. Джонсона.

Итак, среди современных значений английской лексемы *sensibility* выделяются чувствительность к эмоциональным и эстетическим воздействиям, а также подверженность эмоциональным потрясениям.

Выявив значения 2-х ключевых лексем в названии романа «Sense and Sensibility» по толковым словарям английского языка эпохи Дж. Остин и современным словарям английского языка, рассмотрим переводы названия данного романа на французский язык (табл. 2).

Таблица 2

Переводы названия романа «Sense and Sensibility» Дж. Остин
на французский язык

Изабель де Монтольё 1815	Жюль Кастье 1948	Жан Прива 1979	Пьер Губер 2000
Raison et sensibilité* (Разум и чувствительность)	Le coeur et la raison** (Сердце и разум)	Raison et sentiments (Разум и чувства)	Le coeur et la raison (Сердце и разум)

* Полное название романа в интерпретации И. де Монтольё «Raison et sensibilité, ou Les deux manières d'aimer». Приписка о «двух способах любить» имеет, вероятно, дидактический характер, обусловленный нравственными и эстетическими требованиями той эпохи. Объектом нашего изучения в данной статье является лишь перевод 2-х основных компонентов авторского названия Дж. Остин: *sense* и *sensibility*.

** Изменения в порядке следования 2-х компонентов в названии романа (в переводах Ж. Кастье и П. Губера) мы рассмотрим далее.

Следует отметить, что в названии 1-го издания (1948) своего перевода Ж. Прива использовал личные имена: *Marianne et Elinor*. Источником вдохновения для него, вероятно, послужило самое первое название английского оригинала Дж. Остин «*Elinor and Marianne*», от которого писательница позже отказалась. В 1979 г., уже после смерти Ж. Прива (1878–1963), его перевод был переиздан с названием «*Raison et sentiments*». Существуют сведения о том, что новое название могло быть выбрано по настоянию издательства [Mandal, Southam, 2007. P. 55]. Поэтому мы можем приписывать данный перевод названия переводчику Ж. Прива лишь условно. Вопрос установления точного авторства в нашем анализе не является приоритетным, так как для нас более важен сам факт существования данного варианта перевода названия, а также его отнесенность к конкретной стране и к определенной эпохе. Кроме того, нашей целью является анализ названий, которые состоят из абстрактных существительных, обладающих семантической вариативностью в процессе перевода, в отличие от имен собственных в 1-м издании перевода Ж. Прива.

Перевод рационального компонента *sense*

Прежде всего, попробуем выявить причины, по которым все переводчики избегают использовать при переводе английской лексемы *sense* ее французский эквивалент *sens*. Чтобы

выявить причины отказа от данной лексики современницы Дж. Остин Изабель де Монтольё, обратимся к словарю Dictionnaire de l'Académie française 1835 г.

Dictionnaire de l'Académie française (1835)

- 1) Faculté de l'animal, par laquelle il reçoit l'impression des objets extérieurs et corporels. Les cinq sens de nature.
- 2) On dit en style de Morale chrétienne, Ne refuser rien à ses sens, donner tout à ses sens, pour dire, S'abandonner à tous les plaisirs que les sens demandent; et, Mortifier ses sens, pour dire, Se priver des plaisirs des sens.
- 3) On dit figurément, Mettre, appliquer tous ses sens, et familièrement, tous ses cinq sens de nature à quelque chose, pour dire, Y employer tous ses soins, toute son industrie.
- 4) Sens, signifie encore, La faculté de comprendre les choses, et d'en juger selon la droite raison. C'est un homme de sens, de bon sens, de grand sens, de peu de sens, de petit sens.
- 5) On dit proverbialement, Grosse tête, peu de sens.
- 6) On appelle Sens commun, La faculté par laquelle la plupart des hommes jugent raisonnablement des choses. Cela est contre le sens commun. C'est un sot, qui n'a pas le sens commun. Cela choque le sens commun.
- 7) Sens, se prend pour La signification d'un discours, d'un écrit. Prenez bien le sens de ce que je vous dis.
- 8) Sens, signifie aussi, Avis, opinion, sentiment. Vous ne donnez pas dans mon sens.
- 9) Sens, signifie encore, Un des côtés d'une chose, d'un corps. Mettez cette table, cette couverture, etc. de ce sens-là.
- 10) Il se dit figurément Des affaires, et même des personnes. Il a pris cette affaire-là de tous les sens qu'on a pu imaginer.
- 11) Sens dessus dessous. Façon de parler adverbiale, et du style familier, qui signifie, qu'Une chose est tellement bouleversée, qu'on ne reconnaît plus ni le dessus ni le dessous.
- 12) On dit aussi, Sens devant derrière, en parlant d'Une chose qui présente la partie de derrière au lieu de celle de devant. Il signifie aussi quelquefois, qu'On ne reconnaît plus ce qui doit être derrière, ni ce qui doit être devant.

Первое значение лексики *sens* связано с физическими ощущениями и восприятием окружающего мира через органы чувств, что, безусловно, совпадает со словарными значениями лексики *sense* в английском языке. Однако, как мы видим, вторым значением французской лексики *sens* являются физические удовольствия с точки зрения христианской нравственности. Очевидно, что это значение характерно для формы множественного числа. Отметим, что у данной лексики формы единственного и множественного числа идентичны (в орфографии и произношении), поэтому в случае употребления без артикля блюстителю христианской нравственности теоретически всё же смогли бы усмотреть в названии романа потенциальную ассоциацию с физическими удовольствиями. В словарной статье есть также совпадения⁴ со значением *здравый смысл* английской лексики *sense*, но они расположены ниже значения физических удовольствий, принятого в контексте христианской морали. Вероятно, некоторая ассоциация с потребностью организма в физических удовольствиях частично превратила французскую лексику *sens* в потенциального «ложного друга» (неподходящий вариант) перевода для Изабель де Монтольё, так как в её эпоху даже случайный намёк на физические потребности человеческого организма мог бы вызвать осуждение со стороны блюстителей христианской нравственности. Для конкретизации значения *здравый смысл* потребовалось бы добавление второго слова *bon sens* или *sens commun*, т. е. усложнение грамматической структуры, что могло бы нарушить симметрию названия. В этом случае в переводе рациональный компонент *sense* был бы представлен двумя словами, а иррациональный *sensibility* – одним.

Выбор Изабель де Монтольё в пользу лексики *raison* (ее мы рассмотрим позже) был, вероятно, обусловлен не только эквивалентностью ее значений (и отсутствием смыслов, неприемлемых для христианской нравственности), но и простотой грамматической структуры (одно слово, как в английском оригинале).

⁴ В частности, *faculté de comprendre les choses, et d'en juger selon la droite raison* (способность понимать предмет и судить о нем разумно), *bon sens, sens commun* (здравый смысл) и др.

Рассмотрим значения лексемы *sens* в современном словаре французского языка Trésor de la Langue Française informatisé⁵ (TLFi), чтобы выявить, по каким причинам современные переводчики на французский язык могли отказаться от ее использования при переводе английской лексемы *sense*.

Trésor de la Langue Française informatisé (TLFi)

I.[Faculté, capacité]

A. Dans le domaine physique, de la sensibilité, des sensations.

1. Au sing. ou au plur. Faculté d'éprouver des sensations; système récepteur d'une catégorie spécifique de sensations.

2. Au plur. Impulsion, besoin organique dont la satisfaction est source de plaisir pour l'individu.

- En partic. Instinct sexuel, besoin de satisfaire l'instinct sexuel.

B. Dans le domaine intellectuel, du jugement, de la compréhension, de la raison.

1. a) Vx ou littér. Faculté de bien juger, de comprendre les choses et d'apprécier les situations avec discernement.

- Locutions:

* Être hors de sens. N'avoir plus toute sa raison.

* [Par confusion avec de sang froid] Rare, vx. De sens froid. Avec calme, sans passion, sereinement.

* De sens rassis. Au jugement calme.

b) Bon sens

* PHILOS., vx. Raison.

* Capacité de bien juger, de prendre une décision, sans a priori, raisonnablement (à propos de choses qui ne relèvent pas du raisonnement scientifique, d'une méthodologie ou d'une théorie).

* [P. oppos. à l'égarement, la folie, l'emportement inconsidéré] Capacité de juger normalement, sainement; jugement sain, normal.

* [Qualifie une pers.] Qui a du bon sens, sensé.

* En dépit du bon sens. Contrairement à ce qu'exigerait la raison.

* Gros bon sens. Bon sens rudimentaire, sans finesse.

* Cela, ça n'a pas de bon sens. C'est insensé, déraisonnable, absurde.

* (Être) hors du bon sens. N'avoir plus toute sa raison, n'avoir plus la capacité de juger raisonnablement, normalement

* Il y a du bon sens, il n'y a pas de bon sens (à + inf.).

c) Sens commun

* Manière de juger, d'agir commune à tous les hommes raisonnables. Synon. raison.

* Ne pas avoir le sens commun

[En parlant d'une pers.] Être déraisonnable, irrationnel.

[En parlant d'une chose] Être déraisonnable, insensé, absurde.

* Ensemble des jugements, des opinions donnés comme ne pouvant être raisonnablement remis en question.

2. [Constr. avec un compl. prép. de ou un adj. désignant un ordre de choses ou des valeurs] Faculté de connaître, de comprendre, d'apprécier de façon intuitive et immédiate (un ordre de choses, des valeurs).

* Sens interne ou sens intime (vieilli). Conscience, faculté grâce à laquelle l'homme a la connaissance immédiate de ses états psychiques.

* Sens moral. Conscience morale, sentiment immédiat du bien et du mal.

* Sens pratique, sens utilitaire. Faculté de discerner ce qui est utile, profitable.

3. a) [Constr. avec à ou dans] Manière de juger, de comprendre (d'une personne); sentiment, opinion.

* Abonder dans le sens de qqn. Exprimer sans réserve, parfois avec excès, la même opinion que quelqu'un.

* Parler dans le sens de qqn. Exprimer la même opinion, le même avis que quelqu'un.

* b) [Constr. avec dans ou en] Manière de voir; point de vue particulier.

II. - [Propriété d'un objet de pensée ou d'un signe]

A. - [Signification]

1. Idée, signification représentée par un signe ou un ensemble de signes; représentation intelligible évoquée ou manifestée par un signe ou une chose considérée comme un signe.

2. En partic. Signification d'un élément signifiant d'une langue (ou d'un langage).

* Au sens + adj. Dans l'acception, la signification (déterminée par l'adj.) du terme.

B. - [Fondement, justification]

1. Idée, suite d'idées, raisonnement auquel un objet de pensée se rapporte et se trouve ainsi justifié, fondé dans son existence.

2. Manière de comprendre une chose, signification qu'a une chose pour une personne et qui constitue sa justification.

⁵ Trésor de la langue française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения 05.11.2017).

Среди современных значений французской лексемы *sens* есть совпадения⁶ со значениями английского *sense*, однако отметим, что они расположены в словарной статье ниже значений, связанных с физическими ощущениями, удовольствиями и импульсами. Как и в словаре Французской Академии 1835 г., в словарной статье присутствует отсылка к физиологическим потребностям организма при использовании *sens* в форме множественного числа: *impulsion* (импульс), *besoin organique dont la satisfaction est source de plaisir pour l'individu* (органическая потребность, удовлетворение которой является источником удовольствия для индивида), *instinct sexuel* (сексуальный инстинкт), *besoin de satisfaire l'instinct sexuel* (потребность удовлетворить сексуальный инстинкт). Чтобы обеспечить наиболее точную передачу значений *bon sens*, *sens commun* (здравый смысл), *sens pratique* (практичный ум), необходимо добавление второго слова. Усложнение грамматической структуры данного понятия привело бы к нарушению симметрии грамматической передачи двух компонентов в названии романа, как мы отмечали выше.

Отметим, что в словаре TLFi также представлена отдельная словарная статья для омонима рассмотренной лексемы *sens*. В ней сгруппированы значения с тематической отнесенностью *orientation* (ориентация), *direction* (направление) и др. Мы не приводим здесь эту словарную статью ввиду ее общей нерелевантности для передачи рационального компонента *sense* при переводе названия романа. Однако мы допускаем (и рассмотрим ниже более подробно) возможное влияние этих значений на восприятие понятия *sens* французской аудиторией в наше время.

С целью выявить факторы, которые могли повлиять на отказ современных переводчиков на французский язык от лексемы *sens* при переводе названия романа, обратимся к самым актуальным значениям лексемы согласно данным ассоциативного словаря *Dictionnaire associatif du Français (DAF)*⁷. В ходе реконструкции ассоциативного поля понятия *sens*, мы разделили⁸ реакции на тематические категории.

Dictionnaire associatif du Français (DAF)

1. Разум, здравый смысл, логика, философия, интеллектуальные способности: *vie* 14, *commun* 3, *bon* 2, *logique* 2, *raison* 2, *comprendre* 1, *devoir* 1, *humour* 1, *idée* 1, *idéologie* 1, *intérêt* 1, *partagé* 1, *philosophie* 1, *raisonnable* 1, *recherche* 1, *responsabilité* 1, *sensé* 1, *valeur* 1.

Итого: 36 (6,8 %) от общего числа реакций 523.

2. Чувства, эмоции: *émotion* 1, *extase* 1, *-itif* 1, *joie* 1, *nul* 1, *plaisir* 1, *ressentir* 1, *sensibilité* 1, *sensible* 1, *sentiment* 1, *tromperie* 1.

Итого: 11 (2,1 %) от общего числа реакций 523.

3. Органы чувств, физические ощущения: *vue* 29, *cinq* 26, *odorat* 21, *toucher* 21, *ouïe* 20, *goût* 13, 5–7, *ouïe*⁹ 6, *sixième* 6, *nez* 4, *perception* 4, *odeur* 3, 6–2, *réalité* 2, *rythme* 2, *sensation* 2, *six* 2, *cinquième* 1, *éveil* 1, *extérieur* 1, *goûter* 1, *heure* 1, *la vue* 1, *les 5 sens* 1, *liaison* 1, *lieu* 1, *mauvais* 1, *olfactif* 1, *organes* 1, *oui* 1 (*ouïe* с опечаткой), *sensibilité* 1, *sensible* 1, *sentir* 1, *sixième sens* 1, *son* 1, *tromperie* 1, *ville* 1, *vision* 1.

Итого: 191 (36,5 %) от общего числа реакций 523.

4. Направление, движение, дорожное движение (контекст транспортного сообщения): *direction* 118, *interdit* 24, *inverse* 10, *flèche* 7, *unique* 7, *orientation* 6, *but* 4, *gauche* 4, *vers* 4, *voie* 3, *dessus* 2, *direct* 2, *droite* 2, *envers* 2, *giratoire* 2, *nord* 2, *opposé* 2, *aiguille* 1, *aléatoire* 1, *à l'envers* 1, *anti-sens* 1, *chemin* 1, *circulation* 1, *contraire* 1, *contre* 1, *de la route* 1, *de l'orientation* 1, *dessous* 1, *dessus dessous* 1, *directive* 1, *diriger* 1, *endroit* 1, *extérieur* 1, *impasse* 1, *indication* 1, *montre* 1, *ouverture* 1, *panneau* 1, *route* 1, *rue* 1, *tourniquet* 1, *train* 1, *trajectoire* 1, *vecteur* 1, *vent* 1, *vertical* 1.

Итого: 230 (43,9 %) от общего числа реакций 523.

⁶ Например, *faculté de bien juger*, *capacité de bien juger* (способность здраво судить), *capacité de [...] prendre une décision* (способность принять решение) и др.

⁷ При использовании данных DAF здесь и далее мы учитывали ответы только тех респондентов, для которых французский язык является родным.

⁸ Мы допускаем наличие некоторой субъективной погрешности с нашей стороны при разделении коннотаций на тематические категории. Однако ее влияние на пропорциональные отношения (итоговое количественное соотношение) между самыми частотными категориями не является значительным.

⁹ Приводится точная орфография ответов респондентов по данным словаря: вероятно, под *ouïe* подразумевалось слово «слух», которое в правильном орфографическом написании *ouïe* также присутствует среди реакций.

5. Значение / смысл и его свойства: *signification* 14, *mot* 6, *contresens* 5, *direct* 2, *opposé* 2, *origine* 2, *sémantique* 2, *signifiant* 2, *aléatoire* 1, *autre* 1, *caché* 1, *contraire* 1, *définition* 1, *deuxième* 1, *diverse* 1, *explication* 1, *faux* 1, *figuré* 1, *histoire* 1, *idée* 1, *incompréhension* 1, *mots* 1, *non* 1, *non sens* 1, *notion* 1, *nul* 1, *objectif* 1, *parole* 1, *phrase* 1, *signifié* 1, *signifier* 1, *valeur* 1.

Итого: 59 (11,28 %) от общего числа реакций 523.

6. Прочие реакции на стимул, не дифференцируемые явно по категориям тематической отнесенности: *sens* 1 (стимул в качестве реакции на себя), *dérèglement* 1, *montrer* 1, *on* 1.

Итого: 4 (0,76 %) от общего числа реакций 523.

Как мы видим, на стимул *sens* самыми частотными (230, или 44 % от общего числа реакций) являются ассоциации, связанные с направлением, а также дорожным движением (само слово *sens* часто встречается в дорожных указателях одностороннего, встречного и других видов движения). Второе место по частотности (191, или 37 %) занимают реакции, связанные с физическими ощущениями и органами чувств. Третье место (59, или 11 %) занимают коннотации, связанные с обозначением. Лишь четвертое место (36, или 7 %) занимают реакции, связанные с теми значениями, которые являются релевантными для передачи английской лексемы *sense* в названии романа: разум и здравый смысл. Непосредственно реакция *raison* (разум) как ответ на стимул *sens* отмечена только у двух респондентов (0,3 % от общего числа реакций).

Крайняя многозначность лексемы *sens* в современном французском языке, а также частотность ассоциаций с коннотациями *направление* и *значение* (обозначение), могли повлиять на отказ современных переводчиков от данной лексемы при переводе рационального компонента *sense*. Кроме того, как мы отмечали выше, значения французской лексемы *sens*, связанные с разумом и здравым смыслом, нуждаются в дополнительном слове (усложнении грамматической структуры) для уточнения смысла: *bon sens*, *sens commun* – «здравый смысл». Мы предполагаем, что, поскольку название романа в оригинале на английском языке состоит из двух ключевых контрастных понятий, перевод одного из них в виде двух слов нарушил бы симметрию авторской концепции Дж. Остин.

Вероятно, в переводах названия романа на французский язык лексема *raison* была выбрана не только по причине соответствия ее значений оригиналу, но также благодаря простой грамматической структуре, состоящей всего из одного слова.

Перейдем к рассмотрению значений лексемы *raison*, которую абсолютное большинство рассматриваемых переводчиков на французский язык выбрали для передачи английской лексемы *sense*. Для начала рассмотрим основные значения лексемы *raison* по словарю Французской Академии 1835 г. с целью выявить факторы, которыми был обусловлен выбор Изабель де Монтольё.

Dictionnaire de l'Académie française (1835)

- 1) RAISON s.f. Faculté intellectuelle, par laquelle l'homme est distingué des bêtes.
- 2) Raison, se prend aussi quelquefois pour le bon sens, le bon usage de la raison.
- 3) Raison, se prend aussi quelquefois pour tout ce qui est de devoir, de droit, d'équité, de justice.
- 4) Raison, signifie encore, satisfaction, contentement sur quelque chose qu'on demande, qu'on prétend.
- 5) Raison, signifie aussi, preuve par discours, par argument, et dans cette acception il a un pluriel.
- 6) Raison, signifie aussi, sujet, cause, motif.

В целом, значения французской лексемы *raison* по данным словаря Французской Академии 1835 г. достаточно точно передают значения английской лексемы *sense* по данным словарей английского языка эпохи Дж. Остин. Например, *le bon sens* (здравый смысл), *le bon usage de la raison* (правильное применение разума) соответствуют *understanding* (понимание), *strength of natural reason* (сила естественного разума) из словарей С. Джонсона. Следует отметить, что в словаре Французской Академии 1835 г. добавляется еще одно значение: *tout ce qui est de devoir, de droit, d'équité, de justice* (то, что связано с долгом, правом, равенством,

справедливостью). Мотив долга вполне соответствует поведению Элиноор, с образом которой традиционно связан рациональный компонент *sense* в названии романа.

Итак, в переводе названия романа Изабель де Монтольё лексема *raison* не только отражает значения английской лексемы *sense* (здравый смысл и разумное поведение) но и дополняет их контекстом долга и справедливости.

С целью выявить факторы, повлиявшие на выбор современных переводчиков в пользу лексемы *raison* при передаче рационального компонента *sense* в названии романа, обратимся к словарю TLFi.

Trésor de la Langue Française informatisé (TLFi)

I. Sens subjectif, toujours au sing., le plus souvent avec art. déf.

A. Principe pensant; mode de pensée.

1. [P. oppos. à l'instinct de l'animal] Faculté qu'a l'esprit humain d'organiser ses relations avec le réel; son activité considérée en général tant dans le domaine pratique que dans le domaine conceptuel. Synon. pensée, intelligence, esprit, connaissance.

2. Ensemble des facultés intellectuelles considérées du point de vue de leur état et de leur usage (capacité, force, intensité) par rapport à la normale. Synon. esprit.

3. a) [P. oppos. au cœur en tant que siège de l'affectivité, source du sentiment, de la passion et p. oppos. à la volonté en tant que source du caprice] Faculté de bien juger, de discerner le vrai du faux, le bien du mal; ensemble des qualités de celui ou de celle qui sait se rendre maître de ses impulsions, de son imagination, notamment dans son comportement, dans ses actes. Synon. sagesse, bon sens, discernement, jugement, mesure.

b) P. méton. Caractère de ce qui est conforme à la logique, au bon sens; signification raisonnable de quelque chose. Synon. sens.

4. Le plus souvent en log. et dans le lang. des sc. [P. oppos. à l'intuition, à la connaissance intuitive] Intelligence en tant que source de l'activité conceptuelle et visant à la connaissance discursive; faculté qui ordonne discursivement les faits et les notions, qui démontre, qui calcule.

5. PHILOS. Faculté des principes.

a) [S'oppose à l'expérience] Pouvoir de former les principes; p. méton., ensemble de ces principes, indépendants de l'expérience et que l'on peut connaître par le raisonnement, par la réflexion.

En partic.

◆ [Chez Kant]

Raison ou raison pure ou raison spéculative ou raison théorique.

b) [Le plus souvent avec adj.] Faculté de concevoir l'infini, l'absolu; p. méton., l'infini lui-même, la norme absolue (généralement identifiés à Dieu ou personnifiés par Dieu).

6. PHILOS., HIST. DES IDÉES. Raison (naturelle) (s'oppose à la foi en tant que source de la connaissance révélée). Principe universel, source de toute connaissance véritable, juste.

- [Au XVIIIe s., éventuellement avec une majuscule, la raison considérée comme idéal de progrès intellectuel, moral, scientifique visant le bonheur de l'humanité]

II. Sens objectif, souvent au plur., notamment sous infra II A 2 et 3.

A. 1. Ce qui rend compte d'un fait, d'un phénomène. Synon. cause, explication, origine, fondement, (le) pourquoi, principe.

2. Ce qui légitime, justifie une manière d'être, d'agir ou de penser. Synon. mobile, motif.

3. Gén. au plur.

a) Argument pour convaincre, preuve pour démontrer, notamment dans le cours d'une discussion.

b) P. ext., dans des loc. figées, vieilli

Propos, arguments (pour plaider sa cause).

Все рассматриваемые нами переводчики передают английское понятие *sense* через лексему *raison* (разум), что является вполне адекватным решением. По своим значениям данная лексема близка к понятию *sense* как *good judgment* (рассмотренному нами ранее в словаре Cambridge Dictionary). Подтверждаем цитатой из французского словаря: *faculté de bien juger, de discerner le vrai du faux, le bien du mal* (способность здраво судить о чем-л., отличать правду от лжи, хорошее от плохого). В определениях английского *sense* (см. его значения выше) и французского *raison* есть также и идентичность значений в сфере здравого, практического и реалистичного отношения к ситуации: *caractère de ce qui est conforme à la logique, au bon sens* (свойство того, что согласуется с логикой, здравым смыслом). В значениях французской лексемы *raison* присутствует также важное уточнение, непосредственно касающееся противопоставления разума спонтанному и импульсивному поведению: *ensemble des qualités de celui ou de celle qui sait se rendre maître de ses impulsions, de son imagination, notamment dans*

son comportement, dans ses actes (качества того, кто умеет сдерживать импульсивные желания и побуждения в своем поведении, в своих поступках). Этот нюанс смысла очень важен для отражения сущности романа Дж. Остин в его названии. Как мы отмечали ранее, в определениях словаря Oxford Dictionary значения английской лексемы *sense* связывались с понятием *rationale*. При этом словарь Oxford Dictionary дает следующее определение для *rationale*: *a set of reasons or a logical basis for a course of action or belief* (разумная мотивировка или логическая основа для действия или убеждения). Во французском словаре встречается идентичное значение лексемы *raison*: *ce qui légitime, justifie une manière d'être, d'agir ou de penser* (то, что делает законным, оправдывает какой-либо способ существования, образ поведения или мыслей).

Отметим, что в значениях французской лексемы *raison* подчеркивается способность разума к высокоинтеллектуальной деятельности. В числе синонимов предлагаются *pensée* (мысль), *intelligence* (интеллект), *esprit* (дух, интеллект), *connaissance* (знание). Прослеживаются связи с философским и историческим контекстами. В их числе *principe universel, source de toute connaissance véritable, juste* (универсальный принцип, источник всякого истинного и правильного знания). Присутствует также важное примечание, описывающее понимание данной лексемы в XVIII в. (перед эпохой написания романа): *la raison considérée comme idéal de progrès intellectuel, moral, scientifique visant le bonheur de l'humanité* (разум как идеал интеллектуального, нравственного и научного прогресса, направленного на счастье человечества).

Таким образом, рациональный компонент в названии романа получает во французских интерпретациях дополнительное значение образованного ума и высокого интеллекта. Отметим, что среди значений лексемы *raison* есть также значение «причина». Рассмотрим подробнее самые актуальные современные значения лексемы *raison*, используя данные ассоциативного словаря Dictionnaire associatif du Français (DAF).

Dictionnaire associatif du Français (DAF)

tort 44; coeur 29; esprit, pensée 19; folie, sentiment 17; cause 16; passion, réflexion 12; intelligence, sagesse 11; conscience, être 10; savoir, vrai 9; cerveau, logique, motif, philosophie 7; rationnel, tord 6; déraison, explication, garder, homme, Kant, sage 5; but, d'être, foi, pourquoi, pure, sens, tête, vérité 4; Descartes, droit, fort, idée, ignore, justice, maturité, morale, science 3; bêtise, choix, du plus fort, excuse, humain, justification, mensonge, moi, penser, prétexte, raisonnable, raisonnement, raisonner, rationalité, réfléchi, sentiments, sociale, volonté 2; ?, absurde, abusée, accord, âge, âge de, âme, amour, argument, argumentation, avis, avoir, bien, bonbon, cartésien, cérébral, cidre, cognition, concept, connaissance, coordonné, correct, désir, de vivre, dieu, discours, doute, éducation, entendement, état, femme, force, fou, futur, guide, illogique, intellect, irraisonnable, irrationnel, jugement, juste, la fontaine, limite, logos, loi, lucide, lumière, lumières, maison, mathématiques, mental, moral, motivation, normalité, opinion, oui, parler, pas tort (pas tort с опечаткой), philo, philosophe, psychologique, pur, raison (стимул в качестве реакции на себя), réfléchir, rigide, santé, sciences, sensation, sûr, terre à terre, têtû, tors (tort с опечаткой), travail, vide, vivre, voix 1.

(497, 138, 11, 76)

Среди них выделяются ассоциации, связанные с высокоинтеллектуальной деятельностью, философией, просвещением и образованием: *esprit* 19 «дух», *pensée* 19 «мысль», *réflexion* 12 «размышление», *intelligence* 11 «ум, интеллект», *sagesse* 11 «мудрость», *conscience* 10 «сознание», *être* 10 (raison d'être «смысл жизни»), *savoir* 9 «знать», *cerveau* 7 «мозг», *logique* 7 «логика», *philosophie* 7 «философия», *rationnel* 6 «рациональный», *garder* 5 (raison garder «следовать здравому смыслу»), *Kant* 5 «Кант», *sage* 5 «мудрый», *pure* 4 (raison pure «чистый разум» в философии И. Канта), *Descartes* 3 «Декарт», *science* 3 «наука», *raisonnable* 2 «разумный», *raisonnement* 2 «рассуждения», *raisonner* 2 «рассуждать, мыслить, убеждать», *rationalité* 2 «рациональность», *réfléchi* 2 «продуманный», *âge* 1 «возраст», *âge de* 1 (âge de raison «возраст зрелости»), *cartésien* 1 «картезианский» (философская категория), *cérébral* 1 «мозговой», *cognition* 1 «познание», *concept* 1 «концепт», *connaissance* 1 «знание», *éducation* 1 «образование», *intellect* 1 «интеллект», *jugement* 1 «суждение», *lumière* 1 «свет» (Siècle des Lumières «Эпоха Просвещения»), *lumières* 1 (см. lumière), *mathématiques* 1 «математика», *philosophe* 1 «философ», *pur* (raison pure «чистый разум»), *réfléchir* 1 «размышлять», *sciences*

1 «науки», *voix* 1 «голос» (*voix de la raison* «голос разума»). К этой категории относится 181 реакция, что составляет 36 % от общего числа реакций 497.

Подобные ассоциации являются важным дополнением к значениям рационального компонента в названии романа, изначально выражавшим через английскую лексему *sense* только здравый смысл, понимание ситуации, реалистичное и практичное отношение, здравое суждение. Таким образом, с помощью лексемы *raison* переводчики на французский язык использовали прием генерализации. Также прослеживается связь с французской лексемой *sens*, которая стала реакцией на стимул *raison* 4 раза (0,8 % от общего числа реакций).

В сознании современных французов понятие *raison* является одним из ключевых в базовых мировоззренческих концептах и представлениях об уме, разуме и рассудке. Оно выступает как *эталон правильного действия и советчик* [Голованивская, 2009. С. 220]. М. К. Голованивская отмечает, что «*Raison одушевляется, он наделен голосом, его можно слушать, услышать*». На наш взгляд, данная коннотация голоса разума как советчика, которого можно слушать и к которому нужно прислушаться, наиболее точно вписывается в воспитательное послание романа Дж. Остин «Sense and Sensibility», где зрелость человеческой личности заключается в ее способности прислушаться к голосу разума. Это соответствие представляет собой еще одно подтверждение адекватной передачи рационального компонента *sense* на французский язык с помощью лексемы *raison*.

Если при передаче рационального компонента *sense* в названии романа абсолютное большинство переводчиков на французский язык выбрали французскую лексему *raison*, то при передаче иррационального компонента *sensibility* их мнения разошлись.

Перевод иррационального компонента *sensibility*

Перейдем к рассмотрению вариантов перевода на французский язык иррационального компонента человеческого поведения *sensibility*.

Изабель де Монтольё предпочла оставить наиболее близкий оригиналу эквивалент *sensibilité*, прибегнув, таким образом, к буквальному переводу. Рассмотрим значения лексемы *sensibilité* по данным словаря Французской Академии 1835 г., чтобы получить наиболее точное представление о том, что значили эти понятия в эпоху жизни переводчицы.

Dictionnaire de l'Académie française (1835)

- 1) Qualité par laquelle un sujet est sensible aux impressions des objets.
- 2) Il se dit de même dans les choses morales.
- 3) Sensibilité, se dit aussi, tant des sentiments d'humanité qui font qu'on est touché des misères d'autrui, que des sentiments de tendresse et d'amour.

Лексема *sensibilité* означает чувствительность: *qualité par laquelle un sujet est sensible aux impressions des objets* (качество, через которое субъект чувствителен к воздействиям объектов). Есть указание на то, что речь идет не только о физических воздействиях: *il se dit de même dans les choses morales* (об этом же говорится в области моральных понятий). По данным словаря Французской Академии 1835 г., лексема *sensibilité* также означает сочувствие: *sentiments d'humanité qui font qu'on est touché des misères d'autrui* (человечные чувства, делающие кого-либо растроганным страданиями других). Среди значений французской лексемы *sensibilité*, по данным словаря Французской Академии 1835 г., есть также отсылка к романтическим чувствам *sentiments de tendresse et d'amour* (чувства нежности и любви). Безусловно, эти значения *sensibilité* близки сентиментальному жанру¹⁰, а также характеру Марианны, с образом которой традиционно связан иррациональный компонент *sensibility* в названии романа. На первый взгляд может показаться, что иррациональный компонент в переводе названия Изабель де Монтольё добавляет романтические, сентиментальные

¹⁰ В рамках этого литературного течения Изабель де Монтольё создавала свой перевод романа Дж. Остин, а также собственные произведения.

нюансы к значениям английской лексемы *sensibility*, ведь среди словарных значений английской лексемы в словарях С. Джонсона и современных словарях Cambridge Dictionary и Oxford Dictionary не было указаний на сентиментальность. Однако при пояснении исторического и культурного контекста мы ранее упоминали, что культ чувствительности и порывов сердца был популярен в литературе в течение почти всего XVIII в. Со временем у него появились критики, а после революции во Франции англичане начали отказываться от сентиментальности и культа необузданных порывов сердца в литературных произведениях.

Рассмотрим основные значения лексемы *sensibilité* по данным современного словаря французского языка TLFi, чтобы оценить вероятное восприятие перевода названия Изабель де Монтольё французской аудиторией в наше время, а также попытаться выявить, почему никто из современных переводчиков на французский язык не выбрал лексему *sensibilité* для передачи иррационального компонента *sensibility* в переводах названия романа.

Trésor de la Langue Française informatisé (TLFi)

- I. [Propriété ou faculté d'un être vivant, d'un organe]
 - A. Dans le domaine physique
 - 1. Propriété de la matière vivante de réagir de façon spécifique à l'action de certains agents internes ou externes.
 - B. Dans le domaine affectif
 - 1. [En parlant d'une pers.] Faculté de ressentir profondément des impressions, d'éprouver des sentiments, de vivre une vie affective intense.
 - En partic. Faculté d'éprouver de la sympathie, de la compassion, de l'amour.
- II. [Propriété d'un instrument, d'un appareil, d'un matériau]
 - A. Aptitude à détecter de faibles grandeurs ou variations.
 - B. Aptitude à réagir plus ou moins rapidement.

Как мы видим, по основным значениям существенных изменений нет: *faculté de ressentir profondément des impressions, d'éprouver des sentiments, de vivre une vie affective intense* (способность глубоко чувствовать воздействия, испытывать чувства, жить интенсивной эмоциональной жизнью). Также остаются актуальными значения сочувствия и любви: *faculté d'éprouver de la sympathie, de la compassion, de l'amour* (способность испытывать симпатию, сочувствие, любовь). Руководствуясь этими значениями лексемы *sensibilité*, связанными с глубокой чувствительностью, состраданием и романтическими чувствами, мы приходим к выводу, что они достаточно точно отражают характер героини романа Марианны.

Напомним, что среди значений иррационального компонента *sensibility*, по данным словарей эпохи Дж. Остин, были *quickness of sensation* (быстрота ощущения) и *quickness of perception* (быстрота восприятия). Среди современных значений *sensibilité* (по данным TLFi) также есть упоминание о более или менее высокой скорости реакции. Однако в наше время оно приписывается неодушевленным объектам: инструментам, аппаратам и др.

С целью выявить самые актуальные значения лексемы *sensibilité* рассмотрим данные ассоциативного словаря DAF, в котором лексема *sensibilité* присутствует только как реакция (формат обратного словаря).

Dictionnaire associatif du Français (DAF)

émotion 7; intelligence 2; attention, cheval, dent, douleur, fou, magnifique, sens, vérité 1.
(17, 10)

Отметим, что в этих данных, характерных для восприятия лексемы современной аудиторией, отражается отсутствие коннотаций, связанных с романтическими чувствами. Вероятно, именно постепенная утрата в языке подобных ассоциаций повлияла на выбор французских переводчиков в пользу других лексем при переводе иррационального компонента в названии романа.

Кроме того, на наш взгляд, отказ всех современных переводчиков от этой лексемы при переводе иррационального компонента *sensibility* в названии романа обусловлен тем, что современные переводчики стараются избегать ассоциаций с сентиментализмом XVIII в. как своего рода клише. Вместо этого, они прибегли к расширению смысла.

Ж. Кастье и П. Губер выбрали для передачи значения иррационального компонента *sensibility* французскую лексему *cœur* (сердце).

Trésor de la Langue Française informatisé (TLFi)

- I. [Le cœur dans sa réalité physique]
- II. [Le cœur comme foyer ou réceptacle de la vie intérieure]
 - A. [P. réf. à l'automatisme cardiaque; le cœur comme organe ou lieu d'une saisie plus ou moins automatique]
 - 1. Gén. dans des loc. figées. Mémoire mécanique.
 - 2. Mémoire affective :
 - 3. Mode de connaissance intuitif, gén. opposé à l'intelligence rationnelle, discursive.
 - B. [P. réf. à l'intériorité et à l'activité de l'organe en tant que facteur central de la vie hum. individuelle]
 - 1. En gén. Le fond secret d'un être, dans son unité et sa vérité primitives, cachées sous les apparences ou se révélant dans un élan de spontanéité, de sincérité; ensemble des sentiments et idées intimes commandant le comportement d'un individu.
 - 2. En partic. (avec une nuance de jugement moral)
 - a) Conscience morale (naturelle ou religieuse), ensemble des vertus et/ou des vices qui caractérisent tel individu.
 - b) (Qualité morale du) caractère.
 - C. - [Le cœur comme foyer ou réceptacle du dynamisme moral, de certaines tendances volitives]
 - D. [Le cœur comme foyer ou réceptacle de la vie affective]
 - 1. Centre de résonance de la sensibilité aux phénomènes extérieurs, de la disposition à y répondre par des émotions diverses (joie, peine, colère, etc.)
 - 2. Centre général de résonance ou de rayonnement des sentiments. Affections, besoins, sentiments du cœur.
 - 3. Siège des sentiments liés à des situations particulières.
 - a) Dans les rapports familiaux, amicaux
 - b) Dans les rapports amoureux (gén. p. oppos. à la sensualité, à la sexualité)
 - c) Dans les rapports soc., humanitaires.

Таким образом, Ж. Кастье и П. Губер прибегли к метонимическому переводу и расширили возможные интерпретации иррационального компонента, так как с лексемой *Cœur*, по данным словаря TLFi, связаны следующие значения:

- 1) *mode de connaissance intuitif, gén. opposé à l'intelligence rationnelle, discursive* – интуитивное знание, обычно противопоставляемое рассудочному интеллекту;
- 2) *ensemble des sentiments et idées intimes commandant le comportement d'un individu* – совокупность личных чувств и мыслей, руководящих поведением индивида;
- 3) *conscience morale (naturelle ou religieuse), ensemble des vertus et/ou des vices qui caractérisent tel individu* – нравственное сознание (врожденное или религиозное), совокупность добродетелей и/или пороков, характеризующих индивида;
- 4) *centre de résonance de la sensibilité aux phénomènes extérieurs, de la disposition à y répondre par des émotions diverses (joie, peine, colère, etc.)* – центр «резонанса» чувствительности к внешним явлениям, склонности отвечать на них разнообразными эмоциями (радостью, болью, гневом и др.);
- 5) *centre général de résonance ou de rayonnement des sentiments* – общий центр «резонанса» и «излучения» чувств;
- 6) *siège des sentiments liés à des situations particulières* – место пребывания чувств, связанных с определенными ситуациями:
 - a) *dans les rapports familiaux, amicaux* – в семейных и дружеских отношениях;
 - b) *dans les rapports amoureux (gén. p. oppos. à la sensualité, à la sexualité)* – в любовных отношениях (в целом, как противопоставление чувственности, сексуальности);
 - c) *dans les rapports soc., humanitaires* – в общественных и гуманистических отношениях.

Они указывают на то, что семантика лексемы *cœur* (сердце) включает в себя не только *sensibility* (чувствительность), но и многие другие нюансы смысла, в том числе более широ-

кую сферу личных чувств (в частности, личных, дружеских и любовных), сферу нравственности и добродетели, сферу интуитивного знания.

Чтобы дополнить раскрытые нами значения лексемы *coeur* самыми актуальными данными, рассмотрим реакции на этот стимул по данным ассоциативного словаря Dictionnaire associatif du Français (DAF).

Dictionnaire associatif du Français (DAF)

amour 151; organe 45; vie 28; sang 23; rouge 20; battement, battre 15; aimer 14; sentiment 11; brisé, poumon 10; âme 9; artère 7; muscle 6; sentiments 5; artichaut, centre, ouvert, pierre, raison 4; cerveau, foie, passion, pique, poumons, rein, tendre, vital 3; aorte, artères, bonté, générosité, gros, rose, soeur, tête, veine 2; abandon, ami, anatomie, à prendre, as, bat, battant, battements, biologie, boeuf, bon, bravoure, briser, chéri, choeur, climax, collier, corps, de lion, de pierre, dessin, dissection, don, don d'organes, église, émotion, esprit, estomac, fleur, forme, humain, indispensable, infarctus, joli, main, mal, malade, mécanique, milieu, myocarde, opération, or, paix, palpitant, palpiter, peine, pie, poitrine, pompe, pouls, pulsions, pur, restos, santé, séduction, sensible, serré, sexe, solidarité, sur la main, symbole, tendresse, traître, trèfles, trou, vaillant, vaisseaux, valvule, velours, ventricule, viscères 1.

(504, 108, 2, 71)

Выделим ассоциации, связанные со сферой человеческих чувств (в том числе романтических): amour 151 «любовь», aimer 14 «любить», sentiment 11 «чувство», brisé 10 (coeur brisé «разбитое сердце»), âme 9 «душа», sentiments 5 «чувства», artichaut 4 (avoir un cœur d'artichaut «легко влюбляться»), passion 3 «страсть», tendre 3 «нежный», bonté 2 «доброта», générosité 2 «великодушные», soeur 2 (soeur de coeur «родственная душа»), ami 1 (ami de coeur «близкий друг»), à prendre 1 (coeur à prendre «свободное для любви сердце»), bon 1 (de bon coeur – «охотно, с удовольствием»), briser 1 «разбить», chéri 1 «любимый», émotion 1 «эмоция», main 1 (avoir le cœur sur la main «быть откровенным»), peine 1 (peine de coeur «сердечная боль»), séduction 1 «соблазнение», sensible 1 «чувствительный», sur la main 1 (avoir le cœur sur la main «быть откровенным»), tendresse 1 «нежность», vaillant (coeur vaillant «храброе сердце»). Эти ассоциации составляют 229 (45 %) из общего числа реакций 504.

Актуальность в современном французском языке ассоциаций, прямо указывающих на разбитое сердце (brisé 10, briser 1, peine 1), является важным дополнением к интерпретации значений, выделенных нами ранее в словаре TLFi. Воспитательное послание романа Дж. Остин заключается именно в этом: пренебрежение здравым смыслом и доводами разума в пользу всепоглощающих чувств может привести человека к страданиям. На наш взгляд, метафора разбитого сердца (как потенциальная ассоциация читателей, вызываемая лексемой *coeur* в названии романа) является адекватным эквивалентом для коннотации уязвимости, свойственной сентиментальной чувствительности. При этом в переводе названия романа нет прямого указания на сентиментальность или чувствительность, что позволяет избежать прямой отсылки к устаревшей моде на сентиментальность.

Таким образом, для переводческого решения Ж. Кастье и П. Губера характерны метонимия, расширение исходного смысла через лексему *coeur* и сохранение коннотации хрупкости и уязвимости личности (свойственной восприятию данной лексемы современной французской аудиторией).

Что касается названия перевода Ж. Прива, оно расширяет возможные смысловые интерпретации иррационального компонента *sensibility* при помощи французской лексемы *senti-*ment во множественном числе *sentiments* (чувства), что достигается посредством приема генерализации.

Trésor de la Langue Française informatisé (TLFi)

État affectif complexe, assez stable et durable, composé d'éléments intellectuels, émotifs ou moraux, et qui concerne soit le «moi» (orgueil, jalousie...) soit autrui (amour, envie, haine...).

-Au plur.

Les beaux, les bons, les grands sentiments. Les sentiments nobles, généreux et, p. iron., ceux qui sont exprimés avec trop d'emphase pour être authentiques.

En partic., au sing. ou au plur. Inclination vive qu'une personne ressent pour une autre de sexe opposé. Synon. amour.

Форма мн. ч. *sentiments* означает, прежде всего, *état affectif complexe, assez stable et durable, composé d'éléments intellectuels, émotifs ou moraux, et qui concerne soit le «moi» (orgueil, jalousie...) soit autrui (amour, envie, haine...)*. Другими словами, она указывает на «сложное эмоциональное состояние, достаточно устойчивое и длительное, состоящее из интеллектуальных, эмоциональных или нравственных элементов, касающихся себя (гордость, зависть...) или других (любовь, желание, ненависть...)». Еще одно существенное значение, присущее форме мн. ч., – *inclination vive qu'une personne ressent pour une autre de sexe opposé* (живая склонность, которую кто-либо испытывает к человеку противоположного пола). По двум своим значениям, описанным выше, лексикализованная словоформа *sentiments* сходна с лексемой *coeur*, которая была выбрана другими переводчиками, Ж. Кастье и П. Губером, для передачи английской лексемы *sensibility*.

Обращаем внимание на еще одно значение лексемы *sentiments* в словарной статье: *les beaux, les bons, les grands sentiments* (прекрасные, хорошие, великие чувства). Достаточно примечательно, на наш взгляд, следующее за этим значением указание: *les sentiments nobles, généreux et, p. iron., ceux qui sont exprimés avec trop d'emphase pour être authentiques* (благородные, великодушные чувства и, в ироничном смысле, слишком выставляемые напоказ, чтобы быть настоящими). Это значение иллюстрирует чрезмерную внешнюю эмоциональность человека, ставящую под сомнение истинность выражаемых им чувств. Подобную иронию можно отнести к сентиментальной литературе в целом и, как кажется на первый взгляд, к характеру главной героини романа «Sense and Sensibility» Марианны, воспитанной на сентиментальных романах. Однако отметим, что истинность чувств героини (несмотря на ее юношеский максимализм) вряд ли можно подвергнуть сомнению, так как в романе они становятся причиной психосоматического расстройства (потрясения и болезни). В ее жизни это был кризис, в результате которого Марианна превращается в более зрелую личность. Некоторую иронию можно видеть лишь в привычке героини растревлять и выставлять напоказ свои чувства (что иронично подчеркивается и самой Дж. Остин в повествовании). Если Дж. Остин имела в виду иронию также и в названии, то и в этом случае перевод на французский язык, возможно, сохраняет этот элемент оригинала. Однако истинную актуальность нюанса иронии среди значений лексемы *sentiments* можно выявить лишь посредством ассоциативного эксперимента.

С целью выявить самые актуальные значения словоформы *sentiments* в современном французском языке рассмотрим данные ассоциативного словаря Dictionnaire associatif du Français (DAF), в котором слово *sentiments* представлено как реакция (формат обратного словаря), а не стимул.

Dictionnaire associatif du Français (DAF)

émotion 18; éprouver 17; exprimer 7; coeur 5; amour 4; expression 3; humain, raison, révéler 2; adresser, aimer, âme, attacher, attirer, avouer, confier, contenir, doute, écrire, faible, fier, heureux, mêler, offrir, peine, profond, puissance, un être, voix, yeux 1.

(81, 30)

Как мы видим, в ассоциациях современной французской аудитории никак не прослеживается указанный в словарной статье TLFi смысловой нюанс иронии, что говорит о его специфическом низкочастотном употреблении. Это свидетельствует и о неактуальности данного нюанса в переводе названия «Raison et sentiments» (вряд ли в нем имелась в виду ирония, скорее просто противопоставление чувств разуму). Наиболее частотным стимулом, связанным с реакцией *sentiments* и отражающим адекватность использования данной лексемы для передачи понятия, противопоставленного разуму, является *émotion* 18 (эмоция). Среди дру-

гих наиболее частотных стимулов, подтверждающих целесообразность этого выбора, можно выделить *coeur* 5 (сердце), *amour* 4 (любовь). Наиболее важной характеристикой, на наш взгляд, является большое количество глаголов, связанных со словом *sentiments*: *éprouver* 17 (испытывать), *exprimer* 7 (выражать), *révéler* 2 (выявить, обнаружить); *adresser* 1 (адресовать, направить), *aimer* 1 (любить), *attacher* 1 (присоединять, прикреплять), *attirer* 1 (привлекать), *avouer* 1 (признавать, признаваться), *confier* 1 (доверить, верить), *contenir* 1 (содержать), *écrire* 1 (писать), *mêler* 1 (смешивать), *offrir* 1 (предлагать). Эти реакции составляют 36 (44 %) из общего числа реакций 81. Мы делаем вывод, что наличие значительного количества действий среди самых актуальных значений словоформы *sentiments* в современном французском языке отражает высокий уровень эмоциональной и ментальной динамики, с которым ассоциируется данная лексема во множественном числе у французской аудитории.

Таким образом, главными характеристиками при передаче иррационального компонента *sensibility* через французскую словоформу *sentiments* являются коннотации, связанные с импульсивностью поведения, полного различных действий по выражению или передаче своих эмоций. Отметим, что значение *peine* (боль) является малочастотным (1 раз), т. е. в отличие от лексемы *coeur* (где значения разбитого сердца более частотны) коннотация эмоциональной хрупкости в восприятии современной французской аудиторией словоформы *sentiments* не так выражена. Однако значение эмоциональной уязвимости является, тем не менее, важным для передачи английской лексемы *sensibility*.

На наш взгляд, переводчики Ж. Кастье и П. Губер выбрали наиболее адекватный перевод для передачи иррационального компонента *sensibility* (чувствительность). Выступая прямой противоположностью рациональности, лексема *coeur* (сердце) не только охватывает большое разнообразие эмоциональной жизни человека (включая дружеские и романтические чувства и отношения), но также имеет в восприятии современной французской аудиторией коннотации хрупкости и уязвимости разбитого сердца. Бесспорно, другая лексема *sensibilité* (чувствительность), выбранная в свое время Изабель де Монтольё, непосредственно отражает значение эмоциональной уязвимости личности. Однако мы считаем, что использование лексемы *sensibilité* было бы нецелесообразным в наше время, так как среди коннотаций ее восприятия современной французской аудиторией в повседневной жизни уже не так много ассоциаций, связанных с сентиментальной чувствительностью. При этом, рассматривая лексему *sensibilité* с позиций исторического и культурного контекстов, можно выделить связь с сентиментализмом в европейской литературе XVIII в., что в наше время уже не так актуально и может ассоциироваться с немного наивными клише. В эпоху Дж. Остин, сентиментальный роман и его критика были актуальными течениями в литературе, но в наше время намек на старые литературные клише не способствовал бы возрастанию читательского интереса. Поэтому использование лексемы *sensibilité* нецелесообразно. В свою очередь, употребление лексикализованной словоформы *sentiments* в названии «*Raison et sentiments*» также не является целесообразным, поскольку среди современных ассоциаций данной формы в восприятии современной французской аудиторией тема эмоциональной уязвимости выражена меньше, чем у лексемы *coeur* (сердце).

Мы считаем, что Ж. Кастье и П. Губер выбрали наиболее адекватный перевод названия для передачи значений эмоциональной, иррациональной составляющей жизни человека во всем ее разнообразии, и особенно, – важной для развития мотива эмоциональной хрупкости разбитого сердца.

Выводы

Итак, наиболее адекватным переводом названия романа является вариант Ж. Кастье и П. Губера – «*Le coeur et la raison*». В дополнение к проведенному выше анализу отметим, что с точки зрения французской аудитории сочетание лексем *coeur* и *raison* в макроконтексте может также служить аллюзией на известное высказывание Б. Паскаля, в котором эти два понятия противопоставляются: *Le coeur a ses raisons que la raison ne connaît point* – «У сердца есть свои причины, которые неведомы разуму». Этот классический афоризм достаточно точно иллюстрирует иррациональный аспект человеческой личности, ярко воплощенный в импульсивном поведении юной героини романа Марианны.

Задаваясь вопросом о том, почему Ж. Кастье и П. Губер изменили порядок двух ключевых понятий в названии романа, мы предполагаем, что в структуре названия *Le coeur et la raison* отражен сам хронологический порядок (логическое направление) перехода от иррационального подхода к жизни к рациональному. Это направление от эмоций к разуму естественно для всей истории французской ментальности¹¹. Оно также отражает поэтапный путь от детства к разумной зрелости, к которой пришла юная героиня романа Марианна и к которой приходят все люди в процессе своего взросления. Подобная эволюция также отражена во французской лингвокультуре с помощью выражения *l'âge de raison*, обозначающего определенный этап в развитии интеллектуальных способностей ребенка, к которому он приходит примерно в 7 лет, в начале периода школьного обучения [Bradmetz, Schneider, 1999].

Подведем итог нашего исследования переводов на французский язык рационального и иррационального компонентов *sense* и *sensibility* в названии романа (табл. 3), обобщая выводы, к которым мы пришли.

Таблица 3

Переводы названия романа «Sense and Sensibility»
на французский язык

Перевод компонента <i>sense</i>			
Изабель де Монтольё	Жан Прива	Жюль Кастье	Пьер Губер
<i>Raison</i> (разум)			
Адекватный перевод. Эквивалент значений ума, здравого смысла. Разум как советчик и голос, к которому нужно прислушаться. Добавление коннотаций, связанных с образованием и активной интеллектуальной деятельностью			
Перевод компонента <i>sensibility</i>			
Изабель де Монтольё	Жан Прива	Жюль Кастье	Пьер Губер
<i>Sensibilité</i> (чувствительность) Перевод адекватный лишь для своей эпохи. Буквальная передача. Слабое выражение или утрата ассоциаций с романтическими чувствами в восприятии современной аудиторией. Неактуальная для привлечения современных читателей связь с сентиментализмом как устаревшим литературным клише	<i>Sentiments</i> (чувства) Менее адекватный перевод. Генерализация. Более слабое выражение коннотации эмоциональной хрупкости в ассоциативном восприятии современной аудиторией	<i>Coeur</i> (сердце) Более адекватный перевод. Метонимия. Генерализация. Сохранение коннотации эмоциональной хрупкости (через метафору разбитого сердца) в восприятии современной аудиторией, что важно для сюжета созревания человеческой личности через разочарования	
Порядок слов в названии			
Изабель де Монтольё	Жан Прива	Жюль Кастье	Пьер Губер
Порядок следования рационального и иррационального компонентов в названии сохранен без изменений		Изменение порядка слов структурно отражает хронологический порядок (логическое направление) перехода от иррационального к рациональному поведению в процессе взросления человеческой личности и ее перехода на более зрелый этап жизни	

¹¹ Рациональное начало в мировоззрении французов очень развито на подсознательном уровне: для французского менталитета характерен «рационалистический тип сознания» [Голованивская, 2009. С. 369].

В своих дальнейших исследованиях мы более подробно рассмотрим лексические, грамматические и синтаксические особенности уже самого содержания романа Дж. Остин «Sense and Sensibility» в его переводах на французский и русский языки.

Список литературы

- Белянин В. П. Психолингвистика: Учебник. М.: Флинта: Моск. психол.-соц. ин-т, 2003. 122 с.
- Голованивская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009. 376 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Bradmetz J., Schneider R. La théorie de l'esprit dans la psychologie de l'enfant de 2 à 7 ans. Presses Univ. Franche-Comté, 1999. URL: <https://books.google.ru>
- Collins I. Jane Austen and the Clergy. A&C Black, 2003. URL: <https://books.google.ru/>
- Goubert P. Notice // Le Coeur et la Raison. Paris: Gallimard, 2013. p. 469–487.
- Jordis Ch. Préface // Le Coeur et la Raison. Paris: Gallimard, 2013. p. 7–37.
- Mandal A., Southam B. The Reception of Jane Austen in Europe. A&C Black, 2007. URL: <https://books.google.ru/>
- Wolf A. Translation, Adaptation, Inscription: Displacing God in Austen's Sense and Sensibility. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 2011. URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/2011-v56-n4-meta0154/1011257ar.pdf>

Список словарей

- Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org>
- Dictionnaire associatif du français (2008–2010) / Сост. М. Дебрэнн, Н. В. Уфимцева, А. А. Романенко. URL: <http://dictaverf.nsu.ru/>
- Dictionnaire de l'Académie française. Paris: Paul Dupont, 1835. URL: <https://archive.org/details/dictionnaire02acaduoft>
- Johnson S. A dictionary of the English language. Abstracted from the folio ed., by the author. 1768. URL: <https://books.google.ru/>
- Johnson S., Walker J., Jameson R. S. A Dictionary of the English Language. London: W. Pickering, 1828. URL: <https://books.google.ru/>
- Oxford Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>
- Trésor de la langue française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr>

Материал поступил в редколлегию 06.11.2017

T. V. Bobyleva

Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

bobylevatv@gmail.com

ANALYSIS OF FRENCH TRANSLATIONS OF JANE AUSTEN'S NOVEL TITLE *SENSE AND SENSIBILITY*

The purpose of the study is to analyze four French titles of Jane Austen's novel *Sense and Sensibility* translated by Isabelle de Montolieu (1815), Jules Castier (1948), Jean Privat (1979), Pierre Goubert (2000). The analysis of the title translation is carried out comparing the meanings of its lexemes (interpreting the key elements: sense, sensibility) in English and French dictionaries of the 18th–19th centuries (specifically for Jane Austen's original and de Montolieu's version), modern English and French dictionaries, and associative databases of modern language usage. The method of reconstruction of associative fields is used to reveal general thematic categories, which

include the most frequent associations (the core of associative fields). The analysis is based on the data of French associative dictionary DAF (Institute of Linguistics, RAS in cooperation with NSU). The conclusion emphasizes that the French title *Le Coeur et La Raison* (by J. Castier and P. Goubert) is the most relevant one among the French translations. The analysis is a part of a larger research based on studying the full-text versions of Jane Austen's novel *Sense and Sensibility* done by French and Russian translators.

Keywords: associative field, associative experiment, English, French, Jane Austen, Sense and Sensibility, translation.

References

- Belyanin V. P. *Psikholingvistika: Uchebnik* [Psycholinguistics]. Moscow, Flinta: Moskovskiy psikhologo-socialny institut, 2003, 122 p. (In Russ.)
- Bradmetz J., Schneider R. *La théorie de l'esprit dans la psychologie de l'enfant de 2 à 7 ans*. Presses Univ. Franche-Comté, 1999. URL: <https://books.google.ru>
- Collins I. *Jane Austen and the Clergy*. A&C Black, 2003. URL: <https://books.google.ru/>
- Golovanivskaya M. K. *Mental'nost' v zerkale yazyka. Nekotorye bazovye mirovozzrencheskie kontsepty frantsuzov i russkikh* [Mentality in the mirror of language. Some basic philosophical concepts of the French and the Russians]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2009, 376 p. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura). (In Russ.)
- Goubert P. *Notice. Le Coeur et La Raison*. Paris: Gallimard, 2013, p. 469–487.
- Jordis Ch. *Préface. Le Coeur et La Raison*. Paris: Gallimard, 2013, p. 7–37.
- Mandal A., Southam B. *The Reception of Jane Austen in Europe*. A&C Black, 2007. URL: <https://books.google.ru/>
- Wolf A. *Translation, Adaptation, Inscription: Displacing God in Austen's Sense and Sensibility*. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 2011. URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/2011-v56-n4-meta0154/1011257ar.pdf>

Dictionaries

- Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org>
- Dictionnaire associatif du français (2008–2010) / Сост. М. Дебрени, Н. В. Уфимцева, А. А. Романенко. URL: <http://dictaverf.nsu.ru/>
- Dictionnaire de l'Académie française. Paris: Paul Dupont, 1835. URL: <https://archive.org/details/dictionnaire02acaduoft>
- Johnson S. *A dictionary of the English language. Abstracted from the folio ed., by the author*. 1768. URL: <https://books.google.ru/>
- Johnson S., Walker J., Jameson R. S. *A Dictionary of the English Language*. London: W. Pickering, 1828. URL: <https://books.google.ru/>
- Oxford Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>
- Trésor de la langue française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr>

For citation:

Bobyleva T. V. Analysis of French Translations of Jane Austen's Novel Title *Sense and Sensibility*. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, p. 76–95. (In Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-1-76-95

А. В. Калашников

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия*

remkas@mail.ru

**ПАРОДИИ НА НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
В «ПРИКЛЮЧЕНИЯХ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС»
В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ НАЧАЛА XX ВЕКА**

Статья посвящена особенностям переводов стихотворений, читавшихся Алисой в книге Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес». Анализируемые переводы объединены периодом с 1908 по 1913 г. Особое внимание в работе уделяется передаче гротеска и пародирования. В статье утверждается, что в России в начале XX в. переводы стихотворений из книги Кэрролла выполнялись с учетом элементов гротеска или элементов пародирования либо совмещались эти элементы. Сопоставление переводов и выявление релевантных характеристик поэтического текста позволили сделать вывод о том, что одной из черт переводов стихотворений из книги стала передача элементов пародирования путем включения элементов более известного стихотворения с добавлением описанию гротеска, но реализация такого подхода сказалась на передаче релевантных компонентов стихотворений. В целом переводы изучаемых поэтических фрагментов стали важным этапом в формировании более последовательных переводческих решений для передачи пародирования и гротеска в произведении Кэрролла.

Ключевые слова: «Приключения Алисы в Стране чудес», перевод поэзии, теория перевода, пародия, пародирование, гротеск, русская поэзия.

Введение

Поэзия составляет заметную часть литературного творчества Льюиса Кэрролла. Она представлена и в широко известном его прозаическом произведении «Приключения Алисы в Стране чудес» (далее «Приключения»). Включение в относительно небольшую книгу 11 стихотворений свидетельствует о важности поэтического компонента для авторского замысла. К переводу поэтических фрагментов с гротескными пародиями на нравоучительные стихотворения Кэрролл относился скептически, поэтому рекомендовал их пропускать [Weaver, 1964. Р. 33]. Тем не менее стихотворения переводились начиная с первых изданий, в том числе на русский язык.

В России в начале XX в. (с 1908 по 1913 г.) в Санкт-Петербурге было опубликовано четыре перевода книги, три из которых создавались почти одновременно М. Д. Гранстрем [Кэрролл, 1908], А. Н. Рождественской [Кэрролл, 1908–1909] и П. С. Соловьёвой [Кэрролл, 1909]. В 1913 г. был сделан анонимный перевод [Кэрролл, 1913]. Предлагаемый для исследования материал представлен тремя стихотворениями, читавшимися Алисой: *How doth the Little*

Калашников А. В. Пародии на нравоучительные стихотворения в «Приключениях Алисы в Стране Чудес» в русских переводах начала XX века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 96–107.

Crocodile, You are Old, Father William и *'Tis the Voice of the Lobster*, и их вариантами на русском языке.

Актуальность исследования заключается в том, чтобы продолжить изучение перевода стихотворений, выступающих частью прозаического текста, пародирования, тенденции в переводах «Приключений» использовать иные, более известные, стихотворения для передачи поэтических фрагментов. Эти вопросы перевода стихотворений получили общее освещение, в частности в работах Е. Г. Эткинда [1963], Н. М. Демуровой [1970. С. 180–181], анализировавших перевод П. С. Соловьёвой, и Дж. Коннолли [Connolly, 1996], разбиравшего перевод В. В. Набокова. Тем не менее сопоставления переводов стихов из «Приключений» приблизительно того же периода не проводилось, хотя столь часто – четырежды с 1908 по 1913 г. – переводы этой книги в XX в. не выполняли. В современных работах по теории поэтического перевода [Казакова, 2006; Сагратян, 2001] применимые, в том числе, к этому произведению принципы и подходы изучаются, но в целом эти стихотворения не часто освещаются в значимых работах по теории перевода, возможно, в силу многообразия переводческих решений, требующихся для выражения замысла Кэрролла.

Новизна исследования заключается в изучении ранних, менее известных переводов читавшихся Алисой стихотворений, выполненных в дореволюционной России. Возможность в то время создавать переводы, не руководствуясь строгим соблюдением принципов теории, и вовлеченность в практику перевода писателей и литераторов могли предполагать отступления от оригинала. Рассмотрение переводов начала XX в. позволит привлечь внимание к изучению этапа в переводческой деятельности, когда теория перевода, поэтический перевод и перевод с элементами игры слов находились в России в стадии становления [Демурова, 1992. С. 21; Федоров, 1958. С. 299–301]. Высказывалось мнение, что в тот период применительно к «Приключениям» отсутствовала последовательность в концепции практики перевода [Демурова, 1992. С. 19].

Принимая во внимание период создания переводов и особенности исследуемых стихотворений, в статье будет утверждаться, что в период становления поэтического перевода в России переводы стихотворений из «Приключений» выполнялись с учетом определенных принципов: необходимость сохранить элементы гротеска или элементы пародирования либо совмещение этих элементов, что способствовало закладыванию основ в отношении перевода стихотворений в «Приключениях». Чтобы подтвердить предположение о следовании этим принципам, на материале из четырех переводов будут выявлены передача элементов гротеска, наличие или отсутствие отсылки к пародируемому стихотворению и дополнительные компоненты.

Методика анализа стихотворений в оригинале и переводе

Стихотворения-пародии составляют особую значимую часть «Приключений», выступая заметным признаком произведения, продолжавшего традицию карнавальной культуры [Hennelly, 2009; Шор, 2003]. Карнавальная традиция в этой сказке представлена гротеском и интертекстуальностью, выраженными пародированием известных детям викторианской эпохи стихотворений. Гротеск, свойственный произведениям с карнавальной традицией и стилю литературных произведений Кэрролла [Heyman, Shortleeve, 2011. P. 165], выражается свободой в выборе языковых средств, отсутствием логики и «переворачиванием» принятых в практике понятий, выражением необычного и неожиданного. Такое понимание гротеска позволяет приблизить его к все еще формирующемуся в тот период понятию нонсенса, в связи с чем в работе предлагается пользоваться понятием «гротеск» как эквивалентом нонсенса. Понятие интертекстуальности, понимаемое как «отношение сосуществования двух и более текстов» [Genette, 1997. P. 18], было развито Ю. Кристевой и другими учеными на основе понятия диалогизма (термин М. М. Бахтина) [Bakhtin, 1984]. В исследуемых стихотворениях такое сосуществование текстов представлено преимущественно пародированием известных детских нравоучительных стихотворений.

При анализе переводов будут учтены способы перевода стихотворений, предложенные У. Уивером, американским исследователем творчества Кэрролла, поскольку в них косвенно

утверждалась необходимость сохранения гротеска и пародирования. Изучая ранние переводы «Приключений» на многочисленные языки, Уивер впервые отметил важность выражения в поэтических фрагментах из «Приключений» гротеска и связи с другими произведениями как существенных компонентов для перевода [Weaver, 1964. P. 93]. Он выделил три способа передачи поэтического текста в «Приключениях»: создание иного стихотворения, передача без отсылки к пародируемому стихотворению и третий способ, «особый и оптимальный» [Ibid. P. 85], представленный созданием пародии на известное в культуре языка перевода стихотворение с подражанием стилю английского автора [Ibid.]. Первый способ перевода в анализируемых в данной статье произведениях не выявлен. Второй способ косвенно указывает на перевод без отсылок, что в стихотворениях Кэрролла, представлено в том числе передачей элементов гротеска. Третий способ, перевод-подражание, до Уивера в работах по литературному переводу не упоминался, хотя существовал и представлен, в том числе, в данном исследовании.

Передача поэтических фрагментов требует внимательного изучения и текста оригинала, и текста перевода. В связи с этим в данной статье стихотворения сначала проанализированы в тексте оригинала для понимания контекста и связи с пародируемыми произведениями. Для предлагаемого анализа переводов стихотворения будут сгруппированы по авторам переводов: по три стихотворения из переводов Рождественской и Соловьёвой, два – из перевода Гранстрем и одно – из издания 1913 г. На материале фрагментов из четырех переводов будет обнаружено наличие или отсутствие отсылки к пародируемому стихотворению, передача элементов гротеска и дополнительные компоненты, в частности степень нейтральности лексики в переводе. Такой анализ позволит выявить намерение переводчиков передать сочетание элементов гротеска и пародирования или намерение сосредоточиться на одной из упоминаемых характеристик стихотворений. Степень влияния выявленных принципов передачи стихотворений будет также представлена на примере переводческих решений из изданий «Приключений» начала 1920-х гг., прямо или косвенно связанных с Петроградом и обладающих определенными чертами предыдущих переводов, выполненных в Санкт-Петербурге до революции 1917 г.

Стихотворения в оригинале

Исследуемые стихотворения представляют собой пародии на нравоучительные произведения И. Уоттса из сборника «Божественные песни для детей» 1715 г. «Противу праздности и шалостей» (*Against Idleness and Mischief*), и «Лентяй» (*Sluggard*), а также «Радости старика и как он их приобрел» (*The Old Man's Comforts and How He Gained Them*), написанное в 1799 г. Р. Саути. Расположенные в главах II, V и X прочитанные Алисой стихи в книге связаны. Главная героиня говорила, что предыдущее стихотворение она рассказала неправильно, после чего столь же неудачно пыталась прочитать еще один фрагмент, пародирующий более известный. Очередной искаженный вариант сопровождался критическими репликами персонажей книги: *not the right, wrong, curious, the most confusing that I ever heard* [Carroll, 1978. P. 38, 69, 139]. Собеседники просили рассказать очередное стихотворение, указывая на его начальную строку, тем самым создавая на уровне диалога взаимосвязь, которую можно считать приемом анадиплосис, т. е. повтором последнего слова или части предложения, с которого начинается следующее предложение [Enos, 1996. P. 9]. Без изменений упоминаются лишь части первых строк, например: *How doth the little...* Такие цитирования, похожие на аллюзии-зачины, в оригинале прерываются неожиданным продолжением, в частности введением иных персонажей: *bee – crocodile, sluggard – lobster*, но сходство синтаксических конструкций позволяет узнать пародируемое произведение, даже в тех случаях, когда писатель заменял архаичную лексику на более доступную для понимания во второй половине XIX в. Заметных отсылок-цитат, выбивающихся из канвы произведения, Кэрролл не добавлял, избегая явного указания на первоначальное стихотворение.

Первое стихотворение «Трудолюбивая пчела» Алиса пыталась прочитать себе, так как не могла понять, в кого она превратилась и где находится. Основные персонажи пародируемого стихотворения и пародии представлены пчелой и крокодилом соответственно. Кэрролл использовал два четверостишия, тогда как полное стихотворение представлено четырьмя. По-

вторяется начало первой строки Уоттса: *How doth the little...*, в которой сохранен архаичный вариант третьей формы глагола *do*: *doth* вместо *does*. Пародирование проявляется в выражении противоположной идеи: трудолюбие пчелы превратилось в беспечность, коварство и праздность крокодила. В стихотворении присутствует ирония, выраженная словами с уменьшительно-ласкательной характеристикой *little*: *little crocodile* – ‘крокодильчик’, *little fishes* – ‘рыбки’, и глаголом с положительной коннотацией *to welcome* – ‘приветствовать’. Так изображается улыбающийся крокодил, «приветствующий» челюстями рыбок.

Гусенице Алиса прочитала стихотворение «Папа Вильям», основанное на произведении Саути. Это самое большое из стихотворений Алисы и единственное из трёх, в котором персонажами выступают люди, в том числе заглавный персонаж William. Выбор стихотворения с персонажами-людьми, а не животными добавляет отличия от двух других стихотворений, что также выступает особенностью среди стихотворений Алисы. Стихотворение состоит не из шести, как в первоначальном варианте, а из восьми строф, в которых представлено общение на основе вопросов и ответов. Лексика по своим стилистическим характеристикам разнообразна. Хотя большинство слов нейтральные, встречается разговорная лексика, например сочетание *give yourself airs* – ‘важничать’, ‘заносчиво себя вести’, эмоционально-экспрессивные слова *sage* – ‘мудрец’, *youth* – ‘юнец’. Образы папы Вильяма в описаниях Саути и Кэрролла противопоставляются: вместо изображения терпеливого, спокойного и набожно-го человека в «Приключениях» он представлен раздражительным и неуравновешенным.

Черепаха Квази и Грифон слышали от Алисы фрагмент, отдаленно напоминавший «Лентяя» Уоттса. Главная героиня не могла вспомнить правильный текст, поскольку «мысли ее были так заняты омарами и морскою кадрилию, что она и сама не знала, что говорит» (перевод Н. М. Демуровой) [Кэрролл, 1978. С. 84], в связи с чем упоминание омара в этом фрагменте не случайно. Из пяти строф Уоттса Кэрролл создал вариант на основе первой и третьей строф, начинающихся соответственно: *'Tis the voice of the...* и *I passed by...* Начальные строки фрагментов содержат синтаксические конструкции, сопоставимые с синтаксическими конструкциями из Уоттса. Стихотворение Кэрролла содержит архаизм с апострофированной гласной *i*: *'tis* вместо *it is*, эмоционально-экспрессивную лексику *tremulous* – ‘трепетный’ и *boon* – ‘благо’. Персонажи у Кэрролла изменились: главный герой стихотворения Уоттса лентяй стал зажаренным омаром, притворяющимся, что не боится акул, а во второй части колючие кустарники *thorn* и *thistle* были заменены на животных *owl* и *panther*. Своеобразие средств описания выражена, в частности сравнением, содержащим в структуре эллипсис сказуемых: *As a duck with its eyelids, so he with his nose* – дословно: «Как утка веками, так и он носом», и незаконченностью последней строки, в которой подразумевается, что сова была съедена, т. е., как и в стихотворении о крокодиле, Кэрролл возвращается к идее коварства.

Обобщая характеристики стихотворений в оригинале, следует выделить компоненты, предполагающие их непереносимый учет в переводе: религиозно-нравоучительный характер стихотворений, ставших основой пародий; изменения в содержании, направленные на создание гротеска; дословное цитирование начальных строк пародируемых стихотворений в качестве зачинов. Выявленные элементы гротеска и пародирования, обоснованность выбора прецедентного текста и стилистические особенности текста оригинала будут учитываться далее как составляющие оценки адекватности перевода на русский язык.

Приступим к анализу стихотворений Л. Кэрролла в переводе.

Стихотворения в переводе Гранстрем

В 1908 г. в Санкт-Петербурге впервые в XX в. был опубликован на русском языке перевод-пересказ Матильды Давидовны Гранстрем (1848–1930) «Приключения Ани в мире чудес» [Кэрролл, 1908]. В этом издании персонажи получили распространенные в России имена: например, главную героиню зовут Аня, упоминается Квакун двадцатый – персонаж, известный по переводу Жуковским древнегреческой пародийной поэмы «Батрахомиамахии», известной также как «Война мышей и лягушек». Вместо стихотворений Кэрролла в книгу были включены без изменений известные басни.

Вместо стихотворения о крокодиле Гранстрем включила в перевод басню «Стрекоза и муравей» [Там же. С. 17], чем идея отсылки к иному произведению была сохранена. Нра-

воучительность иронически выражена в последних, ставших крылатыми, строках: «Ты все пела? это дело: Так поди же, попляши!» [Кэрролл, 1908. С. 17]. «Папа Вильям» в переводе Гранстрем стало басней «Ворона и Лисица» [Там же. С. 58]. В басне содержатся идеи доверчивости, лести и коварства. Тем не менее не очень удачный выбор прецедентного текста видится в отсутствии персонажей-людей и изложения, основанного на диалоге, тогда как в басне изображается лесть Лисицы, обращенная к Вороне, державшей в клюве сыр. Стихотворение, читавшееся Черепахе и Грифону, не представлено, что повлекло пропуск части прозаического текста.

В переводе Гранстрем гротеск не был передан. Использувавшиеся для перевода басни длиннее, чем стихотворения в книге Кэрролла, что можно считать недостатком предлагавшегося переводческого решения. Добавление басен, вероятно, позволило детям младшего возраста найти в книге вместе с описанием необычных и не всегда понятных событий что-то знакомое. В то же время читатели более старшего возраста могли задаться вопросом: откуда в сказке английского автора появились басни И. А. Крылова? В отношении стиля лексических средств отметим, что басни содержат и возвышенную лексику: *до вешних дней, злая тоска, не оставляй меня, в мягких муравах* в «Стрекозе и Муравье», и уменьшительно-ласкательную лексику: *близёхонько, голубушка, сестрица* в «Вороне и Лисице». Внесение такой лексики в перевод «Приключений» еще больше усилил отличие русского варианта от текста Кэрролла с элементами гротеска.

Стихотворения в переводе Рождественской

С ноября 1908 по октябрь 1909 г. Санкт-Петербургский журнал «Задуманное слово. Чтение для детей младшего возраста» [Кэрролл, 1908–1909] частями публиковал перевод «Приключений», выполненный Александрой Николаевной Рождественской (1846–1909), переводчицей детской литературы с английского языка. В отличие от перевода Гранстрем другие тексты в качестве основы для стихотворений не использовались. Основное внимание уделялось содержанию и гротеску в стихотворениях Кэрролла. Можно отметить, что Рождественская первой предложила имя главной героини Алиса, приближенное к оригинальному и ставшее принятым в русской культуре для главного персонажа «Приключений».

Для стихотворения о крокодиле, начинающегося в переводе словами: «Малютка-крокодил в волнах Хвост золотой купает...» [Кэрролл, 1911. С. 29] (оригинал: *How doth the little crocodile Improve his shining tail*), Рождественская создала вариант без отсылки к какому-либо иному произведению. В этом переводе идея коварства более эксплицирована многозначным глаголом *пленять*: «Пленяет рыбок и, смеясь, Глокает их с хвостами!» [Там же. С. 70], хотя у Кэрролла крокодил «приветствует» рыбок челюстями (оригинал: *And welcomes little fishes in, With gently smiling jaws!*). Для передачи высокого стиля, необходимого в стихотворении для иронии, встречается возвышенная лексика – *пленять*, и применена инверсия определения и определяемого существительного: *хвост золотой*, в духе торжественной поэтической речи. Был передан уменьшительно-ласкательный компонент *little* для персонажей: *малютка-крокодил, рыбки*.

В «Папе Вильяме» для первой части фрагмента в соответствии с оригиналом предлагается вариант «Ты – старик, мой отец; ослабел ты от лет, – Сказал сын» [Там же. С. 85–87] (оригинал: *“You are old, father William,” the young man said*). Хотя в этом переводе признаки пародирования отсутствуют, в нем переданы элементы гротеска, представленные чем-то необычным: «Как в такие года ухитришься ты Вверх ногами так часто стоять? [...] Как же гуся всего – объясни это мне – Мог с костями и клювом ты съесть?» [Там же] (оригинал: *“And yet you incessantly stand on your head – Do you think, at your age, it is right?” [...] Yet you finished the goose, with the bones and the beak – Pray, how did you manage to do it?”*). При описании способности съесть гуся использовалось многозначное слово *зубастый*. Сопоставимая структура стихотворения из четырех вопросов и трех ответов сохранена только в этом из исследуемых переводов. При отказе от пародирования обнаружены еще и лексические пропуски: фрагмент *I took to the law, And argued each case with my wife* передан «Я судился не раз, Никогда адвокатов не брал, Сам свои все дела защищал на суде», не передано упоминание жены (*wife*); пропущен фрагмент *By the use of this ointment – one shilling the box – Allow me*

to sell you a couple?, пропущено имя заглавного персонажа. Стиль в переводе создается в целом нейтральный, хотя присутствуют и разговорные слова *зубастый, убирайся, ухитриться*.

Стихотворение об омаре, как и у Кэрролла, разделено на две части: «Чу! голос омара победно звучит» и «Я шел мимо сада» [Кэрролл, 1911. С. 204–205]. Пародирование в этом стихотворении не передано. Главный персонаж *lobster* – ‘омар’ и значимые элементы английского текста сохранены, например: *You have baked me too brown, I must sugar my hair*, хотя с изменениями и добавлением обращения *detu* и введением образа кухарки: «Я, дети, поджарен. Пускай подсластит Кухарка меня своей честной рукой» [Там же. С. 204]. В то же время пропущена строка *As a duck with its eyelids, so he with his nose Trims his belt and buttons, and turns out his toes*. Во второй части стихотворения не передана незаконченность в последней строке: *And concluded the banquet by* – «Воркнула пантера... и совушка ей Дает нож и вилку, как можно скорей» [Там же]. Глагол *ворковать*, относящийся к характеристике хищника, добавлен, вероятно, для придания описанию коварства пантеры, противопоставляемого смиренностью совы. Возвышенность изложения достигается встречающимся в поэзии архаичным междометием *чу* – *'tis* и инверсией *воркнула пантера*. Таким образом, все поэтические фрагменты у Рождественской были переведены без отсылок к прецедентным текстам. В связи с этим из текста перевода без реплик персонажей книги читателям не становится самоочевидным, на основе лишь фоновых знаний, почему Алиса получала много замечаний от тех, кто слушал ее стихи. При этом стихотворения переведены с заметными отступлениями от оригинала. Можно предположить, что переводчица отказалась от пародирования в пользу передачи гротеска во избежание создания связи с культурой текста перевода. Такое сохранение описания более близкого к культуре текста оригинала было достаточно нестандартным для перевода в России сказок в начале XX в.

Стихотворения в переводе Соловьёвой

Поэтесса Поликсена Сергеевна Соловьёва (1867–1924), сестра философа В. С. Соловьёва, выполнила перевод «Приключений» под псевдонимом Allegro в 1909 г. для Санкт-Петербургского детского журнала «Тропинка» [Кэрролл, 1909]. Пародирование в стихотворениях в русском издании было представлено с помощью измененного текста произведений А. С. Пушкина: фрагмента «Птичка божия» из поэмы «Цыганы», фрагментов из поэмы «Полтава», из стихотворения «Песнь о вещем Олеге», а также из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу».

Стихотворение о крокодиле начиналось в переводе словами: «Божий крокодил не знает ни заботы, ни труда...» [Там же. С. 124] (оригинал: *How doth the little crocodile Improve his shining tail*), установившими связь с поэзией Пушкина. Использование фрагмента из «Птички божией» оказалось до некоторой степени уместным, поскольку в нем присутствует религиозная тематика. Главный персонаж пародии крокодил остался без изменений, но о рыбаках, упоминаемых в оригинале *little fishes*, в переводе не сказано. Уменьшительно-ласкательные характеристики из стихотворения в оригинале отсутствуют. Дополнительно вместо текста *And pour the waters of the Nile On every golden scale! How cheerfully he seems to grin, How neatly spreads his claws* переводчица вводит идею городской жизни: «Он квартир не нанимает И прислуги – никогда». Тем не менее окончание сюжетной линии о крокодиле представлено идеей коварства в соответствии с замыслом Кэрролла: «щелкнет пастью и плывет». В отличие от оригинала, в текст добавлена почти дословно еще одна строка из «Птички божией»: «Солнце-ль красное взойдет» [Там же], делающая отсылку более явной. В то же время вышеупомянутая инверсия компенсирует устаревшее слово *doth* в начале стихотворения Кэрролла.

Стихотворение «Папа Вильям», переделанное на мотив «Горит восток зарею новой» [Там же. С. 292], представлено пародированием третьей песни, посвященной бою, из поэмы Пушкина «Полтава». В переводе этот фрагмент оказался несколько больше по размеру, чем «Папа Вильям» Кэрролла. Общение людей Соловьёва заменила на пробуждение утреннего леса, обитатели которого, грибы и насекомые, ждут появления гриба боровика, что делает этот вариант абсолютно не похожим на стихотворение «Папа Вильям», в котором представлен диалог людей разных поколений. Описание растений и животных в качестве персонажей

сближает стихотворение в переводе с другими двумя стихотворениями, в которых персонажи – животные. Перевод содержит значительное количество эмоционально-экспрессивной лексики: *жемчуга, пленяет, свершает*, сочетания: *стоустая молва, в багряной шапке*, инверсию: *в заросли еловой*.

Стихотворение об омаре передано пародированием «Песни о вещем Олеге» Пушкина: «Как ныне собирается гордый омар» [Кэрролл, 1909. С. 598–599] (оригинал: *'Tis the voice of the Lobster*). В переводе оно стало длиннее, но содержание русского варианта сохранило идею о надменном омаре, тщательно одевающемся перед прогулкой. В отличие от оригинала, где сказано, что храбрость омара с появлением акулы исчезла, идея коварства эксплицирована, поскольку в русском варианте стихотворения акула проглатывает омара. В переводе присутствует многозначность, представленная словом *сбираться* в значениях ‘приближаться’ и ‘готовиться’. Во второй части пародируется стихотворение Лермонтова: «Выхожу один я на дорогу. Сквозь забор мне виден старый сад» [Там же]. Выбор стихотворения вполне оправдан, поскольку оно содержит религиозную окраску, представленную, например, словами «пустыня внемлет богу». В соответствии с оригиналом, последняя строка осталась неоконченной «И сова, от голода бледнея, Стала пучить круглые глаза, А над ними, вечно зеленея, Старых ив...» [Там же. С. 600]. Среди лексических средств использованы в основном нейтральные, но поэтический стиль достигается инверсией: *на берег морской, по моде последней, лучшую выбрав из праздничных пар*. В части стихотворения об омаре выявлена более разговорная лексика: *пуговки, ошалеть*. Соловьёвой в переводах удалось совместить элементы гротеска и пародирования, что до нее столь последовательно не предлагалось в переводах «Приключений». В то же время можно отметить, что некоторые из стихотворений получились несколько больше.

Стихотворения в издании 1913 г.

В 1913 г. появился анонимный перевод под названием «Алиса в волшебной стране», автором которого мог быть редактор журнала «Золотое детство» М. П. Чехов [Кэрролл, 1913]. Одна из черт издания заключается во внимании к прозаическому тексту и пропускам почти всех стихотворений, кроме стихотворения о крокодиле, представленного измененными первыми строками басни Крылова «Мартышка и очки». Стихотворение было передано заглавием и одним предложением с помощью приема спунеризма, т. е. игры слов, при которой части близкорасположенных слов меняются местами: «Очкишка и марты. Старишка в мартости слеза глабами стала!» [Там же. С. 11]. Следует отметить, что такой искаженный фрагмент басни позже упоминался К. И. Чуковским со ссылкой на художника И. Э. Грабаря [Чуковский, 2001. С. 353]. Этим приемом достигается комический эффект, но не представлены идея коварства и противопоставление моральным ценностям, выраженные в оригинале. Переводчику удалось даже в миниатюрном отрывке сохранить и гротеск, представленный игрой слов, и отсылку к известному произведению. Тем не менее передача гротеска искажением слов позволяет считать стиль стихотворения сниженным по сравнению с оригиналом.

Обсуждение и результаты

Анализ переводов подтвердил предположение о намерении переводчиков начала XX в. передать замысел Кэрролла, ставя акцент на элементах гротеска или пародирования либо совмещая их. При этом часто элементы гротеска и пародирования совмещались, а не передавались в отрыве друг от друга. Показано, что в трех переводах использовались прецедентные тексты, представленные стихотворениями поэтов первой половины XIX в.: Крылова, Пушкина и Лермонтова. Так, известность стихотворений и приблизительная соотнесенность периода английских произведений – XVIII в., проявились при выборе текста для пародирования в переводе. В каждом из переводов книги стихотворения Алисы последовательно передавались в соответствии с определенным принципом: акцентированием пародирования – у Гранстрем; сохранением гротеска – у Рождественской, передачей гротеска и пародирования – у Соловьёвой и в издании 1913 г.

Анализ ранних переводов позволил выявить решение, не отмечавшееся ранее в работах по теории и практике перевода: использование без изменений стихотворений, не относящихся к оригиналу, но представляющих собой прецедентные тексты. Примечательно, что и при отказе от передачи гротеска, и при отказе от передачи пародирования релевантные для перевода компоненты не были сохранены полностью, как у Гранстрем, или частично, как у Рождественской. Следовательно, передача пародирования не могла стать причиной пропуска существенных элементов оригинала, в том числе гротеска. В переводах Рождественской, где преобладало намерение передать гротеск, учтены особенности содержания стихотворений, хотя некоторые существенные элементы остались невыраженными. В качестве компенсации отказа от пародирования были добавлены отсутствующие элементы, например многозначные слова.

Среди особенностей техники пародирования выделяется эксплицированная отсылка к источнику пародии: не начальная строка, как у Кэрролла, а вся басня целиком, что заметно в переводах Гранстрем. Эта переводчица дважды пользовалась прямым цитированием, сделав фрагменты текстов узнаваемыми читателями, но это не позволило, тем не менее, выразить содержание текста оригинала. В ее переводе пародирование не приводит к эффекту гротеска, который в нескольких других переводах представлен внесением в прецедентный текст элементов, искажающих исходное содержание. Добавление ею прецедентного текста указывает на несоответствие между английской сказкой и добавленной в нее известной в России басни, в чем и проявляется общая парадоксальность такого переводческого решения.

В переводах следует отметить использование в некоторых случаях прецедентных текстов, не обладающих религиозным содержанием, например басен. В баснях отсутствует религиозная тематика, свойственная пародируемым стихотворениям в оригинале. В то же время о возможности пользоваться ими в качестве аналога свидетельствует их известность, антропоморфизм и черты своеобразной дидактической установки, проявляющиеся у Кэрролла иначе – в форме иронии.

Пародирование и гротеск с использованием фрагментов произведений русской литературы представлены преимущественно у Соловьёвой, в переводах которой коммуникативная установка стихотворений Кэрролла гораздо заметнее. Для пародии на «Лентяя» Уоттса ею было предложено два разных более объемных фрагмента, созданных на основе стихотворений Пушкина и Лермонтова. В издании 1913 г. заметно, что стихотворения, входившие в состав сказки, не считались в тот период обязательными для ее адекватного перевода, но добавление редкого приема спунеризма несколько компенсировало отсутствие поэтической составляющей книги.

Помимо выявления случаев акцентирования переводчиками внимания либо на передаче гротеска, либо на пародировании, обнаружилась тенденция к переходу от воспроизведения только гротеска к передаче пародирования, совмещенной с гротеском. Технически это осуществлялось с помощью отсылки к известным произведениям – прием, представленный в полной мере в переводе Соловьёвой и фрагментарно в анонимном переводе 1913 г. Эта последовательность в выборе принципов перевода трех стихотворений из «Приключений», выполненного до 1917 г., свидетельствует о сознательном отходе от стратегии сохранения плана содержания без учета его дополнительной связи с другим ранним текстом. Постепенно формируется установка на передачу элементов гротеска и пародирования как важных интертекстуальных элементов стихотворений Алисы в сказке Кэрролла, и, следовательно, возникает единообразный подход к переводу стихотворений из «Приключений».

Лексика в переводах указанного периода стилистически соответствует лексике оригинала. Тем не менее обращает на себя внимание излишнее обращение к эмоционально-экспрессивной лексике: возвышенной и сниженной, разговорной и устаревшей. Такая лексика приобрела более заметную выразительность в инверсиях существительное + прилагательное. Стихотворения в оригинале преимущественно содержат нейтральную лексику. Менее нейтральная встречается редко: *doth*, *'tis*, *sage*, *boon*. В переводе «Приключений» Гранстрем включила басни «Стрекоза и Муравей» с устаревшей лексикой и выражениями *вешние дни*, *в мягких муравах* и «Ворону и Лисицу» с уменьшительно-ласкательной лексикой *близёхонько*, *голубушка*, *перышки*, *сестрица*. Много случаев несохранения нейтрального стиля встречается при использовании басен.

Рождественская, сосредоточившись на передаче пародирования, а не гротеска, успешно справилась со стилистическими особенностями, например с передачей иронии, в том числе с помощью уменьшительной формы *little* для стихотворения о крокодиле: *малютка-крокодил, рыбки*; передачей нейтрального стиля с привнесением разговорной лексики в «Папе Вильяме»: *зубастый*. Рождественская сделала перевод стихотворения об омаре верным и содержательно, и стилистически. Касаясь последнего аспекта, нужно отметить, что удачно было подобрано соответствие для *'tis* в виде устаревшего поэтического междометия *чу*. В то же время присутствуют расхождения в семантике и стиле отдельных контекстуальных эквивалентов: *воркнуть* для *growl* (дословно 'рычание') и *совушка* для *owl* (дословно 'сова').

Соловьева учитывала стилистические особенности, но ирония в стихотворении о крокодиле менее заметна, в том числе и в связи с тем, что не передано слово *little* в отношении крокодила, а фраза *little fishes* пропущена. Для стихотворения «Папа Вильям» в переводе на основе «Полтавы» использовалось больше возвышенной лексики: *багряный, жемчуга, молвить* и т. д., хотя Кэрролл в этом стихотворении придерживался в основном нейтрального стиля. Поэтичность изложения, иногда избыточная, достигалась инверсией. Последнее стихотворение содержало добавленную разговорную лексику, например *пучить, ошалеть*.

О стилистических особенностях стихотворений в анонимном переводе 1913 г. объективно сказать невозможно, поскольку единственный поэтический фрагмент, относящийся к первому стихотворению, краток, состоит из одного полного предложения и полностью представляет собой спунеризм, что предполагает искажение плана выражения слов и отказ от следования языковой норме.

Практика воссоздания пародирования с помощью фрагментов произведений принимающей культуры продолжила развитие в переводах «Приключений» В. В. Набоковым и А. А. Френкелем в ранний советский период. Эти тогда еще начинающие литераторы были осведомлены о переводческой деятельности в Санкт-Петербурге. Набоков, который провел детство и юность в столице Российской империи, много читал и на иностранных языках, и русском. Френкель, будучи молодым человеком, приехал в этот город в 1912 г., переводил с английского языка юмористическую литературу, сотрудничал с санкт-петербургскими издательствами и сатирическими журналами. Первые два перевода «Приключений» после 1917 г., опубликованные в 1923 г., стали важным этапом в развитии традиции переводов «Приключений» на русский язык. Перевод Набокова, выполненный в Кембридже и изданный в Берлине, несмотря на оригинальный авторский стиль, признавался успешным, в том числе Уивером [Weaver, 1964. Р. 90]. Переводы стихотворений Набоковым получили высокую оценку в одной из статей Демуровой [1992. С. 22]. Френкель под псевдонимом А. А. Д'Актиль перевел «Приключения» под заглавием «Алиса в стране Чудес». Этот перевод стал первым изданным переводом сказки Кэрролла в России после революции 1917 г. [Кэрролл, 1923].

Эти переводчики, возможно, зная предыдущие издания книги на русском языке, продолжали пользоваться прецедентными текстами для пародии, известными по переводу Соловьёвой: «Божий крокодил не знает ни заботы, ни труда...» [Кэрролл, 1909. С. 65]. Стихотворение «Малютка крокодил» у Набокова и Френкеля начинается: «*Крокодилушка не знает Ни заботы, ни труда...*» [Набоков, 1992. С. 168] и «*Птичка божия не знает Никаких веселых игр...*» [Кэрролл, 2006. С. 37]. Среди других поэтических фрагментов, взятых за основу для переводов, можно назвать начальные строки «Полтавы» Пушкина для перевода «Папы Вильяма», выполненного Соловьёвой, и «Бородина» Лермонтова для перевода стихотворения Набоковым, в чем проявляется «военная» тематика пародий. Гротеск в их переводах достигался преимущественно сохранением описания из текста оригинала в первых, а в стихотворении об Омаре добавлено иное описание, например сравнение «ты смеешься как ёж», окказионализм *акулька* [Набоков, 1992. С. 262].

Френкель за основу для перевода стихотворения о крокодиле выбрал «Птичку божью» Пушкина, а для двух последующих – басни Крылова. Начальные строки пародируемых «Папы Вильяма» и стихотворения об Омаре в переводе Френкеля относятся к басням Крылова: «*Попрыгунья-Стрекоза проработала всё лето*» [Кэрролл, 2006. С. 76] и «*Однажды Лебедь, Рак да Щука...*» [Там же. С. 159] соответственно. Гротеск выражался на основе содержания басен и представлен заменой персонажей: птичка и тигр в стихотворении о крокодиле. Для «Папы Вильяма» Френкель поменял ролями персонажей из «Стрекозы и Муравья»: Стреко-

за – труженица, а Муравей превратился в лодыря. Для пародирования стихотворения об ома-ре с помощью «Лебедь, Щука и Рак» содержательные отношения между этими персонажами изменены: они намереваются станцевать кадрили.

В целом практический материал исследования показал, что при переводе стихотворений в «Приключениях» в начале XX в. было распространено использование известного стихотворения с внесением в него содержательных изменений, а переводчики внимательно относились к выбору прецедентного текста в качестве основы для передачи пародии, хотя и не всегда тематически уместной в отношении русских стихотворных текстов. Используемые в переводах лексико-стилистические средства носили более эмоционально-экспрессивную окраску.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует об эмпирическом подходе к развитию переводческих решений для совершенствования стратегий поэтического пародирования в начале XX в. Сопоставление переводов «стихов Алисы» из «Приключений» Л. Кэрролла, позволило выявить особенности сочетания гротеска и пародирования в четырех версиях книги, изданных в Санкт-Петербурге с 1908 по 1913 г. В этих переводах заметно разнообразие подходов, объяснимое этапом становления переводческой традиции XX в., но при этом в них наметилась последовательность в выборе переводческих средств пародирования, которая укрепилась в переводах «Приключений» в 1920-е гг. Изучение практического материала показало, что пародирование на основе произведений русской литературы приблизило текст к принимающей культуре, но за счет утраты существенных элементов содержания. Переводчики считали более важной российскую внутрикультурную составляющую: при формальном сохранении отсылки к другому русскому стихотворному тексту в переводе устанавливалась связь не с элементами гротеска Кэрролла и не со стихотворениями Уоттса и Саути, а с идеей доведения морализаторства до абсурда или общим пародийным настроением стихотворений из «Приключений», обрамленных прецедентными текстами русской литературы.

Список литературы

- Демурова Н. М. Голос и скрипка // Мастерство перевода. Сборник седьмой. М., 1970. С. 150–185.
- Демурова Н. М. Алиса на других берегах // Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. М.: Радуга, 1992. С. 7–28.
- Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб., 2006. 224 с.
- Кэрролл Л. Приключения Алисы в волшебной стране // Задушевное слово. Чтение для детей младшего возраста. 1908–1909. Т. 49, № 1–7, 9–33.
- Кэрролл Л. Приключения Ани в мире чудес. СПб.: Изд-во Э. А. Гранстрема, 1908. 164 с.
- Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес // Тропинка. 1909. № 2–5, 7–17, 19, 20.
- Кэрролл Л. Алиса в волшебной стране. Английские сказки. СПб.: Изд. журнала «Золотое детство», 1913. С. 1–63.
- Кэрролл Л. Алиса в стране чудес. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. 192 с.
- Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1978. 360 с.
- Кэрролл Л. Приключения Алисы в волшебной стране. СПб., М.: Тов-во М. О. Вольф, 1911. 249 с.
- Кэрролл Л. Алиса в стране чудес. М.; Пг.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1923. 132 с.
- Набоков В. В. Аня в стране чудес. Повесть-сказка // Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. М.: 1992. С. 155–282.
- Сагратян А. А. Введение в опыт перевода: Искусство, осязаемое пульсом. М.: Грааль, 2001. 186 с.
- Федоров А. В. Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы). М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 370 с.
- Чуковский К. И. От двух до пяти // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. Т. 2. С. 5–389.

Шор Ю. В. Литературные пародии, пересмешики, подражания как феномен разноголосицы в тексте // *Respectus philologicus*. 2003. № 3 (8). С. 95–105. URL: <http://filologija.vukhf.lt/3-8/shor.htm> (дата обращения 30.07.2015).

Эткинд Е. Г. Для маленьких читателей // Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 345–379.

Bakhtin M. M. *Rabelais and his world*. Bloomington: Indiana University Press, 1984. 484 p.

Carroll L. *The annotated Alice: Alice's adventures in Wonderland and Through the Looking-Glass*. Harmondsworth: Penguin books, 1970. 352 p.

Connolly J. W. *Ania v strane chudes* // Alexandrov V. E. *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. New York: Routledge, 1996. P. 18–25.

Enos T. (ed.). *Encyclopedia of rhetoric and composition: Communication from ancient times*. New York: Routledge, 1996. 832 p.

Genette G. *Paratexts: Thresholds of interpretation*. Cambridge: CUP, 1997. 427 p.

Hennelly M. M., Jr. *Alice's Adventures at the carnival* // *Victorian Literature and Culture*. 2009. No. 1. P. 103–128.

Heyman M., *Shortsleeve K.* *Nonsense* // Nel P., Paul L. *Keywords for children's literature*. New York: NYU Press, 2011. P. 165–169.

Weaver W. *Alice in many tongues: The translations of Alice in Wonderland*. Madison: University of Wisconsin Press, 1964. 147 p.

Материал поступил в редколлегию 18.12.2017

Alexander V. Kalashnikov

National Research University – Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation

remkas@mail.ru

PARODIED MORALISTIC POEMS IN ALICE'S ADVENTURES IN WONDERLAND TRANSLATED INTO RUSSIAN IN THE EARLY 20TH CENTURY

The paper features the poems recited by Alice in L. Carroll's *Alice's Adventures in Wonderland*, with a focus on their translations into Russian done between 1908 and 1913 in Saint Petersburg. A special attention is given to the attempts to keep in the translations the features of grotesque and parody. The paper argues that during the formation of poetic translation in Russia in the early 20th century Carroll's poems from the book were rendered with the relevant elements of grotesque or parody, or combining both. The comparison of the translations and identifying relevant features of the poems promoted to the conclusion that adding grotesque features to the parody in the form of a better known poem in the target language got a wider use among translators. However, this approach caused the omission of some relevant elements of the source text. Overall, the poems in the book in the early 20th century editions played a significant part in shaping more consistent translation solutions to render Carroll's book into Russian.

Keywords: *Alice's Adventures in Wonderland*, poetic translation, theory of translation, parody, grotesque, Russian poetry.

References

Bakhtin M. M. *Rabelais and his world*. Bloomington: Indiana University Press, 1984, 484 p. (In Russ.)

Carroll L. *Priklyucheniya Ani v mire chudes* [Ania's adventures in the world of wonders]. Saint Petersburg: izdatel'stvo E. A. Granstrema, 1908, 164 p. (In Russ.)

Carroll L. *Priklyucheniya Alisy v volshebnoy strane* [Alice's adventures in Fairland]. *Zadushevnoe slovo. Chtenie dlya detey mladshego vozrasta* [Intimate Word. Reading for children], 1908–1909, vol. 49, no. 1–7, 9–33. (In Russ.)

- Carroll L. *Priklyucheniya Alisy v strane chudes* [Alice's adventures in Wonderland]. *Tropinka*, 1909, no. 2–5, 7–17, 19, 20. (In Russ.)
- Carroll L. *Priklyucheniya Alisy v volshebnoy strane* [Alice's adventures in Fairland]. Saint Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo M. O. Vol'f, 1911, 249 p. (In Russ.)
- Carroll L. *Alisa v volshebnoy strane* [Alice in Fairland]. *Angliyskie skazki* [English tales]. Saint Petersburg, Izdanie zhurnala «Zolotoe detstvo», 1913, p. 1–63. (In Russ.)
- Carroll L. *Alisa v strane chudes* [Alice in Wonderland]. Moscow, Petrograd, L. D. Frenkel' Publ., 1923, 132 p. (In Russ.)
- Carroll L. *Alisa v strane chudes* [Alice in Wonderland]. Moscow, OLMA Media Grup, 2006, 192 p. (In Russ.)
- Carroll L. *Alisa v Strane Chudes. Alisa v Zazerkal'e* [Alice in Wonderland. Alice through the looking-glass]. Moscow, Nauka, 1978, 360 p. (In Russ.)
- Nabokov V. *Any a v strane chudes. Povest'-skazka* [Alice in Wonderland]. Moscow, 1992, p. 155–282. (In Russ.)
- Carroll L. *The annotated Alice: Alice's adventures in Wonderland and Through the Looking-Glass*. Harmondsworth: Penguin books, 1970, 352 p.
- Chukovskiy K. I. *Ot dvukh do pyati* [From two to five]. *Chukovskiy K. I. Sobranie sochineniy* [Chukovskiy K. I. Complete works]. In 15 vols. Moscow, Terra – Knizhnyy klub, 2001, vol. 2, p. 5–389. (In Russ.)
- Connolly J. W. *Ania v strane chudes. Alexandrov V. E. The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. New York, Routledge, 1996, p. 18–25.
- Demurova N. M. *Alisa na drugikh beregakh* [Alice on other shores]. *Carroll L. Priklyucheniya Alisy v Strane chudes*. Moscow, Raduga, 1992, p. 7–28. (In Russ.)
- Demurova N. M. *Golos i skripka* [Voice and violin]. *Masterstvo perevoda* [The art of translation]. Moscow, 1970, p. 150–185. (In Russ.)
- Encyclopedia of rhetoric and composition: Communication from ancient times. T. Enos (ed.). New York, Routledge, 1996, 832 p.
- Etkind E. G. *Dlya malen'kikh chitateley* [For child readers]. *Etkind E. G. Poeziia i perevod* [Poetry and translation]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel', 1963, p. 345–379. (In Russ.)
- Fedorov A. V. *Vvedenie v teoriyu perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Introduction into translation theory (linguistic problems)]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1958, 370 p. (In Russ.)
- Genette G. *Paratexts: Thresholds of interpretation*. Cambridge: CUP, 1997. 427 p.
- Hennelly M. M., Jr. *Alice's Adventures at the carnival. Victorian Literature and Culture*, 2009, no. 1, p. 103–128.
- Heyman M., *Shortsleeve K. Nonsense*. Nel P., Paul L. *Keywords for children's literature*. New York, NYU Press, 2011, p. 165–169.
- Kazakova T. A. *Khudozhestvennyy perevod: v poiskakh istiny* [Literary translation: in search of truth]. Saint Petersburg, SPbGU Press, 2006, 224 p. (In Russ.)
- Sagratyan A. A. *Vvedenie v opyt perevoda: Iskustvo, osyazaemoe pul'som* [Introduction into translation: Art felt by pulse]. Moscow, Graal', 2001, 186 p. (In Russ.)
- Shor Yu. V. *Literaturnye parodii, peresmeshniki, podrazhaniya kak fenomen raznogolositsy v tekste* [Literary parodies as a phenomenon of heteroglossia in text]. *Respectus philologicus*, 2003, no. 3 (8), p. 95–105. URL: <http://filologija.vukhf.lt/3-8/shor.htm> (accessed 30.07.2015). (In Russ.)
- Weaver W. *Alice in many tongues: The translations of Alice in Wonderland*. Madison, University of Wisconsin Press, 1964, 147 p.

For citation:

Kalashnikov A. V. Parodied Moralistic Poems in *Alice's Adventures in Wonderland* Translated into Russian in the Early 20th Century. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, p. 96–107. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Александр Борисович – аспирант Московского государственного областного университета

Бобылева Татьяна Валерьевна – соискатель кафедры романо-германской филологии Новосибирского государственного университета

Казарина Валентина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, методики преподавания и документоведения Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

Калашников Александр Владимирович – кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

Кондакова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

Морозова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

Палкин Алексей Дмитриевич – доктор филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

Соломоновская Анна Леонидовна – кандидат филологических наук, и. о. зав. кафедрой межкультурной коммуникации гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Яковлев Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и языковой коммуникации института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, Красноярск

Янь Кай (Yan Kai, КНР) – аспирант филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие *резюме статьи* на русском и английском языках (по 5–7 предложений), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова на двух языках, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

М. А. Кузьмина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

mash_room@mail.ru

РУССКАЯ И ИТАЛЬЯНСКАЯ АБСТРАКТНАЯ АДЪЕКТИВНАЯ МЕТАФОРИЗАЦИЯ

Статья посвящена сопоставительному семантическому анализу направлений русской и итальянской адъективной метафоризации на основе номинаций «абстрактных» признаков объектов. Выявляются наиболее регулярные направления метафорического переноса, отмечаются общие и специфические черты метафорообразования в двух языках.

Ключевые слова: адъективная метафора, метафоризатор, направление метафоризации.

Основной текст статьи

Список литературы (в алфавитном порядке без нумерации)

Список словарей

Список источников

Материал поступил в редколлегию 25.09.2016

M. A. Kuzmina

*Novosibirsk State University
1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

mash_room@mail.ru

THE RUSSIAN AND ITALIAN ABSTRACT ADJECTIVAL METAPHORIZATION

The paper presents semantic comparison and analysis of Russian and Italian adjectival metaphORIZATION tenors, the vehicles and metaphors both being abstract nominations. By revealing of the most regular tenors, common and specific metaphORIZATION features are demonstrated.

Keywords: adjectival metaphor, vehicle, metaphORIZATION tenor.

References

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильин Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, вып. 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr отдельными файлами. Просим Вас **не изменять исходный электронный формат** создаваемого Вами графического объекта.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго опре-

деленные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лин-

гвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 18285 в каталоге ОАО «Роспечать»